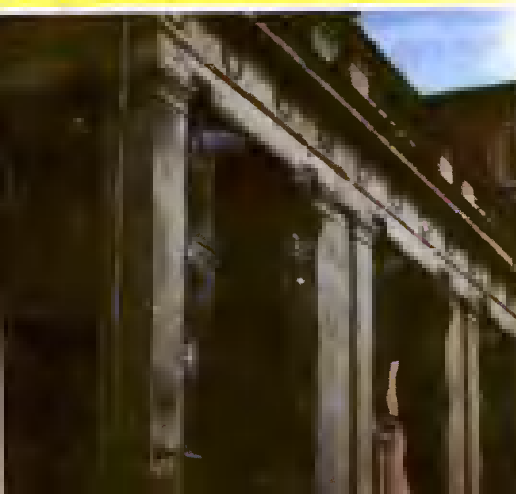
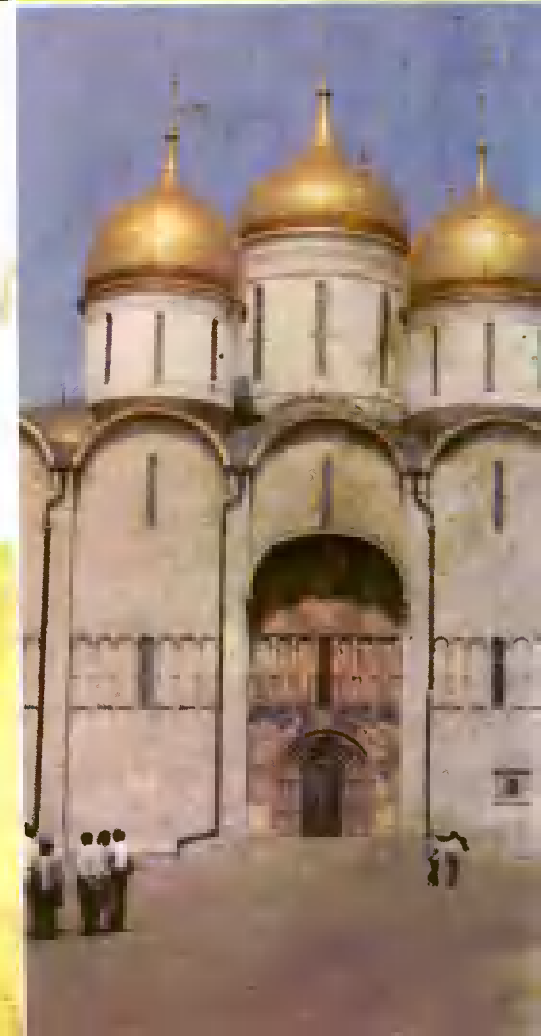
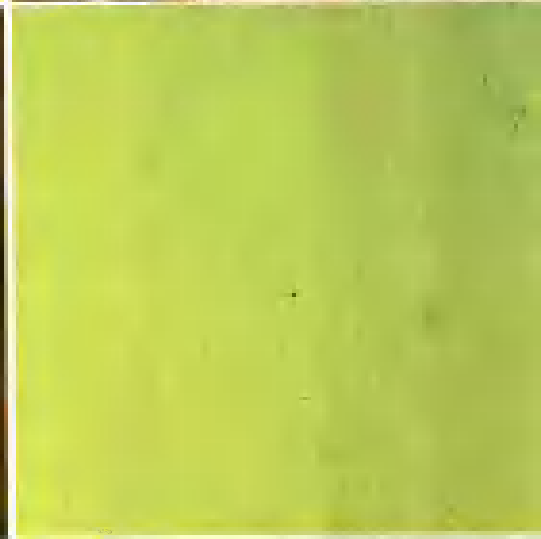

ISSN 0130-7045

НАУКА И РЕЛИГИЯ

6-88

Обычно художники ревниво относятся к незавершенным полотнам, с неохотой показывают их. И мы особенно благодарны Вячеславу Михайловичу Назаруку, лауреату Государственной премии СССР, который любезно согласился рассказать нашему корреспонденту о своей новой картине, посвященной историческому событию — крещению Киевской Руси князем Владимиром.

— Вячеслав Михайлович, почему вы обратились именно к этой теме?

— Историческая тематика интересовала меня всегда. Практически все мои картины посвящены великим событиям нашей истории. Эта работа заказана Государственным музеем истории религии и атеизма в Ленинграде. Она состоит из двух частей — диптиха. Первая, близкая к завершению, — это сам акт крещения, вторая — свержение старых богов — завершена вчерне. Ответственность художника при разработке таких сложных тем необычайно велика. С одной стороны, легко впасть в апологетику. С другой — есть опасность недооценки ро-

ли и места этого события в нашей истории. Объективность в искусстве — труднодостижима, часто она приносится в жертву личному, вкусовому. Ничего не поделаешь — искусство индивидуально. Но когда речь идет о темах, находящихся на острие общественного внимания, мне кажется, над стремлением к оригинальности, самобытности должно стоять понимание ответственности. Впрочем, это моя точка зрения.

— Я вижу у вас мечи, шлемы, старинную одежду... Они для работы с натуращиками?

Продолжение см. с. 31.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

И. Ш. АЛИСКЕРОВ,
А. В. БЕЛОВ,
В. И. ГАРАДЖА,
И. И. ЖЕРНЕВСКАЯ
(ответственный секретарь),
А. С. ИВАНОВ,
Н. А. КОВАЛЬСКИЙ,
Э. И. ЛИСАВЦЕВ,
Б. М. МАРЬЯНОВ
(зам. главного редактора),
В. П. МАСЛИН,
С. И. НИКИШОВ,
М. П. НОВИКОВ,
И. К. ПАНТИН,
В. Е. РОЖНОВ.

РЕДАКЦИЯ:

И. У. АЧИЛЬДИЕВ,
О. Т. БРУШЛИНСКАЯ,
Э. В. ГЕВОРКЯН,
Г. В. ИВАНОВА,
М. А. КОВАЛЬЧУК,
Ю. М. КУЗЬМИНА,
В. К. ЛОБАЧЕВ,
К. А. МЕЛИК-СИМОНЯН,
Л. А. НЕМИРА,
В. П. ПАЗИЛОВА,
М. И. ПИСКУНОВА,
А. А. РОМАНОВА,
О. М. СТЕПОВАЯ,
О. Ю. ТВЕРИТИНА,
В. Л. ХАРАЗОВ.
Художественный редактор
С. И. МАРТЕМЬЯНОВА.
Технический редактор
Ю. А. ВИКУЛОВА.
Корректор
Г. Л. КОКОСОВА.
Зав. редакцией
Э. Н. ВОЛКОВА.
Ведущий номера
В. ЛОБАЧЕВ.
Первая страница обложки
художника-фотографа
Б. АСРИЕВА.

Дом Пашкова
Москва
Библиотека имени
Возведен
в 17... 26 гг. по
кту
В Баженова. Очер
значением
КТ...

НАУКА И РЕЛИГИЯ

ИЮНЬ 1988

6

		1000 лет — не возраст?	2
		Православие: спорные страницы	3
ПРАВОСЛАВИЕ СЕГОДНЯ	Ю. ЗУЕВ А. КРАСИКОВ	«День восьмой» Без права на равнодушие	14
	В. ПАЗИЛОВА В. ХАРАЗОВ Л. ТАЛЫМОВ	Цифры и факты Диалог? Пока только знакомство! Чудеса в Грушеве Опровержение	15 16 30 46 26
ИЗ ИСТОРИИ ПРАВОСЛАВИЯ	И. ЗАВЬЯЛОВА А. НИКИТИН	Данила Московский и Данилов монастырь «Кромешники»	12 32
Три патриарха	А. ШАМАРО О. БРУШЛИНСКАЯ	Житие несостоявшегося патриарха Из воспоминаний митрополита Евлогия. Эмигранты Остался нераскаянным...	35 18 42
Православие и культура	Г. ВЗДОРНОВ В. ПИГАЛЕВ С. ПЕТРОВ В. ЛЕБЕДЕВ	Из «лебединой песни» Наш взор пленяет самобытность Велики ли были монастырские библиотеки? Уважаемый Баба-Яга!	10 52 55 24
Тысячелетний архив	О. СТЕПОВАЯ	Что было, то было Наш «Изборник»	56 9, 50
	О. ЛУЗАН	Как князь Ярослав Медвежий угол крестил	17
ПРАВОСЛАВИЕ И КАТОЛИЦИЗМ	С. АВЕРИНЦЕВ Н. ДАРАГАН	Христианство — век тринадцатый Католичество и Русь	38 39
ПРАВОСЛАВИЕ ЗА РУБЕЖОМ	В. ЕВГЕНЬЕВ М. ВИССОНОВ	Русские на горе Афон Под сводами Николай-до Сергиевское подворье в Париже Константинопольская и другие	61 62 63 63
НАШИ ПУБЛИКАЦИИ	А. ВЕЛЫЙ	Лик голубинин	58
CONTENTS		Содержание на английском языке	64

На первой странице
обложки:
● Крещение Владимира
Роспись художника В.М. Ви
нова. Киев. Владимирский
собор. ● Софийский собор
Киева. ● Успенский собор
Кремля. ● Древний герб
рода Владимира. ● А
инградского Эрмитажа.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЗНАНИЕ»

© Журнал
«Наука и религия», 1988.

Адрес редакции:
109004, Москва, Ж-4,
Ульяновская, 43, корп. 4.
Телефоны:
297-02-31, 297-10-89.

1000 лет — НЕ ВОЗРАСТ?

В мире есть церкви и постарше Русской православной. Но что ни говори, а 1000 лет — возраст почтенный. В такой юбилей впору вспомнить прошлое, поразмыслить над проблемами настоящего, подумать о будущем.

Прошлые Русской православной церкви отделяет от нас не только плотная завеса минувших столетий, но и горы домыслов и фальсификаций. И по сей день немало в нем белых пятен, невыясненных обстоятельств, вокруг которых идут жаркие споры. Есть страницы истории, которыми церковь по праву гордится, а есть такие, что, будь ее воля, с охотой предала бы забвению. «Никто не должен думать, — говорит митрополит Киевский и Галицкий Филарет, — что русское православие следует описывать только светлыми красками... Церковь — это не общество святых...» Не станем спорить...

Было бы ошибкой считать православие на всех этапах истории во всех ее конкретных проявлениях силою консервативной. Но не меньшей ошибкой будет и попытка представить его силой неизменно нравственной, духовно обогащающей общество, человека. Впрочем, обратимся к фактам.

С «крещением» Руси молодое феодальное государство, сложившееся к X веку на землях восточных славян и уже заявившее о себе в полный голос и на Востоке, и на Западе, получило солидную опору в идеологии и организационной структуре православной церкви. Официальная христианизация Руси существенно расширила ее политические, экономические, культурные связи с христианской Европой. Христианство сыграло в целом позитивную роль в развитии письменности, культуры, нравственном прогрессе древнерусского общества. Общеизвестны патриотические заслуги многих деятелей Русской православной церкви. В то же время борьба церкви с язычеством то и дело оборачивалась гонениями против традиционной славянской культуры. Веками она жестоко расправлялась со всяким проявлением вольномыслия, даже в собственной, церковной среде. Верно служа интересам господствующих классов, она представляла их корыстные интересы как всеобщие, «божественные»,

выступала орудием духовного подавления масс.

История Русской православной церкви — это и история ее открытой, ожесточенной борьбы против государства рабочих и крестьян, против Советской власти в первые послеоктябрьские годы и одновременно история трудного, драматического прозрения — перехода от конфронтации к лояльности, а затем к активной поддержке нового строя.

Настоящее Русской православной церкви оценивается ее патриархом как «служение в благоприятных условиях справедливого общества». Ленинский декрет об отделении церкви от государства и школы от церкви, Конституция СССР гарантируют ей свободу от государственного вмешательства во внутрицерковные дела, равенство в правах с другими конфессиями, широкие возможности для удовлетворения религиозных потребностей верующих. Своим активным участием в Великой Отечественной войне советского народа, в борьбе за предотвращение новой мировой войны, «освобождение Земли от скверны ядерного оружия» церковь снискала себе признание внутри страны и за рубежом. Вместе с религиозными деятелями других конфессий она вносит ныне посильный вклад в деятельность Фонда мира, Детского фонда, Советского фонда культуры, в деятельность Общества по охране памятников истории и культуры. Она активно поддерживает курс на оздоровление экономики, перестройку и демократизацию общественной жизни, на нравственный подъем общества. 70-летний опыт существования церкви в условиях социализма показывает, что она, не поступаясь ничем в вопросах веры, сумела найти свое место в новом обществе.

В отношениях между органами государственной власти и религиозными организациями есть, конечно, и сегодня проблемы. Марксисты вообще считают, что «совершенное общество, совершенное государство» это — вещи, которые могут существовать только в фантазии». Мы отмечаем это вовсе не для того, чтобы отговориться от трудностей и недостатков. Мы их знаем и открыто говорим о них. Не изжито бездушно-бюрократическое отношение к нуждам верующих, остаются прояв-

ления религиозного экстремизма. Процесс демократизации общественной жизни требует известных корректив в законодательстве, регулирующем отношения местной власти с религиозными организациями. Но при всем этом советский строй создал широчайшие возможности для осуществления свободы совести, включая и религиозную свободу.

Ну а что же касается тех, кто поднимает вселенский шум о преследовании церкви в СССР, о них можно сказать словами Евангелия; видя, не видят, слыша, не слышат, и не разумеют.

Будущее церкви? Для сторонников научного атеизма тут вроде бы все ясно. С развитием социализма будет отмирать религия, а значит и церковь. История в целом подтверждает этот прогноз. Но когда и как это произойдет — на такие вопросы сегодня вряд ли кто-либо из серьезных исследователей даст конкретный ответ. Прогресс в общественной, в том числе духовной жизни идет отнюдь не прямолинейно и не автоматически вслед за прогрессом в науке, технике, образовании и благосостоянии. Его реальная диалектика много сложнее, хитрее, чем уму человека кажется. Возможны здесь и своего рода зигзаги, попятные движения. Марксисты не сетуют на хитросплетения и трудности прогресса, а настойчиво работают над тем, чтобы найти его оптимальные формы, поставить в центр своей политики интересы человека, создать все условия для развития и реализации его способностей и дарований.

Прогресс в условиях социализма немислим, невозможен без демократии. А это означает, в частности, что неукоснительное соблюдение конституционных прав верующих, религиозных организаций, последовательная борьба с любыми их нарушениями является непременным условием окончательного освобождения масс от религиозных иллюзий. Может кому и покажется странной подобная диалектика демократии и атеизма, но она именно такова и здесь любое нарушение демократических норм только тормозит, сдерживает духовный прогресс общества.

В этом процессе важная роль принадлежит атеистической работе. Она может и должна вестись с уважением чувств верующих, гражданского достоинства священнослужителей, все больше принимая форму диалога, открытых дискуссий, в которых и рождается истина. Сотрудничество на поприще экономики, общественного творчества, борьба за гуманизацию отношений между людьми, за преумножение благосостояния и мощи Отечества, за упрочение мира и одновременного принципиального мировоззренческого диалога — такими видятся нам отношения атеистов и верующих.

ПРАВОСЛАВИЕ: СПОРНЫЕ СТРАНИЦЫ

В тысячелетней истории православия Руси немало неясных и спорных вопросов. Ныне интерес к ним значительно обострился, что хорошо видно, в частности, на примере нашей читательской почты. Поиск ответов на такие вопросы и стал основным мотивом беседы нашего корреспондента Валерия ЛОБАЧЕВА с писателем и исследователем, работающим в жанре исторической публицистики, Андреем НИКИТИНЫМ.

ЛОБАЧЕВ. Прежде всего о самом событии — «крещении Руси». Мы не имеем ни бесспорной даты «крещения», ни реального представления о мотивах принятия христианства князем Владимиром, не знаем, действительно ли были первыми киевскими митрополитами Михаил и Леон, которых церковь считает таковыми. Известно, что летописание на Руси, а историю церкви — в особенности, контролировало духовенство. Откуда же такие пробелы, почему вместо обстоятельного рассказа о «крещении Руси» перед нами «религиозная беллетристика»?

НИКИТИН. Христианство утвердилось не волевым актом Владимира I, а полуторазековой борьбой многообразных тенденций, сопровождавших собственное развитие нового государственного образования. Такой же фантастической и противоречивой нам предстает и его литературная история в «Повести временных лет», где, как утверждает один из современных православных иерархов, «историческая правда переплетается с благочестивым вымыслом». Например, легенда отравила княгиню Ольгу за христианством в Константинополь, хотя принимавший ее Константин Багрянородный не позволяет усомниться, что она уже была христианкой: ее сопровождал «пресвитер Григорий»...

ЛОБАЧЕВ. Рука церковных писателей особенно коснулась «крестителя Руси». Разбирая летописные предания о нем, современный церковный деятель, митрополит Минский и Белорусский Филарет, предлагает такое им объяснение: «...Князь Владимир до своего крещения отдал полную дань темной стихийности, прадревнему славянскому иррационализму. «Повесть временных лет» беспощадно описывает это одержание души, доводя его почти до гротеска, до фантастически дикой картины растворения человеческого начала в мире вожде-

лений и страстей. Независимо от биографической достоверности подобной картины (очень важное замечание!) надо признать в ней не столько состояние души князя Владимира до крещения, сколько символический образ состояния русской души, как таковой».

Православный иерарх солидарен с мнением древнего летописца, которому некрещеная Русь представлялась «жилищем дьявола», а единственным «спасением» было христианство.

А как с точки зрения истории: чем была тогда Русь?

НИКИТИН. Русь X века уже называли «страной городов». Именно города с их специфическим строем и укладом жизни, с административной властью, ремесленным производством и международной торговлей определяли развитие культуры и общественного сознания того времени. Русские города отличались от городов Западной и Северной Европы только большими размерами и материалом, из которого были построены. Отсутствие строительного камня, более холодный климат и меньшая военная опасность позволяли жителям Древней Руси строить свои дома из дерева, в два и три этажа и, что важно, за пределами крепостных стен. Легкие, просторные, окруженные садами, они были много удобнее каменных, но, к сожалению, менее долговечны. Из камня строили только культовые и административные (дворцовые) здания. Первые храмы в Киеве возвышались над садами и деревянными домами киевлян как символы христианской религии среди языческого быта.

Славянское язычество по сути своей не отличалось от любого другого язычества. Его практика заключалась в обряде, то есть в определенных действиях. Празднества данной общины касались только этой общины, а не всего племени. Сам языческий

миф, на который обращено внимание современных исследователей, не играл в обряде практически никакой роли, а потому мог бесконечно варьироваться, обрастая деталями, как то можно видеть, например, в Древней Греции. Поэтому жречество имело ограниченное, так сказать, «прикладное» значение. В Древнем Риме жреца уважали — но не больше; к нему обращались за конкретным советом, но беседовать предпочитали с учеными и философами; его храм мог быть наполнен произведениями искусства и драгоценностями, но не он был центром духовной жизни...

Язычество славян, так же как греческое или римское, было присуще быту людей, живших натуральным хозяйством и с помощью магического обряда «воспроизводивших» стереотип жизни. Не случайно его синонимом очень рано стал термин «паганус», в переводе с латинского — «сельский». Первым шагом к инфляции язычества на Руси стало возникновение феодального города, фактическое отделение ремесла, торговли, административного управления от села и соседско-родовой общины. Пестрый, разноязычный мир, с которым городской житель ежедневно сталкивался на рынке, обогащал его новыми товарами и новыми идеями. Благодаря раскопкам мы знаем, что в древнерусских городах жили и скандинавы — воины и ремесленники, многочисленные выходцы из земель западных славян, болгары и волжские булгары, евреи и арабы, греки и франки. Каждый из них представлял свою культурную традицию, имел свой взгляд на мир, свою веру, свои обряды. Молодость и открытость городов Восточной Европы — равно торговцу и миссионеру, широкая веротерпимость, характерная вообще для языческого мирозерцания, давали широкий простор проповеднической деятельности любых конфессий.

Как действовали здесь проповедники ислама и иудаизма, сказать трудно. Мы встречаем их в полухудожественном рассказе о выборе веры Владимиром, но не находим достоверного упоминания о каких-либо специальных миссиях. Мусульмане на Руси больше занимались торговлей, чем проповедью. Можно думать, что более активны были иудеи, поскольку в древнерусской «библиотеке» мы находим ряд переводов с древнееврейского. Действительную активность проявляли Рим и Константинополь. Разница между ними заключалась в том, что константинопольские патриарх и император предпочитали крестить приходящих к ним русов, тогда как Рим поддерживал традицию апостольских миссий к «язычникам».

Что же касается великого князя киевского Владимира Святославича, то, я думаю, для него, как и для всех его предшественников на этом пути, непосредственным толчком, по-видимому, все-таки должно было стать честолюбивое стремление сравняться на иерархической лестнице с окружающими властителями. Вероисповедание в ту эпоху оказывалось своего рода платформой, позволявшей вести дальнейший спор о титулах, рангах и родстве. Если верить преданию, то разговор шел о руке Анны, сестры византийского императора, и в этом случае «Париж стоил обедни». Владимир хотел уравниваться с константинопольским двором, хотел этого для себя лично. Мне кажется, что, делая этот шаг, он мог и не предполагать, что историки-богословы отождествят его волю с волей страны и народа.

ЛОБАЧЕВ. Возможно и так. Но можно предположить и другое — сознательный выбор, учитывающий более широкие перспективы — политические, дипломатические, культурные, да и экономические. К таким соображениям мог прийти сам Владимир, и, наконец, проницательные и деловитые люди могли оказаться среди его советников.

НИКИТИН. Скорее всего, он действительно должен был советоваться со «старшей дружиной», с той земельной аристократией, от которой зависело — одобрить Владимира или изгнать его из Киева.

Для них определенную роль мог играть престиж страны: в Константинополе Русь стали бы принимать значительно лучше. Не меньшую роль могла играть традиция, поскольку православие проникало на Русь уже в течение ста лет и часть боярства могла его исповедовать. Но было, по-видимому, и третье, не столь ясно сознаваемое: внутривластная ситуация в контролируемых Киевом землях.

Возникшая после гибели князя Святослава Игоревича «усобица первых князей», глухо упомянутая в «Слове о полку Игореве» со слов

Бояна, киевского поэта второй половины XI века (или его предка, Бояна Симеоновича), поставила киевское правительство перед необходимостью добиться действительного слияния земель, находившихся под номинальной властью Владимира. «Конфедерация богов», поставленных в 980 году Владимиром «вне двора теремного», символизировала, по мнению ряда исследователей, союз земель, поддержавших князя в его династических притязаниях.

Однако боги чужих племен оставались для киевлян чужими богами. Попытки князя придать требищам обязательный характер, вплоть до человеческих жертвоприношений, не могли найти отклика в городской среде, где жизнь формировала совершенно иной поведенческий тип. К тому же часть горожан уже исповедовала христианство. Помочь объединить людей могла религия, уравнивающая всех в своем лоне, формирующая новое ощущение общности — столь необходимое населению феодального государства, тем более такого разноплеменного, каким становилась Русь, и одновременно толкующая смысл бытия.

Иудаизм и мусульманство тоже создавали чувство духовного единения. Однако в то время, когда Владимир с киевским боярством могли обсуждать вопрос, какая вера лучше, на огромной территории евразийского мира — от берегов Бискайского залива и Британских островов до внутренней Монголии, степей Забайкалья и Средней Азии, где среди тюркских народов распространялось несторианство и манихейство, — исповедовались разные толки христианства. С юга и запада Русь окружали христианские государства. В глазах «старшей дружины» это могло стать обстоятельством решающим.

Выбирать приходилось не столько между верами, сколько между христианством Константинополя и Рима. А надо учитывать, что христианство обладало многоступенчатой церковной иерархией, которая образовывала как бы «государство в государстве». И крещение означало принятие части этой иерархии, в первую очередь белого духовенства — священства. Но часть подчинялась целому, позволяя центру вмешиваться не только в конфессиональные, но и в политические дела на периферии, влиять на внутреннюю и внешнюю политику государства. Греков и их церковь на Руси знали хорошо. Хотя бы потому, что в конце IX века уже была известна 61-я (русская) епископия Константинопольского патриархата. Рим был далеко. Кроме того, в X веке он уже безусловно настаивал на латыни как на единственно возможном (кроме греческого) языке богослужения. Гречес-

кая церковь относилась к славянской литургии более терпимо...

Выбор для Руси на первых порах болгарского (точнее — славянского) варианта восточного христианства определялся стремлением к независимости на политической и конфессиональной арене мира. Это было как бы «адаптированное православие», приспособленное для его скорейшего и всеобщего усвоения новообразованным народом.

Впрочем, относительной «болгарской» свободой русская церковь пользовалась недолго и уже в 40-х годах XI века оказалась непосредственно подчинена византийскому императору, который лично утверждал митрополитов Руси.

ЛОБАЧЕВ. Как бы то ни было, выбор произошел и Русь оказалась в необычной для нее ситуации. Прежде она свободно заимствовала достижения материальной и духовной культуры всего света, а теперь попала под духовный прессинг. Если в X веке основным «агентом» культуры был купец, который недаром назывался «гостем», ибо вел себя как гость и как гость принимался, то с утверждением церкви на Руси дальнейшая судьба ее культурного развития оказалась в руках духовенства. Православные богословы считают этот факт в высшей степени благотворным. А как оцените его вы? Ведь достаточно распространено мнение, что в результате «кращения» русский народ получил возможность «обеими руками» черпать и усваивать сокровища византийской культуры, что Византия стала для Руси «университетом»...

НИКИТИН. А мне представляется, что университета как раз и не получилось. Почему-то, восхищаясь художественным наследием Византии, мы забываем о застое в ее культуре. Из предшествующих веков, от античности, Империя взяла только гуманитарные, государственные науки — историю, юриспруденцию, риторику, начала математики, грамматику, нужную для составления панегириков и од... Над всем этим господствовало, все подавляя, христианское богословие. Грамотных людей в Византии было очень мало. Грамоте и счету обучали в домашних условиях, а сколько-нибудь приличное систематическое образование можно было получить только в Константинополе.

На Русь византийская культура попала уже в «адаптированном» виде — в переводах, в извлечениях из книг, преимущественно богословского характера. Весь отбор оказывался в руках монахов-переводчиков, допускавших творения отцов церкви, их толкования, житийную литературу и, вполне естественно, не перевод светских и научных сочинений. Такое цензурирование только еще формирующейся «библиотеки» Древней Руси, а стало быть, и духовной пищи русского

общества не составляло труда, поскольку греческим языком среди славян владели единицы, как правило, тоже из духовенства.

Результат известен. До Петровских реформ, то есть до начала XVIII века, под образованностью в России понималось исключительно умение читать и писать. Полученный же в домонгольское и более позднее время круг чтения неизменно возвращал читателя к первым векам христианства, убеждая его в тщете знаний и в необходимости божественного откровения... Другими словами, на Русь был

перенесен тот же застой мысли, который и погубил Империю.

ЛОБАЧЕВ. Богословы обычно подчеркивают благотворность морального влияния церкви. Вот типичная формулировка: «Нравственные идеалы русского народа обогащались характерными чертами православия: аскетизмом, смирением, сострадательным братолюбием...» Не так ли?

НИКИТИН. И да и нет. Учительская проповедь византийской церкви, ставшей церковью русской, идеалом выдвигало мученичество. Это можно видеть уже в церковном чтении о первых русских святых Борисе и Гле-

бе, позволивших себя беспрятственно зарезать наемным убийцам. Скорее всего, это было не так, но так нужно было церкви. Легенда давала пример смирения большего, чем смирение рабское. Но мог ли этот пример готовить людей на подвиг во имя жизни?

Очень показательно, что своим героем церковь избрала князя черниговского Михаила, мученика за веру и обряд, но не Евпатия Коловрата, поднявшегося на активную борьбу с завоевателями. Можно сказать, что с Евпатием церковь примирила только

Архитектура и живопись Руси — хлопотное наследство. Чтобы сохранить его, реставраторы «колдуют» в своих лабораториях, подобно алхимикам средневековья. Но научная реставрация — поистине профессия XX века, настолько новая, что еще нет факультетов с такой специальностью.

его мученическая смерть, которая и была прославлена в сказании.

Эта проповедь смирения, иноческих подвигов и аскезы вступала в резкое противоречие с жизнью, что ярко проявлялось в культуре того времени. Светское искусство иногда захлестывало церковное. Так, в росписи лестничных башен Софии Киевской — ипподром с колесницами, мимы, музыканты, гимнасты, которых художник видел, я думаю, скорее всего не в Константинополе, а на улицах и площадях древнерусских городов.

Светская культура Древней Руси только еще открывается. Даже «Слово о полку Игореве» представляется многим чем-то исключительным, не имеющим долгой и богатой предшествующей традиции. Между тем само развитие письменности на Русской земле с конца IX века, яркое и многогранное прикладное искусство, развитая городская культура и сами города предполагают развитую литературу. Я не могу представить древнерусский город без светской литературы — исторических хроник, повествований о князьях и богатырях, «фаблио», героической и любовной поэзии. Да и как представить, что жители этих вполне европейских городов обходились только сказочниками и гусярами.

ЛОБАЧЕВ. Да, языческий духовный мир той эпохи во многом остается для нас потаенным. Церковь упоминала о нем лишь невольно, в критических проповедях. Но, кажется, даже иерархи православия подпадали под обаяние «нечестивой» народной духовности. Вот как жаловался на неискоренимость язычества архиепископ Новгородский Макарий Ивану Грозному: «Слышав... прелесть (соблазн, ересь) кумирскую около окрестных градов Великого Новгорода... Суть же скверные молбища их: лес и каменье и реки и блата, источники и горы и холмы, солнце и месяц и звезды и озера. И проста рещи — всей твари поклоняхся яко богу...» Прямо гимн какой-то...

Заговорив о византийском влиянии, мы не можем обойти политических его аспектов. Русь с самого начала боролась за национальную самостоятельность своей церкви. Это известно. Об этом помнят и светские, и церковные историки. Но ведь была же и подчиненность, в чем она сказывалась политически?

НИКИТИН. Здесь стоит обратиться к одной малоизученной странице политической жизни Руси. Речь идет о русско-половецких отношениях.

Как вы помните, византийский император Константин Багрянородный в известном сочинении «Об управлении государством» сформулировал основные принципы политики Константинополя по отношению к окружающим варварам: натравливать

их друг на друга и с помощью подкупа, мелких подачек, вроде придворных чинов, заставлять охранять границы империи. В числе «варваров» были и русы. Русы должны были охранять империю с севера и северо-востока.

Проводником и контролером такой политики на Руси стала церковь. Этому способствовали и браки киевских князей с родственницами императоров. Так было с Владимиром Святославичем, когда за военную помощь ему обещали руку Анны; так было позднее, когда за отказ от самостоятельности русской митрополии Всеволод Ярославич в 1046 году получил руку «цесаревны»; так было и потом, в 70-х годах XI века, когда Михаил VII Дука, обеспокоенный союзом Святослава Ярославича с половцами, предложил Всеволоду Ярославичу выдать одну из его дочерей за своего брата Константина. В послании, сочиненном Михаилом Пселлом, ведавшим императорской перепиской, было сказано: «Тебе же, как удостоенному родства с моим державством, следует, во-первых, радоваться и веселиться по этому поводу... а во-вторых, быть стражем наших границ, щадить область, нам подвластную, быть союзником и быть одновременно против всех, с благорасположением относиться к тем, кто к нам расположен, отвергать и ненавидеть тех, кто нам враждебен...»

Намеки письма легко расшифровываются. Киевский князь не должен был поддерживать восстаний болгар и допускать до границ империи половцев, которые начали действовать против Византии вместе с болгарами.

Половцы оказываются тем «пробным камнем», с помощью которого можно понять и позицию церкви на Руси, и зависимость Руси и ее князей от Константинополя, и сущность почти вековой борьбы «ольговичей», потомков Святослава Ярославича и его сына Олега, с «мономашичами», потомками Всеволода Ярославича. Киевские князья — сам Всеволод Ярославич, его сын Владимир Мономах (сын «цесаревны») и его внук Мстислав Владимирович — в расправах со своими противниками на Руси использовали Византию. Использовали и — проводили ее антиболгарскую и антиполовецкую политику. Киевские митрополиты неизменно поддерживали и восхваляли князей, которые отнимали отцовское наследие у своих племянников, заточили в 1079 году Олега в Константинополе, а в 1130 году сослали в Византию все семейство полоцких князей. В угоду «мономашичам» церковь переписывала русские летописи, выбрасывая все достойное до их противников. И в тех же летописях вместе с порицанием «ольговичей» можно видеть постоянные выпады против половцев.

Действительно, если верить летописям и вторящим им сочинениям, можно решить, что все беды Руси заключены в половцах. Более полутраста лет Русь жила с ними бок о бок, князья женились на дочерях половецких ханов, выдавали за них своих дочерей и все это время — оказывалось! — Русь истекала кровью в борьбе со Степью. Но так ли это? Стоит проанализировать летописные известия, чтобы прийти к парадоксальному выводу: неспровоцированных набегов половцев на Русь было только два — в 1061 и в 1078 годы. Остальные их походы или направлены на торков, или являются местью за вероломные убийства киевскими князьями половецких послов, заложников либо союзников половцев, или же — и таких подавляющее большинство — оказываются действиями половцев в составе войск их русских родственников.

Загадочность нападок церковных летописцев исчезнет, если мы примем во внимание, во-первых, что в большинстве своем половцы были христианами-несторианами или манихейцами, а приверженцев этих «ересей» византийская церковь считала своими злейшими врагами. Во-вторых, именно половцы с конца XI века неизменно поддерживали восстания болгар против Византии. В 1187 году потомки половецкого хана Асеня при поддержке донских и «лукоморских» половцев возглавили очередное антигреческое восстание, увенчавшееся победой, и стали первыми царями Второго Болгарского царства. В-третьих, и это может быть самое главное, — «ольговичи», княжившие на левобережье Днепра, — соседи половцев, связанные родством с потомками хана Шарукана, старались, в отличие от «мономашичей», проводить независимую от Византии и отвечавшую русским национальным интересам политику дружбы со Степью.

Пытаясь блюсти интересы Константинополя, иерархи православной церкви оказывались повинны в ссорах князей и соседствующих народов. Церковь причастна к дворцовому перевороту 1174 года, к убийству Андрея Боголюбского, который пытался отделиться от Византии и от Киева, создав в Волго-Окском междуречье независимое государство. Деятели церкви приложили руку и к «перередактированию» русских летописей, изъязв из них подлинную историю «первых князей», действовавших против греков вместе с болгарами. По церковным каналам из Руси выкачивались огромные средства на покрытие расходов императорского двора, патриарха, монастырей в Константинополе и на Афоне.

Но вот на Русь обрушились монголо-татары...

ЛОБАЧЕВ. Богословы утверждают, что именно тогда церковь сыграла

решающую роль в сохранении национального единства. Помогла выстоять. Способствовала патриотическому возрождению. И возвышение Москвы во многом обязано решению митрополита Петра перенести сюда свою кафедру...

НИКИТИН. Давайте попробуем разобраться, что происходило тогда с церковью. Сокрушительные монголо-татарские погромы, практически уничтожившие южную Русь и подчинившие Орде северо-восточные княжества, поставили русскую церковь в совершенно исключительные условия. Монгольские ханы относились к духовенству покоренных стран не только милостиво, но и с почтением: чужих богов не следовало раздражать без особой на то нужды. Церкви, монастыри, черное и белое духовенство, их имущество, движимое и недвижимое, освобождалось от уплаты дани, поборов и вмешательства в их внутренние дела. Монастыри и принадлежащие им земли оказывались островками относительной национальной независимости.

Митрополичья кафедра действительно была перенесена из разоренного Киева сначала во Владимир на Клязьме, а затем и в Москву. Это помогло Москве определиться как центру духовного и светского могущества. Но в жертву ему приносились свободолобивые помыслы русских земель, в первую очередь тех, где зрела наибольшая политическая активность, где как раз и сохранялось наиболее развитое национальное самосознание. Я говорю о Новгороде и Твери, которые хотели и могли стать оплотом национального сопротивления и возрождения. Сломать северную вольницу Москва смогла только при согласии Орды и церкви. Не знаю, стоит ли гордиться таким успехом...

ЛОБАЧЕВ. Заманчиво, конечно, представить, какой бы могла быть возрожденная Русь, если бы центром ее единения стали цивилизованнейшие северо-западные центры Новгород и Псков; или древние Смоленск, Полоцк; или — из новых центров — такой самобытный и в то же время богатый традициями город Червоной Руси, как Львов...

Но этого не случилось. Или, говоря более определенно, не произошло. В возвышении Москвы была, значит, и своя историческая неизбежность, возможно, не во всем нам понятная... Как настойчиво стяжали власть князья московские! Но князья князьями, а, видно, им было на кого опереться. Этот центр притяжения не могла не почувствовать церковь с ее «обостренным слухом», информированностью, искушенностью в политических делах. При этом иерархи понимали, что окажутся здесь не на последних ролях: на многое рассчитывали, немало и давали.

НИКИТИН. Для утверждения

Москвы и московского князя в качестве главенствующего центра Русской земли прямо работал Сергей Радонежский. Его ученики, строители более чем сорока новых монастырей, были, по существу, «миссионерами Москвы», которая утвердилась к тому времени достаточно прочно, так что любой враг, покусившийся на ее целостность и независимость, заслуживал отпора и уничтожения. Не этим ли объясняется тот факт, что с Дмитрием против Мамаю выступили почти все русские княжества и князья?..

ЛОБАЧЕВ. Не исключено: современная православная церковь возражает, что и памяти Дмитрия Донского, победителя на Куликовом поле; по клерикальной исторической версии он долгое время пребывал «в тени» преподобного Сергия...

НИКИТИН. Вместе с тем в деятельности того же Сергия, его учеников и сподвижников можно разглядеть черты, которые в полной мере выявятся в следующем столетии и будут определяющими в жизни церкви на много веков вперед. Речь идет о монастырях.

Мне кажется, мало кто из историков задумывался над метаморфозой, которую претерпело русское монашество в XIII—XIV веках. Обращаясь к тем временам, жития создают традиционный для восточной церковной литературы образ аскета, проводящего дни и ночи в молитвах и отошедшего от мира. Покаяние в содеянных и помысленных грехах, затворничество, постничество, истязание плоти — все это действительно было, но — в предшествующий период, когда «многие имения» и «села с рабами» освобождали чернецов от мирских забот. Теперь положение изменилось коренным образом. Едва возникнув, монастыри быстро становились крепостями со своим гарнизоном, с обширным хозяйством, способным обеспечить собственные нужды и еще произвести продукт на общерусский рынок. Духовные подвиги оказывались уделом отдельных старцев, поскольку само существование обители определялось теперь ее внешней активностью. Надо было думать о дальнейшем приращении земель с крестьянами, с ярмарками, солеварнями, рыбными ловлями, кузнями и слободами. Нужно было разведывать и готовить к захвату новые земли, а для этого обратиться к «пути апостольскому».

В короткий срок вся территория Русского Севера вплоть до Мурманского берега «у дышущего моря-окияна» была освоена и колонизована. Огромные пространства, не знавшие княжеских тиунов, оказались под контролем русской церкви. Да, монастырские стены давали защиту от князей, бояр и баскаков. Но для крестьян, ремесленников и художни-

ков эта свобода все более оборачивалась кабалой, работной и духовной. Оберегая своих «рабов», церковь еще пуще ограждала их сознание от возможных посторонних влияний.

Преображая страну, церковь перерождалась сама. Нарастив «мышцы», она стала «церковью воинствующей», замкнувшись в своей исключительной «святости». И во имя этой святости монастыри стали использоваться как тюрьмы — и для духовных лиц, и для мирян. Наконец, в самом начале XVI века церковь зажгла костры русской инквизиции. Ее жертвами стали не только «еретики», но и такие наши гуманисты, как Максим Грек, Вассиан Патрикеев, а затем и протопоп Аввакум.

Правда, справедливости ради следует вспомнить и о другой стороне деятельности монастырей, которая имела, без преувеличения, огромное значение для русского общества. Обители служили убежищем для больных и одиноких людей, для тех, чья жизнь почему-либо не сложилась в миру, кто хотел дожить свои дни на покое, получая необходимую помощь и духовное руководство.

При Екатерине II была проведена секуляризация церковных земель и имуществ. Но за церковью сохранилось достаточно, чтобы заняться широкой благотворительностью, открывая странноприимные дома, богадельни и поддерживая существование бродячего люда, нищих и паломников.

ЛОБАЧЕВ. А как, по-вашему, обстояло дело с культурной деятельностью церкви? Современные богословы особенное внимание обращают на тот факт, что «только с принятием христианства образовался на Руси ранее не существовавший слой людей, сознательно посвятивших себя задачам культурного строительства».

НИКИТИН. Действительно, в эпоху средневековья церковь задавала тон в строительстве городов и крепостей, ставя храмы как архитектурные доминанты, к которым привязывалась планировка улиц и кварталов. «Вводя» в природу храмы и монастыри, создавала архитектурный пейзаж, учила бережно относиться к окружающей среде, учила художественному созерцанию природы. Христианство несло с собой понятие истории, ибо воспитывало на предании, идущем из глубины веков. Несло уважение к предметам старины и искусства. Интерес к ним вырос из почитания реликвий — мощей святых, икон, церковной утвари. Их розыск и описание предвосхищали археологическую науку. Церковь, христианство, поманив паломничеством к святым местам, пробуждали страсть к путешествиям, желание увидеть мир.

Но можем ли мы не вспомнить и о другом? Установление светской цензуры на книги, журналы и газеты,

борьба с которой составила одно из основных направлений общественной жизни России XVIII и XIX столетий, обязано церкви и ее духовной цензуре, возникшей в XV веке, а оформившейся в 80-х годах XVII века в стенах Славяно-греко-латинской академии. Задачей этого первого в России высшего учебного заведения, созданного по образцу иезуитской коллегии, было не столько «питать юношей науками», сколько готовить послушные кадры для приказного аппарата и церкви, а вместе с тем исполнять роль инквизиционного трибунала по розыску еретиков, свободомыслящих и всех опасных для православной церкви. «Блюстителю и учителям» надлежало наблюдать за разговорами в обществе, за поведением иностранцев, проживавших в России, и иноверцев, перешедших в православие, которые записывались в специальный реестр. Без разрешения академии никто не имел права держать у себя в доме иностранных книг и иностранным языкам учиться. И книги, и виновные, особенно если они упорствовали и высказывали опасные мысли, согласно «Привилегии», данной академии царем Федором Алексеевичем, подлежали сожжению на костре «безо всякого милосердия». Такое же наказание ожидало всех, кто выказывал непочтение к иконам, сомнение в их святости, тщился рассуждать о вере или намеревался перейти в другую...

ЛОБАЧЕВ. Говоря о духовной цензуре, нельзя обойти и «Прибавления» к «Духовному регламенту», куда вошло предписание исповеднику сообщать — правда, «тайно» — об открывшихся преступных намерениях — «наипаче же измену или бунт на государя или государство». Прямо указывались и последствия: «злодей» должен быть «без всякого медления пойман и заарестован». Начиная с 1720-х годов и пока существовало российское самодержавие, русский Овод не мог бы обвинить русского Монтанелли в предательстве — тот просто сослался бы на служебную инструкцию.

Сама современная церковь склонна говорить о «синодальном периоде» (1721—1917 гг.) как о времени, когда принуждена была поступаться своей религиозной совестью, будучи частью имперского аппарата.

НИКИТИН. И все-таки жизнь аристократии, поместного дворянства, а затем и чиновничества уже в начале XIX века все больше ускользала из-под надзора церкви. Разрыв между мирянами и духовенством, его бытом

и внутренней жизнью возрастал. В XIX веке церковь настолько внутренне отделилась от общества, что... возбудила к себе его интерес!

С одной стороны, было чисто житейское любопытство к замкнутой, скрытой от сторонних глаз жизни духовенства, особенно «черного»; с другой — интерес к религии как к некоему феномену общемировой (и национальной) культуры. Вспомните творчество Лескова, романы и исследования Мельникова-Печерского...

Начекается и встречное течение. Ведь система подавления мысли сказывалась в первую очередь на самой церкви, выключенной из культурной и научной жизни общества. Отсюда постоянный разлад между чистым и самоотверженным личным служением, которое можно видеть на примере отдельных пастырей, и аппаратом порабощения тела и духа, который не имел ничего общего с провозглашаемыми идеями. Общая образованность, коснувшись духовенства, заставила его иными глазами взглянуть на себя, на свое место в обществе и государстве, задуматься об отношении к пастве. Интерес к истории церкви, развитие богословия, критическое отношение к преданию и необходимость действительной сверки и исправления текстов, начатых еще в XVI веке Максимом Греком, обнаружили общее поле деятельности для светских ученых и богословов.

Соревнуясь друг с другом, они разыскивали, изучали, комментировали и издавали памятники древней письменности, читали на совместных заседаниях научные рефераты, публиковали работы на страницах одних и тех же научных изданий. Больше того. Начиная с половины XIX века черное, а в еще большей степени белое духовенство начинает сотрудничать в периодических изданиях, публикуя заметки и очерки, в которых описывает собственный быт, нужды церкви, жизнь народа на местах, а вместе с тем поднимает вопрос о необходимости церковных реформ. Священники начинают заниматься краеведением, историко-литературной деятельностью, участвуют в работе земства, и в начале XX века не отказываются от обсуждения вероисповедных и богословских проблем с представителями науки, литературы и искусства.

ЛОБАЧЕВ. И еще одно встречное движение: аппарат церкви нашел возможным не только присоединиться, но даже возглавить этот диалог. Последствия «братания» интеллигенции и церкви были самые разные. Тот

период дал богоискателей и богостроителей. Да и новые, «иезуитские» формы, так сказать, просвещенного мракобесия. И философствующее черносотенство. Все это особенно сказалось в революционную пору. Но появились и действительно интересные мыслители-гуманисты.

Предчувствие революции, эти гулкие подвижки в земной коре, вновь актуализировали идеалы раннего христианства — равенство, общинность, апологетику труда и мира. А политическая ситуация торопила, нажимала, требовала. И вот кто-то пытался сделать из христианства альтернативу социалистическим движениям. Кто-то, напротив, выдвигал идеи «христианского социализма». Так начинался для церкви век великих потрясений...

НИКИТИН. Каков же итог нашей беседы? Да и может ли он быть подведен? Так получается, что итоги тысячелетнего бытования христианства на нашей земле весьма неоднозначны.

ЛОБАЧЕВ. Мне кажется, в какой-то степени это и есть итог — надо помнить об этой неоднозначности. А то в преддверии тысячелетнего юбилея не только богословы, но и некоторые представители творческой интеллигенции склонны были «выпрямлять» историю российского православия, вычленять лишь позитивную линию. Психологически это вполне понятно. И, например, даже как-то неловко спорить с утверждениями церковных иерархов, что русское православие всегда несло исключительно миротворческую миссию. Хотя опровергнуть-то это с фактами в руках как раз нетрудно...

НИКИТИН. Но, может быть, важнее другое: сказать, что в этой точке изначальная философия христианства смыкается ныне с чаяниями людей всего мира. Что христианство, пусть по-своему, отстаивало тезис, что Человек предназначен для решения каких-то более высоких задач, чем те, что ему обычно приходится решать. И осуществить свое высокое предназначение Человек может только в условиях всеобщего мира. В этом были одинаково согласны, например, и придерживающийся православных обрядов замечательный русский ученый В. И. Вернадский, создавший новую материалистическую науку о человеке и космосе, и католический священник, биолог и археолог Пьер Тейяр де Шарден.

ЛОБАЧЕВ. Пожалуй, на этом и поставим точку, или, вернее, многоточие...

КРЕЩЕННЫЕ БАШНИ

В начале XI века норвежский король Олаф Харальдсон крестил свою страну, несогласных карал мечом, петлей или изгнанием. Но вскоре ему самому пришлось бежать в Великий Новгород. Здесь Олафа и его дружину с королевскими почестями принял князь Ярослав — будущий великий князь киевский Ярослав Мудрый. Он предложил норвежцу продолжить христианские подвиги в Волжской Булгарии и, крестив ее, взять себе в управление. Но дружина Олафа хотела на родину. Король послушался ее и — сложил голову в борьбе за престол.

Впоследствии жестокость Олафа позабылась, короля-крестителя провозгласили святым. Культ святого Олафа — один из самых распространенных в Северной Европе, несть числа посвященным ему храмам.

Наследники святого Олафа, скандинавские рыцари, уже в XII столетии «забыли», что Русь — страна христианская, и пытались «просветить» ее заново. Католические епископы участвовали в военных походах на новгородские земли.

А в XIII веке папский легат Вильгельм Сабинский нашел оригинальный способ примирения немецких крестоносцев и рыцарей Дании и Швеции, ссорившихся из-за владений в Прибалтике. Он указал на новые языческие территории — все на тот же край Новгородский...

Николай Рерих писал об одном из исторических памятников русского Северо-Запада: «На Изборских башнях... кое-где еще остаются... рельефные красивые кресты... Не были ли эти кресты страшным напоминанием для крестоносцев, злейших неприятелей пограничного Изборска?»

ИСКУССТВО И КОРЫСТЬ

Если верить легендарному рассказу из Киево-Печерского патерика, уже в XI веке

■ Так изобразил Алимпия киево-печерский гравер XVII века Илья.

на Руси были случаи спекуляции иконами. И первыми на этом злополучном пути оказались те, кто ближе других стоял к «богомазам», — монахи.

В Киево-Печерской обители, повествует патерик, работал чудесный художник-инок Алимпий. Искусство его было так сильно, что монахи-посредники ломили с заказчиков немыслимые цены. Художник же о том не ведал. Он, случалось, писал иконы и вовсе даром.

Когда злоупотребление открылось, иноков-сребролюбцев изгнали из обители. Но они еще долго смущали народ, возводя хулу на работы Алимпия...

«ПОШЕХОНСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ»

В одном из докладов на церковно-исторической конференции, посвященной 1000-летию «крещения Руси» (Киев, 1986), приводи-

лась такая цифра: «В XVI веке церкви принадлежала одна треть всей государственной территории». Как видно, церковь становилась крупнейшим феодалом России. Это не могло не вызывать своеобразную ревность государей.

В то же время засилье монастырей не радовало крестьян. Вот один пример.

В 1549 году Адриан Пошехонский основал на реке Вотхе новую обитель Увидев, как стремительно она увеличивает свои владения, крестьяне со всей округи уже на следующее лето благословились у сельского попа по прозванию Косарь и... взяли монастырь «в топоры». У игумена Адриана отняли деньги, приготовленные на строительство собора. При этом заверили, что сей же час построят ему храм силою своею. «Мы тебе воздадим шлем спасения и пошлем тебя к царю небесному», — сказали они, по свидетельству церковного летописца. Восставшие убили Адриана, обитель разорили, а имущество поделили.

“ЛЕБЕДИНОЙ ПЕСНИ”

В ноябре 1987 года на торжественной церемонии в Посольстве СССР в Вашингтоне госпожа Б. Рокфеллер передала в дар Советскому Союзу двустороннюю икону конца XV — начала XVI веков из знаменитых святцев собора св. Софии в Новгороде. Наш корреспондент обратился к доктору искусствоведения Герольду Ивановичу ВЗДОРНОВУ с просьбой прокомментировать событие, рассказать об этой иконе.

— Событие примечательное. Я вижу в нем добрый знак упрочения дружбы между нашими народами. Рад, что художественные ценности России, разбросанные по миру и еще недавно считавшиеся безнадежно утраченными, возвращаются на Родину.

— Скажите, пожалуйста, была ли эта икона прежде известна нашим ученым-искусствоведам?

— Да, здесь целая история. Мой учитель В. Н. Лазарев, многие годы посвятивший изучению старинной русской живописи, в 1947 году опубликовал книгу «Искусство Новгорода», в которой описал и иконки из святцев новгородского собора св. Софии — так называемые софийские таблетки. Позже, в 1969 году, он подготовил альбом «Новгородская иконопись», где в цвете воспроизвел имевшиеся в Новгороде таблетки. На это издание откликнулся английский коллекционер Р. Темпл. Он сообщил В. Н. Лазареву, что в его лондонской коллекции есть одна из иконок софийской серии — с изображением Троицы и Богоматери Одигитрии. К письму прилагались слайды.

Готовя после смерти Лазарева к переизданию его книгу о софийских таблетках, я воспроизвел по этим слайдам и иконку из коллекции Темпла. Конечно, я тогда не подозревал, что в Англии ее давно уже нет. Как теперь стало известно, в 1969 году она была продана в Америку и оказалась в коллекции Джона Д. Рокфеллера-третьего.

Госпожа Рокфеллер, посетив Новгород, обратила внимание на то, что таблетка, считавшаяся здесь утерянной, есть в ее коллекции. И приняла благородное решение присоединить свою икону к новгородской серии.

Вернулась к нам софийская таблетка разделенной на две части. Когда это произошло — остается загадкой. Не исключено, что в России, когда икона продавалась за рубеж, но, возможно, ее разделил и Темпл.

— А как из России икона попала в Англию?

— Об этом можно только догадываться. К иконописному наследию прошлого и до, и после Октябрьской революции по разным причинам отношение было весьма не-

В Посольстве СССР в Вашингтоне Б. Рокфеллер передала новгородскую икону послу Ю. В. Дубинину

брежным. Новгородские иконы-таблетки были найдены в 1908 году Г. О. Чириковым и П. И. Юкиным в ризнице собора св. Софии на полу за сундуком рядом с какой-то церковной рухлядью. Большая часть их тогда же была расчищена и передана в незадолго перед этим созданный в Новгороде музей — Епархиальное древлехранилище. В 1913 году коллекция софийских таблеток в древлехранилище насчитывала 24 экспоната, но в его первом официальном каталоге, изданном три года спустя, упоминалось лишь 18.

Дело в том, что комплектование иконного отдела велось из рук вон плохо. Никто не контролировал реставраторов, выносивших суровые и часто необоснованные приговоры: экспонат не имеет художественной ценности или не подлежит восстановлению за ветхостью. Делалось это не без корысти. И народные сокровища уплывали в частные коллекции, а то и за границу.

Таким образом часть новгородских икон-таблеток оказалась в собрании промышленников-старообрядцев, создавших в Серпухове художественный музей, кстати говоря, превосходный. Одна из таблеток попала к реставратору-коллекционеру Ф. А. Каликину, дожившему до преклонных лет и, как помнится, работавшему в Эрмитаже. От него она позже поступила в Русский музей. Некоторые таблетки перешли в собрание П. Д. Корина...

Икона, переданная нам госпожой

Рокфеллер, до революции принадлежала известным московским коллекционерам Зубаловым. После Октября их музей был национализирован и преобразован в Пролетарский. Таких музеев тогда появлялось множество. Потом они внезапно исчезали, их фонды, как правило, переходили в крупные государственные собрания. Была, однако, еще и такая печальной памяти организация, как Торгсин, занимавшийся продажей золота, драгоценностей и произведений искусства за границу.

Так или иначе, пока была известна единственная таблетка, вывезенная из России. Теперь наконец она вернулась на Родину.

— Прямо-таки икона-путешественница.

— А знаете, ведь таблетки действительно, можно сказать, предназначались для путешествий, но, разумеется, не таких, что выпали на долю нашей иконы. Писались они на лицевой и оборотной сторонах паволоки — холста, покрытого грунтовкой-левкасом (порошок мела, замешанный на рыбьем клее). На левкас сначала наносили рисунок, затем и роспись. Получались легкие, удобные для переноса пластины, размером не более 24×19,5 сантиметра, за которыми в начале века закрепилось название «таблетка», хотя прежде их именовали на Руси «полотенцами».

Как правило, на одной стороне таблетки изображали церковные праздники, на другой — святых. Таковую иконку в соответствующий праздник или день поминовения того или иного святого клали на аналой и проводили перед ней богослужение.

Обычно иконки-таблетки располагались в специальном ковчеге, или киоте, крытом бархатом и парчой. Это годовые киоты — с изображением святых и основных праздников каждого месяца.

Такие иконки были не только принадлежностью церковного культа. Благодаря своей легкости и небольшим размерам они зачастую, что очень важно, использовались как иконописные образцы иконографических сюжетов, рисунков, характерной цветовой гаммы. Возможно, с благословения митрополита или иного духовного лица, в ведении которого находилась серия икон-таблеток, их брали живописцы, выполнявшие заказы на стороне, скажем в какой-нибудь новгородской провинции. В равной мере эти образцы годились для исполнения как иконной, так и фресковой живописи. Таким образом таблетки, на мой взгляд, сыграли выдающуюся роль в развитии русской культуры.

— Но для этого сам образец, подлинник должен быть выдающимся творением.

— Безусловно. Новгородские таблетки, несомненно, вышли из самой крупной иконописной мастерской города, каковой была мастерская при архиепископском дворе, и создавались без сомнения выдающимися мастерами. В целом их стиль отражает лучшие черты новгородской художественной школы — ясный, точный рисунок, яркие, замечательно подобранные краски, стремление к совершенной, хотя, пожалуй, слишком чеканной, а порой и жесткой форме. Они отличаются столь высокими художественными достоинствами и столь ярко выраженной самобытностью, что В. Н. Лазарев справедливо назвал их «лебединой песней» новгородской живописи — после них новгородская иконопись уже не создала ничего подобного.

— В. Н. Лазарев высказывал предположение, что в новгородских таблетках уже сказалось влияние Рублева и Дионисия — мастеров московской школы.

— Скорее Дионисия. Этот вывод был сделан на основании таблетки, обнаруженной в Англии. Изображение Богоматери здесь почти в точности повторяет знаменитую икону Дионисия, созданную для Ферапонтова монастыря в 1502 году.

— Значит, это время, когда влияние художественных традиций Москвы на Русь становится ведущим!

— Да, Дионисий творил, когда Москва восторжествовала и над Ордой, и над своими основными противниками в борьбе за объединение Руси. Мощное централизованное

Русское государство после падения Византии становилось оплотом православия и надеждой славянского мира. Именно в это время на Руси началась активная работа по систематизации накопленного в предыдущие века литературного, летописного, богослужебного и иконографического материала. Основная идея предпринятой работы заключалась в том, чтобы закрепить византийское наследие в памятниках русской мысли и русского искусства, тем самым подчеркнув законную преемственную связь России с Византией.

В Новгороде при архиепископе Геннадии (1484—1504) была составлена и переписана первая полная славянская Библия (1499). Немногим позже будущий митрополит Макарий (1526—1542) начинал собирать материалы для грандиозного свода житий и творений всех православных святых, щедро черпая нужные ему списки из библиотеки собора св. Софии. Таблетки стали как бы подготовительным этапом к работам подобного типа, но в области иконографии. Здесь все еще преобладают греческие святые и сравнительно мало русских. Их изображения, как известно, стали активно распространять лишь с середины XVI века, после соборов 1547 и 1549 годов. Но само их присутствие в обширном пантеоне святых восточной церкви весьма показательно. Так политические, идеологические процессы отражались в развитии отечественной иконографии, художественной культуры.

— Новгородские таблетки, вероятно, не единичное явление русской средневековой живописи!

— И даже не самое раннее. В Загорске хранится несколько таблеток, которые, по всей вероятности, можно отнести ко второй половине XV века. Затем по времени написания идет новгородская серия: конец XV — начало XVI века и серия суздальских таблеток второй половины XVI века. К концу XVI — началу XVII веков таблетки появляются повсеместно. В наших музеях хранится не менее 200 таких иконок разного времени.

— Почему же исследователи, как правило, говорят о новгородской и суздальской коллекциях?

— Та и другая составляют подбор, сохранившийся в более или менее цельном виде. Остальные таблетки разрознены, за исключением более поздних серий XVII века.

— Как ученик Лазарева вы, наверное, тоже принимали участие в поисках новгородских таблеток!

— Единственная таблетка, на которую я указал Лазареву, — та, что хранится в Русском музее. Вообще это увлекательный поиск. Существует немало таких «комплексов», которые в силу разных причин разошлись по разным музеям, городам и даже иногда по разным странам. Во Фран-

ции, кстати, есть специальный центр, который издает справочник, как бы соединяющий разрозненные средневековые комплексы, давая о них краткую, можно сказать, научную информацию.

— Вы сказали, что книга В. Н. Лазарева, посвященная новгородской школе, вышла в 1947 году. Но ведь это спустя лишь два года после окончания тяжелейшей в нашей и мировой истории войны. Как вы это объясните!

— В войну мы утратили столько национальных памятников, что естественно встал вопрос о большем внимании к тому, что осталось. Война обострила патристические и национальные чувства народа. Кроме упомянутой книги Лазарева, в 1948 году вышел двухтомник «Культура Древней Руси», тогда же началась работа над многотомной историей русского искусства.

Надо признать, что интерес к древнерусской живописи был и раньше. Лазарев собирал материалы для своей работы еще в 30-е годы, но он был одним из немногих, кто целенаправленно изучал средневековое искусство. В целом в предвоенные годы живопись древней и средневековой Руси была темой непопулярной. Местные и центральные органы власти, да и музейные работники старались избегать экспозиций древнерусских икон. Такая «иконобоязнь» дорого обошлась отечественной культуре — многие художественные ценности утрачены, можно сказать, навсегда.

— Но возвращение экспоната из коллекции софийских святцев рождает новые надежды, не так ли?

— Конечно. Да и в рамках Фонда культуры ныне создана специальная программа возвращения утраченных ценностей. Правда, мне представляется, что сотрудники Фонда культуры пока занимают пассивную, выжидательную позицию. Нельзя полагаться на одни лишь дарения. Надо искать, следить за движением художественных ценностей на международных аукционах. Было время — нужда заставляла продавать за границу, теперь необходимо делать все, чтобы вернуть достояние Отечества.

— Ныне многие иконы-таблетки хранятся у нас в разных государственных музеях. Может быть, следовало собрать их в одном каком-то месте!

— С научной, искусствоведческой точки зрения ваше предложение привлекательно. Тем более ни Третьяковская галерея, ни многие другие музеи, особенно суздальские, не выставляют эти таблетки. Но какой музей пожелает отдать свои сокровища? Главное, мы сейчас знаем, что все они находятся в нашей стране. А собрать все таблетки, думаю, можно и даже целесообразно, — на специально организованной выставке.

ДАНИЛА МОСКОВСКИЙ

Загадка основания

Почему древнейший московский монастырь был поставлен далеко в заречье? Даже по нынешним временам неблизко: от станции метро «Боровицкая» — а это, считай, что от Кремля — до Даниловской площади три подземных перегона. А семьсот лет назад!..

При реставрации Данилова монастыря раскопали следы поселений VIII — IX веков. Но и они мало что объяснили — вопросов больше, чем ответов.

Дозорная крепость? Вряд ли. Кирпичные стены монастырь получил в XVII веке и, скорее, как украшение. Первоначальные постройки были столь незначительны, что когда в 1330-е годы обитель перевели в Кремль, от них «ни в слуху не бьаше, аки не бысть». Да и перенесли-то монастырь, наверное, от греха подальше, дабы не разорил кто при набеge.

И все-таки зачем же Данила Александрович (1261 — 1303), по сути первый князь, получивший Москву в удел, поставил монастырь в пригороде? Сама нужда в нем понятна: город, имеющий князя, то есть стольный, должен и монастырь иметь. К тому же устройством монастыря создавался «внутренний резерв»: по ярлыку хана Менгу-Тимура обители и монахи освобождались от поборов. Значит — что в монастыре, то уж точно свое, не ордынское.

Но вот почему надо было устраивать его на выселках?

Страсти

Монастырь потом расплавился за это весь свой исторический век.

Итак, сначала его, можно сказать, с корнем вырвали, перенесли в Кремль, где он стал известен не как Данилов, а как Спасский. При Иване III — уже под именем Новоспасский — монастырь переселили далеко вниз по Москве-реке, но по тому же берегу, что и Кремль. Стал он здесь, каменный, сторожевой.

А при Иване IV Данилов монастырь вновь учредили на его древнем месте. Заново. Учредили исключительно из любви царя к своему предку Даниле. Оборонных сооружений не было, поэтому строились там храмы каменные, но стены бревенчатые, деревянные братские корпуса.

В 1610 году последний из Лжедмитриев, видя всю нестойкость союзников, думал здесь тяжелую думу и решил бежать, пока не поздно. «Сжигая мосты», на прощание спалил он обитель, бывшую ему временным пристанищем.

В последующие сто лет монастырь жаловали вниманием, дарили колокола, пока, по знаменитому петровскому указу, не стали отбирать их ради литья пушек. Сначала взяли четвертую часть колоколов. Причем считали не штуками, а на вес: изъято 73 пуда меди. Но через несколько лет кто-то сообразил, что предписание — брать не больше четверти общего веса — касалось лишь московских церквей, а Данилов-то числится в уезде, в Ратцевом стану — стало быть, столичные привилегии к нему не относятся. Вот и забрали в казну меди еще на 57 пудов 10 фунтов...

С 1701 года, когда все монастырские доходы и расходы оказались в светских руках, обитель стала все более походить на тюрьму. Появились новые должности монахов-надсмотрщиков: городничий, инквизитор и протоинквизитор, судья, смотритель. Средств на ремонт не давали. Общих трапез не было: монахам раздавали скудную еду порциями и каждый стряпал себе сам. Отняли книги, бумагу, чернила, перья. Запретили переписку с родными (да и чем напишешь?). Запретили выходить за ворота. Ослушников сажали на хлеб и воду, приковывали цепью к стене, публично секли батогами. В порядке, так

● Московский князь Данила Александрович — миниатюра из «Царского титулярника», официально-исторического справочника 1672 г.

сказать, трудового воспитания заставляли «увещевать» раскольников и поврежденных в уме...

В те годы постриг в Данилов монастырь разрешался лишь оставшимся солдатам и инвалидам. Бывших воинов ждала незавидная доля...

К середине XVIII века обитель стала приходить в себя, но в 60-е годы — новая реформа: вотчины отняли, а новое штатное положение все не выдавали. Братия буйствовала, разбегалась по другим, более благополучным монастырям. В праздники некому оказывалось служить в храмах — присылали священников из соседнего прихода...

В 1771 году только что устроившийся по-новому монастырь вымер от моровой язвы. В живых остался только настоятель. «Так что, — гласят хроники, — некому ни караула снять, ни ворот запереть». Через пять лет даниловский архимандрит Иустин сошел с ума...

Два Данилы

Оказалось, что через Москву-реку стоят напротив друг друга два Даниловых монастыря: Новоспасский и собственно Данилов. Последний и в XIX веке был обителью скромной, числился по 3-му классу.

Церковные писатели, превозносявшие святого благоверного князя московского Даниила Александровича, видя во всем перст провидения, утверждали, что Новоспасская обитель воплотила в себе дух князя-властина и воина, а вот скромная Данилова — его иноческую ипостась. Дело в том, что перед смертью князь принял монашеский постриг и схиму. И похоронен был в Даниловом монастыре.

и ДАНИЛОВ МОНАСТЫРЬ

И. ЗАВЬЯЛОВА

● Святой Даниил — князь-инок и храмостроитель. Икона работы современного церковного художника игумена Зинова. Написана для иконостаса храма во имя Святых отцов семи Вселенских соборов Данилова монастыря.

Со времен Ивана Грозного началось его почитание как святого, и название возрожденного монастыря стало восприниматься как во имя Даниила Столпника, святого покровителя московского князя, так и в честь самого князя.

Иван Грозный, как принято между государями, обменялся с Даниилом Александровичем портретами: на одном из столпов кремлевского Архангельского собора появилось изображение Даниила-инока, а в замоскворецкой обители — образ, где написаны поклоняющиеся Владимирской иконе божьей матери царь, его сын Иван и митрополит Макарий.

Вот что сообщал об этой иконе свидетель, видевший ее оригинал в начале нашего века: «Грозный представлен худым, с рыжими волосами, с искошенным ртом, правая нижняя губа оттянута вниз, глаза с поразительно расширенными зрачками, и зрачки расширены неравномерно. Нос тонкий, прямой. Ноздри приподняты... Портрет Иоанна Грозного на этом образе представляет царя далеко не изящным, но, нужно полагать, верным оригиналу: иначе царь не позволил бы представить себя хуже, чем он был в действительности, и он не отдал бы монастырю вместе с образом своего неправильного изображения. Что художник мог и умел изображать красивые и благообразные лица, это мы можем видеть по изображению лиц царевича Иоанна и митрополита Макария».

Царь приказал митрополиту ежегодно совершать крестный ход к месту погребения князя Даниила. Конечно, одной из причин столь истового почитания была идея

стольного града Москвы, получившая в эпоху Грозного новый царственный отблеск. Но сентиментальный тиран мог испытывать к предку и особые чувства. Как и Грозный, Данила рано остался сиротой, чуть ли не с десяти лет начал самостоятельное княжение. И еще одно обстоятельство: крестным отцом Грозного был игумен по имени Даниил!

Среди правителей своего времени Данила — младший сын Александра Невского — был не худшим представителем княжеского сословия. В Орду за ярлыком не ходил, татар на Русь не приводил. Но и братосердием особым не отличался, в распрях участвовал. Что приберет к рукам — держал крепко. Коломну, которую отвоевал у рязанского князя Константина, Переславль Залесский, полученный в наследство от племянника. Тем и увеличивал владения московские.

Соревнуясь друг с другом, монахи-литераторы век от века делали из Даниила святого князя-инока. Вот в Лаврентьевской летописи говорится: «Данило князь Московский приходил на Рязань ратью... и Данило одолел, много и татар избито бысть, и князя Рязанского Константина некакою хитростью ял, и привел на Москву». Здесь «татары» — явная ошибка переписчика. Надо — «бояр», как и читается это место в другой летописи. Не то еще время было и не те силы, чтобы между делом перебить ордынский отряд. Да и последствия бы не замедлили сказаться. Но авторы жития Даниила уже прозревают в нем первого — правда, скромного, не как Дмитрий Донской, — победителя Орды.

То же с князем рязанским. Читаем позднее прибавление к летописи о том, что Данила-де ласково угощал своего пленника и всегда хотел отпустить его на родину. Но ведь известно: не отпустил, пока был жив. А сразу же после его смерти сын, Юрий Данилович, убил рязанского князя...

Или — о посмертном «поведении» кроткого князя-инока: «В 1812 году неприятель, вошедший в монастырь, принужден был держать себя скромно, — повествует даниловский архимандрит конца прошлого века Дионисий, — и только по уходе из монастыря было некоторыми буйными людьми сделано несколько незначительных похищений и повреждений. Этим людям святой хозяин уступил серебряный оклад своего гроба».

...Первый московский удельный властелин умер сорока двух лет от роду. Сведения о его жизни скудны, но без сомнения можно сказать, что князь Данила был начинателем столицы, одним из ранних устроителей города. И этим останется памятен.

Гоголь

В феврале 1852 года огромная процессия вынесла гроб из Татьянинской церкви Московского университета и двинулась в неблизкий путь к Данилову монастырю.

— Неужели у покойника столько родных? — удивился прохожий.

— Хоронят Гоголя, и все мы его кровные родные, да еще с нами вся Россия, — ответил студент.

Гоголь завещал похоронить его рядом с поэтом Языковым, на кладбище окраинного монастыря. Высшие московские чины лично следили, чтобы похороны прошли как можно тише. Запретили писать о смерти Гоголя. В «Московских ведомостях» появилось об этом «Письмо из Петербурга». Его автор, И. С. Тургенев, был арестован и выслан под надзор в свою деревню.

...В 1931 году прах Гоголя перенесли на Новодевичье кладбище. В Даниловом монастыре осталось большое дерево, под которым был похоронен писатель. При строительстве, которое велось в монастыре в последние годы, дерево мешало, но его берегли. Стоит оно теперь прямо у крыльца наместника новой Даниловой обители.

«День ВОСЬМОЙ»

Эволюция социально-политической позиции Русской православной церкви

Ю. ЗУЕВ,
кандидат философских наук

Современная социально-политическая позиция Русской православной церкви — результат сложного, противоречивого ее развития. «Наша церковь», — отмечал один из современных богословов накануне 50-летия Советской власти, — в лице ее правящей иерархии и части духовенства прошла через все стадии отрицания, сопротивления и даже борьбы с революцией. Это не было лишь теоретическое отрицание или пассивное неприятие — это была острая и прямая борьба. В результате этого церковь потеряла миллионы верующих».

От анафематствования пролетарской революции и советской власти церковь переходила на позицию политической нейтральности, демонстративно отказываясь от поддержки как «белых», так и «красных». В 20-х годах эта позиция сменяется лояльным отношением к государству, а в годы Великой Отечественной войны подавляющее большинство духовенства занимает активную патриотическую позицию, часть священнослужителей защищает Отечество с оружием в руках.

Если политическая переориентация церкви проходила довольно динамично, то перестройка ее социальной позиции началась лишь в конце 50-х — начале 60-х годов. Правда, провозглашение лояльности к советскому государственному строю уже создавало предпосылки для этого, однако дальше «благословения» власти, а также труда, брака и семьи в условиях общества, строящего социализм, дело не пошло. Вплоть до конца 50-х годов церковь придерживалась принципа, так сказать, социального индифферентизма.

Как получилось, что столь долго церковь совмещала активную патриотическую позицию с социальным индифферентизмом? Истоки общественного консерватизма, думается, надо искать и в религиозной традиции, обещающей блага в потустороннем мире, — это верующие могли воспринимать как своего рода компенсацию невзгод, связанных с гражданской и Великой Отечественной войнами, несправедливостей времен культа личности. Свою роль сыграла тут и неудача обновленческого движения, укрепившая консервативные ориентации духовенства.

Существенные изменения позиции церкви отмечаются с начала 60-х годов. В это время основную массу верующих уже составляют те, чей жизненный опыт

Читатели спрашивают, каковы социально-политические позиции современной Русской православной церкви, ее взгляды на проблемы войны и мира, ее организационное устройство. Отвечаем на эти вопросы.

и социальный кругозор сформировались в условиях советской действительности, в процессе непосредственного участия в социалистическом строительстве. В сознании этих верующих сложилась новая иерархия жизненных ценностей, присутствует новое понимание интересов и общественного призвания человека, которое входит в противоречие с традиционными, фундаменталистскими установками религии. Соответственно церковные идеологи пытаются преодолеть противоречия между религиозными ценностями и ценностями социалистической реальности.

Ныне православная церковь, как известно, признает справедливость и гуманистическую ценность социализма, социальные идеалы нашего общества. Она призывает верующих к активному участию в социалистическом созидании. При этом, с точки зрения богословов, для верующего человека здесь нет каких-то «запретных» или «неприемлемых» зон. Еще в начале 60-х годов профессор Ленинградской духовной академии Н. Заболотский писал: «Всякая область жизни — техническое развитие, научный прогресс, социальные изменения, созидание экономического благополучия или достижение справедливости в политических делах, культурный расцвет — может и должна быть областью христианской деятельности».

По мере того как набирает силу процесс демократизации, растет активность советских людей, все явственнее стремление деятелей церкви к участию в различных формах «социального служения». Представители РПЦ, как и ряда других религиозных организаций, входят в состав Советского фонда культуры, Детского фонда имени В. И. Ленина. Они не раз заявляли о желании включиться в движение милосердия. Послание патриарха Пимена и Священного синода в связи с 70-летием Великого Октября, например, призывает паству оказать «всемерную духовную поддержку» руководству страны в его усилиях «по обновлению и преобразованию всех общественных отношений... на принципах гласности, демократизации и нового политического мышления».

Такова в общем виде панорама социально-политической активности современной Русской православной церкви. По своей направленности она развивается в русле общих позитивных процессов, происходящих в советском обществе. Солидарность церкви с социальными принципами и нормами советского общества способствует его консолидации, развитию социальной активности верующих.

Понятно, что сохраняются существенные различия между научным, философско-материалистическим и богословским, религиозно-идеалистическим пониманием условий и средств достижения стоящих перед нашим обществом задач, в толкова-

нии смысла социальной активности граждан. Она имеет не только светски мотивированные ориентации, но и специфическую религиозно-богословскую интерпретацию. Ее общий смысл заключается в утверждении органической взаимосвязи, взаимопроникновения общественной (земной) и религиозной (трансцендентно ориентированной) сфер бытия. В основе этой аргументации находится учение о двуприродности Христа. В его личности реализуется мистическое единение бога и человека, «неба» и «земли», провидения и исторического процесса. Боговоплощение преподносится в качестве «центрального пункта всей истории человечества», оно открывает «новый этап человеческой и космической жизни», оно есть «восьмой день» творения мира. Таким образом идея боговоплощения позволяет истолковать человеческую историю и прежде всего становление и развитие прогрессивных общественных процессов как акт творческой активности бога.

В связи с этим, по учению церкви, главная обязанность верующего в земной жизни, выступающая как условие его «вечного спасения», состоит в том, чтобы участвовать в божественном творении обновляющегося мира. Иначе говоря, общественная активность человека обретает смысл служения богу, «сотворчества» с ним. «Христианский идеал...» — пишет ректор Ленинградской духовной академии протоиерей Владимир Сорокин, — требует от нас сочетания беззаветной преданности богу с величайшей энергией человеческого творчества. Человек призван быть на земле сотрудником в строительстве дома божия...».

В социальном служении верующих, их активном участии в делах общества религиозные деятели видят важнейший способ реализации социальной активности и самого церковного института.

Конечно, православная церковь не представляет собой некий единый монолит. Здесь есть разные направления, группы — от фундаменталистов, которые сопротивляются всем новшествам, до модернистов, считающих осовременивание социальной позиции церкви недостаточным. Есть и экстремистские, диссидентствующие элементы, не приемлющие нашего общественного строя, враждебно относящиеся к любым контактам церкви с государством.

МЫСЛИ БЕЗ НИМБА

♦ Бога нет, но сколько претендентов!
Владимир ЛОМАНЫЙ
Ленинград

♦ Хорошие камни на дороге не валяются — их держат за пазухой.

Виктор КОНЯХИН
г. Москва

БЕЗ ПРАВА НА РАВНОДУШИЕ

Анатолий КРАСИКОВ

Русская православная церковь и борьба за мир

С председателем Отдела внешних церковных сношений Московской патриархии митрополитом Минским и Белорусским Филаретом мы увиделись в пресс-центре МИД СССР, куда он приехал на встречу, посвященную участию религиозных организаций нашей страны в миротворческой деятельности.

— Опыт миротворческого служения русской церкви общепризнан, — сказал митрополит. — Он высоко оценен многими всемирными христианскими и межрелигиозными организациями. Мы активно участвуем в деятельности Всемирного совета церквей, Конференции европейских церквей, Христианской мирной конференции, конференции «Религия и мир», сотрудничаем с Азиатской буддийской конференцией за мир, с мусульманскими миротворческими движениями.

— Можно ли сказать, что верующие и неверующие, выступая за мир, делают одно общее дело?

— Мы часто слышим упрек, что миротворческая деятельность Русской православной церкви (РПЦ) повторяет деятельность нашего государства. Это происходит от незнания истории, от недопонимания роли церкви в истории нашего государства. Церковь не мыслит своей жизни без народа, вне его интересов. Еще на заре становления отношений между церковью и Советским государством будущий патриарх Сергей подчеркнул, что радости народа — это наши радости, а горе народа — это наше горе. Мы сохраняем завет мудрого первоиерарха и сегодня строим нашу миротворческую деятельность именно на этих позициях.

...Еще в годы «холодной войны» автокефальные православные церкви по инициативе Московской патриархии обратились ко всем христианам с призывом решительно выступить в защиту мира. В 1949 году патриарх Московский и всея Руси Алексий заявил, что РПЦ поддерживает Всемирный конгресс сторонников мира.

Три года спустя в Загорске, в Троице-Сергиевой лавре, состоялась конференция представителей всех церквей и религи-

озных объединений Советского Союза. Откликаясь на приглашение РПЦ, они призвали церковных деятелей всех стран воздействовать на свои правительства с тем, чтобы помешать сползанию мира к губительному военному конфликту.

Московская патриархия поддержала в 1957 году идею создать Христианскую мирную конференцию (ХМК) — международное движение христиан. Все эти годы деятельность ХМК непрестанно ширилась. Недавно организацию удостоили почетного звания ООН — «Поборник мира».

В 1969 году по инициативе патриарха была проведена вторая конференция представителей всех религий СССР. В ее работе участвовали и гости церкви — религиозные деятели из-за рубежа. Обращаясь к верующим всего мира, участники конференции выразили убежденность в том, что религиозные различия не могут препятствовать совместной борьбе за мир и справедливость.

В 1977 и 1982 годах в Москве состоялись две всемирные межрелигиозные миротворческие конференции.

Последняя — «Религиозные деятели за спасение священного дара жизни от ядерной катастрофы» — получила особенно большой отклик. Выступления ее участников показали, что, провозглашая лозунг миротворчества, предотвращения войны, различные церкви дают ему теоретическое обоснование, исходя из собственного вероучения.

Выступая перед участниками конференции 1982 года, патриарх Пимен дал такое толкование библейским пророчествам: «Не будет ли ядерная война началом конца, о котором повествует Апокалипсис. Не имея возможности предрешать события мировой истории, мы, христиане, не имеем также морального права на пассивность, на равнодушное созерцание движения нашего мира к своей гибели».

В июне 1982 года патриарх Пимен выступил на Второй специальной сессии ООН по разоружению. Рассказав об итогах Всемирной конференции в Москве, он подчеркнул, что ее участники «были едиными в том, что религии не должны и не могут бездействовать в обстановке, в которой безумные средства бросаются на производство все более страшного оружия массового уничтожения».

После Всемирной конференции 1982 года в Москве ежегодно проводятся встречи «круглого стола» богословов и экспертов по самым различным аспектам борьбы за мир. Состоявшиеся до сих пор встречи были посвящены вопросам экономических и нравственных последствий замораживания ядерного оружия (1983), космоса без оружия (1984), «ядерной зимы» (1985), голода и нищеты как одного из следствий безудержной гонки вооружений (1986) и морально-этическим ценностям общей безопасности (1987). На последней из этих встреч был в общих чертах составлен план нового международного нравственного порядка, при котором ядерное оружие будет запрещено и поставлено вне закона, все народы будут сотрудничать в сообществе наций ради

свободы, достоинства, безопасности и благосостояния всех людей повсюду и не будут прибегать к насилию для разрешения конфликтов.

Исключительно важным документом Русской православной церкви, сравнимым по значению с энцикликой папы римского Иоанна XXIII «Пацем ин террис» (1963), явилось разработанное в начале 1986 года послание священного синода «О войне и мире в ядерный век». Оно готовилось на протяжении длительного времени, однако так уж совпало, что было опубликовано 7 февраля, через три недели после выдвижения Генеральным секретарем ЦК КПСС М. С. Горбачевым программы безъядерного мира. «Эта программа, — подчеркивается в послании, — глубоко научно обоснована, проникнута высоким моральным смыслом, рассчитана на созидание нового нравственного климата в международных отношениях, на новое политическое мышление, включающее обостренное сознание ответственных государственных деятелей за судьбы мира, на установление и усиление доверия в отношениях между народами и государствами, на преодоление стереотипов вражды и противостояния стран с различным общественным строем».

Священный синод особо подчеркнул, что он видит в войне «один из результатов грехопадения», а в мире — «восстановление достоинства человеческой личности».

Представители РПЦ приняли деятельное участие в работе международного форума «За безъядерный мир, за выживание человечества», который проходил в Москве в феврале 1987 года. Избранный председателем религиозной секции митрополит Крутицкий и Коломенский Ювеналий, обращаясь к членам этой секции, сказал:

— Мы встретились под эмблемой, на которой изображен земной шар, каким он видится из космоса. При таком взгляде на нем неразличимы политические, идеологические, религиозные и прочие человеческие барьеры и границы. Острая тревога за его судьбу требует от нас горячо молиться о мире, делать все, что в наших возможностях и силах, для избавления человечества от постоянного страха гибели в ядерной войне и уничтожения самой жизни на Земле.

Религиозная секция пришла к выводу, что «специфическим вкладом религий в достижение мира, свободного от ядерного оружия, является акцентирование духовных и нравственных аспектов мира и справедливости».

Можно ли объединить усилия в защите мира, исходя при этом из различных идеологических посылок? Марксисты дают на этот вопрос однозначно положительный ответ, хотя иначе чем теологи трактуют причины военных конфликтов и не склонны к буквальному пониманию библейских пророчеств. Но какими бы глубокими ни были противоречия мировоззренческого характера, разделяющие верующих и атеистов, это не должно препятствовать их сотрудничеству в деле защиты мира.

Что представляет собой Русская православная церковь, какова ее организация? Сообщите, пожалуйста, основные факты и цифры, чтобы можно было составить представление о ней.

Д. АКИМОВ,
г. Днепропетровск

ЦИФРЫ И ФАКТЫ

В районах традиционного распространения православия (РСФСР, Белоруссия, Украина) от 10 до 20 процентов населения составляют приверженцы Русской православной церкви (РПЦ). Сегодня в ней около 6 800 религиозных объединений, располагающих необходимым числом церквей и часовен. Доходы составляют около 250 миллионов рублей в год. Более 120 приходов РПЦ находятся за рубежом.

Православное духовенство делится на белое (приходское) и черное (монашеское). Иерархи избираются из числа монашествующих. Возглавляет церковь патриарх.

Низовая «ячейка» РПЦ приход — община верующих. Богослужение ведется на церковнославянском языке, на русском священнослужители произносят проповеди, беседуют с прихожанами.

РПЦ располагает 19 монастырями. Мужских монастырей — 7, женских — 12. Настоятель монастыря — игумен (игуменья). Наиболее крупные мужские монастыри носят название «лавра». Их сейчас две: Троице-Сергиева в подмосковном городе Загорске и Почаевская в Тернопольской области.

Приходы РПЦ, расположенные в пределах одного или нескольких районов города или области, объединяются в округ — благочиние, его духовенство подчиняется старшему священнику — благочинному.

Благочинные округа объединяются в епархии, порой совпадающие с областями, краями, республиками. Во главе епархии стоит архиерей (епископ, архиепископ, митрополит). Он правит с помощью епархиального совета, состоящего из наиболее известных и почитаемых священнослужителей. В крупных епархиях у правящих архиереев есть заместители (викарии) в сане епископа или архиепископа.

Сегодня в РПЦ 76 епархий, ими управляют более 70 архиереев: 13 митрополитов, 37 архиепископов и 24 епископа (из них 7 викарных: 4 архиепископа и 3 епископа). 18 епархий Украины составляют экзархат, возглавляемый митрополитом Киевским и Галицким, экзархом всея Украины митрополитом Филаретом.

За рубежом у РПЦ 8 епархий: 7 в Европе и 1 в Южной Америке. Они объединены в 3 зарубежных экзархата Московской патриархии. Западноевропейский экзархат состоит из 3 епархий: Брюссельской, Гаагской, Цюрихской. Он объединяет при-

ходы, находящиеся во Франции, Англии, Бельгии, Нидерландах, Швейцарии, Италии и Марокко. Штаб-квартира западноевропейского экзархата в Париже. Среднеевропейский экзархат составляют 4 епархии: Берлинская, Баденская, Дюссельдорфская и Венская. Штаб-квартира — в столице ГДР Берлине. Экзархат Центральной и Южной Америки включает Мексиканское благочиние, несколько приходов в Аргентине и Чили. Резиденция экзарха в Буэнос-Айресе.

Кроме экзархатов у РПЦ есть за рубежом и другие учреждения. Так, в Иерусалиме у нее миссия, поддерживающая отношения с Иерусалимским патриархатом, опекающая Горненский монастырь и ряд храмов в Яффе, Хайфе, Тивериаде. Глава миссии и ее члены — граждане СССР, находящиеся в командировке. Храмы с резиденцией настоятеля в священническом звании — так называемые подворья РПЦ — находятся в Бейруте, Софии, Белграде, Нью-Йорке, Токио, Карловых Варах. Представительства РПЦ действуют также в Дамаске и Александрии. В нашей стране имеются подворья зарубежных православных церквей (Александрийского патриархата — в Одессе, Антиохийского и Болгарского — в Москве).

Московская патриархия располагает своими представительствами при Всемирном совете церквей в Женеве и при Христианской мирной конференции в Праге.

Во главе Московской патриархии стоит патриарх Московский и всея Руси. Нынешний патриарх Пимен — четырнадцатый в этом звании со времени воссоздания патриархии и четвертый в советское время — избран Поместным собором в 1971 году.

Пимен (Сергей Михайлович Извеков, 1910 г. р.) принял монашество в 1927 году, в 1931-м стал иеромонахом, проходил службу в различных храмах. С 1949 по 1953 год — наместник Псково-Печорского монастыря, с 1954 по 1957 год — Троице-Сергиевой лавры. С 1957 года — викарный епископ сначала Одесской, затем Московской епархии. В 1960 году возведен в сан архиепископа. С 1961 по 1963 год — митрополит Ленинградский, с 1963-го до избрания патриархом — митрополит Крутицкий и Коломенский.

Священный синод — вспомогательный орган при патриархе, вместе с ним осуществляющий практическое руководство церковью. Синод состоит из 8 членов: 5 постоянных (по должности) и 3 — временных. Московская патриархия имеет отделы: внешних церковных сношений, издательский и другие, хозяйственное управление, пенсионный комитет.

Для подготовки своих кадров РПЦ располагает тремя духовными семинариями (Московская, Ленинградская, Одесская) и двумя духовными академиями (Московская и Ленинградская).

В семинариях, средних церковных учебных заведениях, ежегодно комплектуются два первых класса (около 60 человек) — в Ленинградской и Одесской, три — в Московской (около 90 человек). При Ленинградской семинарии есть ре-

гентский класс, готовящий руководителей церковных хоров. Имеется и заочная форма обучения.

В высших церковных учебных заведениях — духовных академиях, где на курсе 15—30 человек, готовятся кадры высшей квалификации: магистры и доктора богословия, церковной истории, канонического права. В каждой академии есть свои магистерские советы, где проводится защита магистерских и докторских диссертаций. Сегодня около 80 процентов епископата имеет высшее богословское образование.

РПЦ выпускает периодические издания: «Московский церковный вестник» на 5 языках, «Журнал Московской патриархии» — ежемесячный иллюстрированный журнал обычного формата на 80 страницах; ежегодник «Богословские труды» (издано уже около 30 сборников до 260 страниц); «Православный вестник» — орган Украинского экзархата. Ежегодно выходит Православный церковный календарь в настенном, настольном и сувенирном исполнении.

Кроме того, издается богословская и богослужебная литература. Начало издание многотомной «Настольной книги священнослужителя» (вышло 5 томов), полное собрание житий святых. Начиная с 1956 года 5 раз издавалась Библия, 3 раза — Новый завет, 5 — Псалтирь. Систематически печатаются труды иерархов, юбилейно-документальные сборники и книги об устройстве, положении и деятельности РПЦ на русском, английском, немецком, французском, итальянском, испанском и арабском языках; много изданий мироворческой тематики.

Ежегодно церкви СССР, в том числе и РПЦ, отчисляют в Фонд мира свыше 30 миллионов рублей, в Фонд охраны памятников культуры — около 5 миллионов рублей, на реконструкцию и реставрацию культовых зданий, многие из которых также являются памятниками культуры, — около 45 миллионов рублей.

Церковь поощряет духовных и светских лиц наградами: орденами Андрея Первозванного, Владимира, Ольги, Сергия Радонежского, Даниила, а также медалями.

ПОЗДРАВЛЯЕМ ЮБИЛЯРА

Исполнилось 65 лет Ярославу Челко — доктору философских наук, профессору, директору Института научного атеизма Словацкой академии наук (г. Братислава), главному редактору журнала «Атеизмус». Я. Челко — автор пяти книг, более двухсот статей по вопросам религиоведения и научного атеизма.

С «Наукой и религией» Ярослава Челко связывает давняя дружба, он много раз был гостем нашей редакции, в журнале печатались его статьи (последний раз — «Эхо Октября», 1987, № 11).

Сердечно поздравляем юбиляра, желаем ему крепкого здоровья, успехов в благородном деле формирования научного мировоззрения у граждан социалистической Словакии.

О. ЛУЗАН

Ростовский архиепископ Самуил приехал в Ярославль неофициально. Говорили даже, что и в церкви служить не будет — какие-то другие у него здесь дела. Так и было — целые дни проводил под сводами библиотеки Спасского монастыря. А когда уезжал, верующие, пришедшие к собору, чтобы поклониться архиепископу, принять благословение, видели, как служка пронес за ним к коляске тяжелый саквояж...

Уже известный к тому времени церковный иерарх и духовный писатель архиепископ Самуил (Миславский) был любителем истории, страстным собирателем древних рукописей, не упускал возможности пополнить свою коллекцию из монастырских архивов. Кто знает: пробудь он подольше в ярославском Спасском монастыре, поищи поглубже в архиве этой обители, может, и оказалась бы в его руках рукопись «Слова о полку Игореве», позднее попавшая к А. И. Мусину-Пушкину. А среди увезенного в этот раз было «Сказание о построении града Ярославля».

Эта рукопись не сохранилась, но то ли еще в Ростове Великом, то ли уже в Киеве, где Самуил занял митрополичью кафедру в 1783 году, он переписал «Сказание» по своему, внося в него весьма существенные коррективы и изрядную долю церковного благочестия. Именно в интерпретации митрополита Самуила «Сказание о построении града Ярославля» и было опубликовано в 1877 году в книге «Храмы Власевского прихода г. Ярославля» священником этого прихода А. Н. Лебедевым.

Специалисты оценивают этот текст как достаточно поздний, но вобравший в себя народные предания, восходящие к пер-

вым десятилетиям распространения христианства на Руси.

Князя Ярослава, сына «крестителя Руси» Владимира, тогда еще не называли Мудрым, это позже он станет княжить в Киеве, воздвигнет там знаменитую Софию и Золотые ворота. А пока он, князь ростовский, объезжает с дружиной свои владения.

КАК КНЯЗЬ ЯРОСЛАВ

МЕДВЕЖИЙ УГОЛ КРЕСТИЛ

● Герб и эмблема Ярослава (XVII в.).

Плыли они по Волге, мимо селения, о котором в «Сказании» говорится: «се бысть селище, рекомое Медвежий угол». Жили здесь «человецы поганья веры — языцы зли суще», занимались скотоводством, охотой, рыбной ловлей, но промышляли и разбоем — нападали на проходившие по реке суда. Один такой купеческий караван и отбили у медвежьеугольцев княжеские дружинники. Ярослав со своей ратью высадился на берег, и после недолгих переговоров «человецы поганья веры» заключили с князем, как мы сейчас сказали бы, договор о лояльности: они обещали жить мирно — «в согласии», «обиды не творити никому», платить князю дань. Но только вот незадача: «не хотяху креститься»... С тем и отбыл князь.

Через некоторое время, однако, он вернулся к

месту слияния Волги и Которосли. Теперь Ярослав был настроен решительнее: с ним прибыла не только воинская дружина, но и попы, дяконы — целый церковный причт. Однако медвежьеугольцы не намерены были отступить от своей «поганой веры» — «испу-

пастбище. Волхв поддерживает здесь неугасимый огонь. Идолу приносят жертвы. И после того как поселенцы были окрещены, а их капище разрушено, они продолжали здесь «страхования» — игры, пляски и песни под звуки сопелей и гуслей.

Ряд исследователей считают, что «скотьего бога» вписал в «Сказание» митрополит Самуил, а первоначально там речь шла об изображении лесного «хозяина» — медведя. О широком распространении в Ярославском крае медвежьего культа, восходящего к первобытному тотемизму, свидетельствуют многие археологические находки: просверленные медвежьи когти-подвески, глиняные изображения медвежьей лапы и т. д. Да достаточно красноречиво и само название поселения — Медвежий угол.

Небезынтересно, что в, так сказать, официальном варианте легенды об основании Ярославля первоначальные яркие краски приглушены, живые детали опущены: князь Ярослав, читаем у Брокгауза и Ефрона (1904), «отстал от своей дружины и остановился на правом берегу Волги близ слияния ее с Которослью. У оврага, в дремучем лесу, на него напала медведица, но он убил ее топором». Как видим, ни «языцей злих», ни конфликта с ними уже нет, а лесная медведица нападает на князя сама по себе...

Так что древний герб Ярославля — медведь с секирой — хранит легендарную память не только о сражении князя с «лютым зверем», но и о давних верованиях жителей этих мест — о тех, что, даже под угрозой оружия «не хотяху креститься».

А версия со «скотьим богом» — Велесом — закреплена в названии воздвигнутой на месте языческого капища церкви святого Власия, который в христианскую пору «перенял» обязанности «скотьего бога» — покровителя домашних животных.

г. Бердянский
Запорожской области

В начале нашего века в Европе не насчитывалось и десятка приходов русской православной церкви. В 20-е годы, в связи с эмиграцией, их число неизмеримо возросло. Одновременно разгорелась борьба за власть — между заграничным монархическим синодом («карловчанами») и группой митрополита Евлогия, старавшегося сохранить связь с Московской патриархией и избегать политизации церковной жизни. О том, как шла борьба за приходы, митрополит Евлогий рассказал в книге воспоминаний «Путь моей жизни», отрывки из которой журнал начал печатать в предыдущем номере.

Публикацию продолжают фрагменты из главы «Церковная смута» и авторского заключения. Надиктованные перед второй мировой войной, они посвящены размышлениям о церкви и политике, церкви и государстве. Евлогий и сам озадачен тем, что в разное время «боролся на разных позициях и в разных направлениях». В 1930 году он принял участие в проходившей в Англии молитве «о гонимой русской церкви». Московская патриархия сочла, что это богослужение носило «двусмысленный политический характер». В результате — временный разрыв митрополита Евлогия с управлением Русской православной церкви, находящимся в СССР. С карловчанами шла непрекращающаяся распря. Тогда Евлогий, вместе с вверенными ему приходами, перешел в юрисдикцию Константинопольской (Вселенской) патриархии — она уже давно следила за церковными распрями в Европе. Русская православ-

ная церковь не признала переход законным, отношения ее с Константинопольской церковью надолго обострились...

Документальный рассказ о «страстях» митрополита Евлогия был бы незавершенным, если бы мы не обратились к последнему периоду его жизни, о котором он не оставил мемуаров. Евлогий пережил гитлеровскую оккупацию во Франции, но, пожалуй, гораздо сильнее взволновали его военные события на родине. Он умер в 1946 году в Париже — получив советское гражданство и восстановив связь с Московской патриархией. Мы приводим выдержки из относящегося к этому периоду послесловия к мемуарам — оно составлено Т. Манухиной, которая записывала воспоминания митрополита.

Нельзя не заметить, что духовное возвращение Евлогия к своему отечеству шло особенным путем: в нем «проснулся» прежний «сторонник государственно-националистической политической линии» (автохарактеристика Евлогия — бывшего деятеля Государственной думы). Он не принял идеалы Советской власти, но признал, что она создала сильное государство. И призывал эмигрантов — независимо от их политических воззрений — к единству с Родиной. «Засыпать ров!» — это выражение часто слышали от него в последние годы жизни.

Публикация и комментарии
кандидата философских наук
А. Нефедова.

ЭМИГРАНТЫ

Из воспоминаний
митрополита
Евлогия

Церковная смута

Управление Западно-Европейской Епархией, как я уже рассказывал, было мне поручено в 1920 г. Высшим Русским Церковным Управлением, в Рейхенгале было постановлено собрать общеэмигрантский Съезд из представителей духовенства и мирян. Согласно выработанному Положению о Съезде, я имел право делегировать от епархии представителей приходов и пригласить несколько человек по личному усмотрению. Сделать это было мне не легко: я еще не успел осмотреться и не знал ни настроений в моих приходах, ни главных церковных деятелей. Присмотревшись, увидел, что состав пасты пестрый: есть «правые» и «левые», есть лица, считающие себя «привилегированными», и есть простые, рядовые члены приходов; в церковно-при-

ходском окружении велись споры, уже обозначались политические партии, которые соперничали друг с другом, и т. д. Когда пришло время посылать делегатов в Карловцы, «правые» старались на меня воздействовать, дабы провести своих кандидатов.

...Я отстаивал свободу Церкви от политики, потому что в прошлом горьким опытом познал, как Церковь страдает от проникновения в нее чуждых ей политических начал; как пагубно на нее влияет зависимость от бюрократии, подрывающая ее высокий, вечный, Божественный авторитет Царства Божия на земле и ослабляющая силу ее чисто религиозного воздействия на народную жизнь. Эта тревога за Церковь была свойственна многим русским иерархам задолго до революции в самые благополучные годы нашей государственной жизни.

«Обращение» Карловацкого Собо-

ра имело пагубные последствия и не предвидеть их было нельзя... Патриарх Тихон был вынужден принять меры: он решительно осудил политические притязания Карловацкого Собора, угрожал церковным судом главным его деятелям, а полноту церковной власти за рубежом вручил мне...

...Архиереи во главе с митрополитом Антонием, т. е. все члены Высшего Церковного Управления, поначалу волю Патриарха признали, но вскоре же стали искать путей — формально ее исполнить, — фактически ее не исполнять, а возродиться под другим наименованием, в том же

Окончание. Начало в № 5. Редакция сохраняет стилистику и правописание оригинала.

В форму «Обращения» к Лиге Наций и всем правительствам держав было обложено постановление о реставрации дома Романовых.

составе, с теми же притязаниями,— и начать борьбу со мною, дабы свести на нет мои полномочия главы Православной Русской Церкви за границей...

Приеду, бывало, на очередную ежегодную сессию Собора, а Синод за год уже подготовил свой хитрый план наступления. Должен признать, что, по свойственной мне слабости характера и ради желания мира Церкви, я с этой тенденцией — урезывать мои права — недостаточно энергично боролся. Замечалась еще одна упорная тенденция — считать Архиерейский Синод единственным правомочным органом Русской

Церкви, простиравшим власть не только на меня, но и на всю Россию на том основании, что, якобы, там Церковь в упадке и пленении, и постановления оттуда для эмиграции действительными быть не могут. Тут приходилось быть все время начеку. Когда Патриарх Тихон умер, я получил бумагу из Сербии от Архиерейского Синода, в которой епископы излагали свои суждения относительно признания (или непризнания) митрополита Петра местоблюстителем патриаршего престола. Я ответил: «Глава Русской Церкви не мы, а митрополит Петр. Он может нас признавать или не признавать, а не мы — его». В Карловцах мой категорический ответ не понравился, но митрополит Петр все же Синод признал.

Каждый раз, когда случалось мне ездить на очередной Собор, я покидал Карловцы с горестным чувством: я согласился на сотрудничество с Си-

нодом ради братского общения, а его-то и не было; ощущались недоброжелательность, агрессивная настроенность, я постоянно замечал попытки меня утеснить, мою власть ограничить, пользуясь какими-то лукавыми приемами... Бороться за свои привилегии — удручающая тягота, а мне бороться за них приходилось: они были мне вручены, и за них я должен был нести ответственность.

Основная линия моей церковно-административной деятельности, которой я неуклонно следовал с первого же общеэмигрантского церковного Съезда в 1921 г., была последовательно и строго проводимая аполитичность. В деле церковном мы должны были временно умереть в политико-национальном отношении, чтобы воскреснуть и церковно, и государственно, и национально. Только эта линия, при существующей розни в политических взглядах, не превращала Церковь в арену столкновений политических страстей. Аполитичную линию я отстаивал твердо. Когда в 1924 году некоторые политические группировки решили созвать общеэмигрантский Съезд и обратились ко мне с выражением пожелания, чтобы приходы делегировали на него своих представителей, я ответил отказом. Становиться в ряду политических организаций и посылать представителей на политический Съезд Церкви не может, ибо она не политическое учреждение; но, разумеется, представители духовенства, как отдельные граждане, могут участвовать в выборах делегатов и в собраниях Съезда.

К открытию прибыл митрополит Антоний. Заседания происходили в зале отеля «Мажестик». Мое участие в этом событии свелось к тому, что в день открытия Съезда, по просьбе председателя П. Б. Струве, я отслужил молебен — и тотчас же уехал, хотя митрополит Антоний настойчиво и звал меня в зал заседаний, где мне было приготовлено кресло. Мое нежелание принимать участие в политическом Съезде произвело неприятное впечатление на те круги, которые по-прежнему видели в Церкви опору для своих политических замыслов.

После Собора 1924 г. отношения со мною еще более натянулись. Положение запутывалось. Конфликт, возникший в самом начале эмиграции между мною и Синодом, все углублялся и, наконец, привел в 1926 г. к разрыву.

В начале 1927 года до меня дошли слухи, что «карловчане» собрали Собор епископов, который должен вывести относительно меня какое-то решительное, грозное постановление. Действительно, 13/26 января это грозное постановление состоялось: запретить меня в священнослужении и прервать молитвенное общение со мною. Этим актом «карловчане» углубили наше разобщение до крайнего предела. Намерение было ясно — они

хотели своим запрещением сокрушить меня, рассчитывая на смутность церковного сознания, на неустойчивость моей паствы, на старую дореволюционную привычку видеть в Синоде высшую церковную инстанцию и считать его постановления для себя обязательными. Но расчет оказался неверный. Моя паства каким-то безошибочным чутьем правды разоблачилась в сложном церковном положении и встретила единодушно и сочувственно мое «Обращение к духовенству и приходам». В нем я разъяснял незаконность постановления Карловацкого Синода об отстранении меня от моей епархии, вверенной мне волею Патриарха Тихона, с запрещением меня в священнослужении и предания меня суду пребывающих за границей русских архиереев-эмигрантов...

Теплое сочувствие проявили и моральную поддержку оказали мне некоторые видные представители Православного Востока. Карловацкие иерархи свои постановления относительно меня усердно распространяли не только по всем православным церквям, но и среди всех правительств мира, и я был вынужден применительно к 17-му правилу 4-го Вселенского Собора обратиться к Вселенскому Патриарху с изложением нашего спора. В ответном послании Вселенский Патриарх Василий III высказывает свое неодобрение действий Карловацкого Синода:

«...Мы отнюдь не затрудняемся решительно объявить,— пишет мне Патриарх,— что, как всякая другая деятельность, так и вынесенное против Вас запрещение со стороны так называемого Архиерейского Синода за границей,— являются деяниями канонически незаконными и никакой посему церковной силы не имеющими, ибо и само существо этого самозванного собрания в качестве органа управления канонически несообразно, и о необходимости роспуска его и прекращения суетливой и вредной деятельности его не раз уже были даны от законной власти указания и распоряжения...»

К голосу Вселенского Патриарха присоединились Патриарх Александрийский, Глава Элладской Церкви, Архиепископы Литовский, Латвийский и Финляндский.

Параллельно с Карловацкой распрей возник в 1927 г. еще один тягостный конфликт — с Московской Патриархией.

Вскоре после закрытия Епархиального Съезда я отправился на Вселенскую Конференцию в Лозанну. Там я и получил указ № 93 от 1 — 14 июля (1927 г.) зам. местоблюстителя патриаршего престола митрополита Сергия, и опять всколыхнулись и забушевали в моей пастве успокоившиеся было политические страсти. Новое тяжкое испытание...

Указ обвинял эмигрантское духовенство за открытые выступления против советской власти и предлагал мне, как управляющему русскими церквями в Западной Европе, и через меня всем заграничным русским архипастырям и священнослужителям — дать письменное обязательство (за собственноручной подписью) «лояльности» по отношению к советскому правительству и предписывал немедленно, — не дожидаясь этих подписей, — доложить заместителю патриаршего местоблюстителя, согласен ли я исполнить это обязательство.

Связь с Матерью Русской Церковью была мне очень дорога. Непримиимой позиции «карловчан», которые после грозного Патриаршего указа (от 22.IV — 5.V 1922 г. № 349) скрепя сердце признавали Московскую Патриархию, — я не разделял. Мне хотелось, не подчиняясь советской власти и оставаясь самостоятельным, найти какую-нибудь линию поведения, дабы с Москвою не рвать. С целью выяснения настроений в своей пастве, я устроил совещание, в котором приняли участие о. Сергей Булгаков, А. В. Карташев, кн. Г. Н. Трубецкой, М. Н. Гирс, И. П. Демидов и др. Мнения разделились. М. Н. Гирс высказался весьма резко против соглашения с м. Сергием; о. Булгаков, Карташев, Демидов... стояли за соглашение. Эти два противоположных мнения отражали настроение моей паствы. Объединенная вокруг меня и мне преданная, она была Указом митрополита Сергия озадачена, встревожена и смущена...

Я решил исполнить требование митрополита Сергия не безусловно, а при условии, что термин «лояльность» означает для нас аполитичность эмигрантской Церкви, т. е. мы обязуемся не делать амвона аренной политики, если это обязательство облегчит трудное положение родной нашей Матери-Церкви; быть же «лояльными» по отношению к советской власти мы не можем: мы не граждане СССР, и таковыми нас СССР и не признает, а потому политическое требование с канонической точки зрения для нас необязательно.

В моем «слове» на Литургии (4 сент. 1927 г.) я разъяснил мой ответ митрополиту Сергию, и многих это успокоило. Но не всех... Многие требовали решительного разрыва с Москвой. Бывший Главнокомандующий добровольческой армией бар. Врангель писал мне, что считает мой ответ двусмысленным и неопределенным. Другой генерал негодуя ставил вопрос: не ставленник ли я большевиков?.. Вообще писем с протестом я получил несколько.

В ответ на мое разъяснение о «лояльности», митрополит Сергий написал мне, что считает его удовлетворительным, но требует немедленно

препроводить ему подписи всех зарубежных епископов и приходского духовенства. Я отправил предписание митрополита Сергия в Карловцы, — но никакого ответа оттуда не последовало. А в моей епархии духовенство подписи дало, за исключением нескольких настоятелей приходов, которые из-за «лояльности» отпали и перешли в юрисдикцию Карловацкого Синода: прот. Орлов (Женева), о. Молчанов (Медон), прот. Тимофеев (Лондон)...

Связь с Московской Патриархией сохранилась, но не прочная, слабая, вот-вот готовая порваться. Каждое мое неосторожное слово подвергалось в Москве критике и осуждению. В течение трех лет между митрополитом Сергием и мною поддерживалась тягостная, безрезультатная полемика. Митрополит укорял меня за нарушение данного ему слова о невмешательстве в политику, а я обвинения опровергал, разъясняя, почему то или иное мое выступление нельзя назвать «политическим», — надо назвать молитвенно-церковным и религиозно-нравственным пастырским воздействием на паству, от которого ни я, ни мое духовенство никогда не отказывались и отказаться не можем.

...И вот произошло то, что уже подготавливалось в течение трех лет постепенным ослаблением моих связей с Московской Патриархией — летом 1930 года между мною и митрополитом Сергием произошел разрыв. Случилось это так.

В начале поста 1930 г. архиепископ Кентерберийский пригласил меня в Лондон на однодневное моление о страждущей Русской Церкви. Я решил ехать. За нас будет молиться вся Англия, а я останусь в Париже безучастным свидетелем единодушного сочувствия всех Церквей к страждущей нашей Церкви? Невозможно! Моя совесть повелительно требовала моего участия в этих молитвах: так же, несомненно, была настроена и моя паства.

Политических целей я никаких в Англии не преследовал и с политическими речами нигде не выступал. Всюду, где мне приходилось говорить речи, я лишь благодарил за сочувствие, просил и впредь поддерживать нашу страдальницу Мать-Церковь своими молитвами. И вот, эти выступления и послужили поводом к строгому запросу из Москвы от митрополита Сергия: на каком основании вы позволили себе разъезжать по Англии, призывая к протесту против СССР? ...Я резко ответил митрополиту Сергию, что моление в Англии имело не политический, а религиозный характер... Митрополит Сергий на это письмо обиделся и потребовал от меня точного определения моей церковной линии. Я ответил. Очевидно, мое объяснение было признано неудовлетворительным, потому что

вскоре же я получил от митрополита Сергия Указ от 11-го июля того же 1930 г., № 1518, об увольнении меня от управления Русской Церковью в Западной Европе...

Я почувствовал, что оставлять овец на расхищение я не могу, что мой пастырский долг оставаться на своем посту ради блага паствы, несмотря на грозные, несправедливые прещения из Москвы.

Митрополит Сергий не внял моим доводам и подтвердил увольнение меня от управления епархией, с запрещением в священнослужении; а управление было поручено митрополиту Литовскому Елевферию. Такое же запрещение налагалось и на сослужащих мне епископов и на все духовенство, если оно не подчинится митрополиту Елевферию. В юрисдикцию митрополита Елевферия отошли очень немногие: епископ Вениамин, иеромонахи Стефан и Феодор, имевшие его своим «старцем», и протоиереи Гр. Прозоров (Берлин).

Согласно церковным канонам и церковной практике, и древней и новой, каждая церковь и каждый епископ имеют право апеллировать ко Вселенскому (Константинопольскому) Патриарху в тех случаях, когда они не находят справедливости у своей церковной власти. Случаев таких апелляций великое множество. Я посовещался с моими епископами, и мы единодушно пришли к решению — обратиться в Константинополь, о чем я и предупредил митрополита Елевферия. Епископ Вениамин и митрополит Елевферий уговаривали меня в Константинополь не ездить, но я в своем решении был тверд.

В Константинополь я выехал в сопровождении секретаря Епархиального Управления Т. А. Аметистова.

Святейшим Патриархом тогда был Фотий I!... Патриархия в Константинополе находится на Фанаре — в той части города, где преимущественно живут евреи, и которую, пожалуй, надо назвать задворками турецкой столицы.

Нас ввели в патриархию не через главные ворота, а через другой вход. После того, как турецкий султан приказал повесить на воротах патриарха Григория, главные ворота всегда на запоре...

Заседаний по поводу меня было два. Определение судьбы состоялось на втором. Хотя кое-кто был против меня, резолюция была принята согласная с желанием Патриарха, а именно: Западно-Европейские русские церкви и приходы принимались в юрисдикцию Вселенского Патриарха, с сохранением всех привилегий русской Православной Церкви, и я назначался его экзархом наряду с существующим в Европе (в Лондоне) экзархом Греческих Церквей и приходов — митрополитом Германосом.

ИЗ ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Наша русская православная Церковь на протяжении веков достигла пышного расцвета внешней организации. Можно сказать без преувеличения, что по внешним формам благолепия она могла соперничать с древней Византией, а, может быть, отчасти даже превосходила ее. Материально она была богата, мощна, не оскудевала и духовными дарованиями, являя из своей среды многочисленный сонм св. угодников; только в последний, петербургский, или синодальный, пе-

ду ее жизни, и Церковь, подчиненная государству, стала терять в народе авторитет. Давно уже все, кто горячо любил нашу православную русскую Церковь, тосковали о свободе Церкви, чуя опасность ее пленения государством. Оно оказывало мощную материальную поддержку, но Церкви за нее приходилось дорого, слишком дорого расплачиваться; оно брало от Церкви больше, чем само давало ей, давало блага глениые, материальные, и заставляло поступаться тем, чем поступаться нельзя... И когда грянула революция, ре-

ковная организация стала раскальваться — в России, а впоследствии и за рубежом — на новые церковные учреждения, проявлялся дух мирской демагогии вместо духа соборности, но это не умаляло громадного значения того, что произошло: наша освобожденная Церковь возвращалась к подлинным нормам церковной жизни, и, при всем нашем внешнем неустройстве, было бы кощунственно сказать, что после Всероссийского Собора 1918 г. с православной Церковью в России все кончено...

● Крпта (подземный храм-усыпальница) на русском кладбище в парижском предместье Сен-Женевьев де Буа. Колокольня, внутренний вид.

риод стало возбуждать тревогу у многих ее ревнителей несоответствие внешнего величия, могущества и красоты с ее внутренним состоянием. В сферу церковного управления и церковной жизни проникли бюрократические начала, они-то и угасали горение духа, замораживали живые ее силы. Становится на очередь и обостряется старый, трудный, болезненный вопрос об отношении между Церковью и государством — Градом Божиим и Градом земным...

Независимая от каких бы то ни было земных влияний, св. Церковь Христова, по самой своей природе, миру неподклонна, — следовательно, и государству. Она голос самого Бога в человеческом, — личном и общественном, — сознании, в совести. И вот этот чудный дар свободы и независимости наша Русская Церковь не сберегла и подпала под влияние государства. Политика вошла в Церковь и значительно угасила горение духа, связала, сковала сво-

волюционный шквал глубоко потряс и синодальную русскую Церковь. Скованная нерасторжимо с формами старой государственности, она больно почувствовала на себе удары революции. Но по великому милосердию Божию, в самые жуткие дни большевистского переворота, — в забастовку, пожары, уличные сражения на московских улицах, под уханье пушек, пулеметную стрельбу... открылся Всероссийский Церковный Собор. Ему суждено было положить основание новой церковной организации, построенной на иных началах в отношении Церкви к государству... Правда, привыкнув за века к государственной поддержке, наша Церковь с трудом справлялась с богатым даром свободы: новая цер-

В этих нескольких словах я изложил мои церковные думы, а теперь мне бы хотелось разъяснить то недоразумение, которое заставляет некоторых лиц, не сомневающих в искренности моей любви и преданности православной Церкви, спрашивать меня не без укоризны, почему я, сторонник государственно-националистической политической линии в России, в Западной Европе, в эмиграции, уклонился к либерализму? Почему в то время, как либералы после революционной катастрофы превратились в консерваторов, я как бы «полевел»? Когда же я был наиболее искренен, — теперь или тогда?

Я допрашивал свою совесть и должен искренно сказать, что в разные периоды исторической жизни я

действовал и боролся на разных позициях и в разных направлениях, но неизменно за единый нерушимый идеал — за Церковь. Церковь — центральная идея моей жизни. Слава, величие, достоинство Церкви, любовь к ней — вот та нить, которая связывает воедино всю мою биографию и обуславливает все мои «позиции», все изгибы и повороты на моем пути... Конечно, для защиты Церкви приходилось ладить с государственным чиновничеством и с Государственной Думой. Ах, как трудно было нашим государственным людям разъяснить значение православной Церкви и зажечь их огнем сочувствия к ней! Роковая антиномия... Чтобы защищать православие от врагов, надо было пользоваться поддержкой государства, а пользуясь поддержкой государства, приходилось жертвовать церковной свободой, самым главным ее сокровищем.

ИЗ ПОСЛЕСЛОВИЯ Т. МАНУХИНОЙ

Восемь лет отделяют страницы «Заключения» от кончины Митрополита. Годы катастроф, перемен и переживаний неизгладимых... К сожалению, именно об этом периоде никаких последовательных записей Владыка не оставил. Я бы хотела, хоть в самой малой мере, заполнить этот пробел и поделиться своими воспоминаниями о встречах и беседах с Владыкой за эти последние годы. Быть может, они помогут запечатлеть его образ, каким он был в заключительный период его жизни.

1939 год проходит для Владыки под знаком болезни. «Приболезновал» он уже давно, но с этого года он начинает болеть часто и разными серьезными недугами. Среди них для него самый мучительный и морально тяжкий — глухота. Она затрудняет общение с людьми, лишает оживленных бесед, терзает нервы той особой разъединенностью с миром, которую знают все глухие. Особенно сказывается эта утрата нормального слуха во время богослужений...

Еще три-четыре года, и общее болезненное состояние начнет его уводить (тоже постепенно) в тихую замкнутость «санаторского» уклада жизни с неизбежными последствиями такого вынужденного уединения — преобладанием личных переживаний и субъективизмом суждений над полностью объективного восприятия действительности.

Этот постепенный уход из жизни длился почти шесть лет и имел свои лучшие и худшие дни, но, в общем, это был период непрестанных физических недомоганий, морально гнетущих переживаний, неизбежно сопутствующих тяжким хроническим недугам.

И все же, несмотря на свои немощи,

Владыка еще долго силен духом и руль церковного корабля, хоть и слабеющей рукой, а держит он крепко.

После тревожной зимы 1939 — 1940, первого полугодия войны, наступает грозный май, за ним — трагедия июня... В несколько дней Париж опустел и стал неузнаваем. Запертый, немой, мертвый... Брошенная на произвол судьбы красота и богатство... Всюду пустыня. Лишь кое-где встречаешь последних, запоздалых беглецов, нагруженных поклажей, в панике бегущих к заставам... Над городом серое, низкое небо, на горизонте клубятся черные, как сажа, тучи: говорят, оставляя город, власти подожгли мазут... В отдалении ухают пушки. С утра ползут противоречивые слухи: не то сдадут столицу без боя, не то предстоят сражения на улицах...

В этот темный, жуткий день я навестила Владыку.

Застала я его в «гостиной», на диване, среди смятых подушек, в будничной потертой расе. Озабоченный, но спокойный.

— И сам остался и распоряжение священникам дал — приходов не покидать. Нельзя храмов бросать и прихожан, которым деваться некуда. Добрый пастырь — не наемник, от овец «не бегают»... За мной приезжал гр. Коковцев, увезти меня хотел, но как паству покидать? Как всех вас оставить?

Германская оккупация... Зеленые мундиры всюду: на улицах, в метро, в магазинах... Солдаты облепили Париж, как саранча. И всюду красные флаги с черной свастикой на белом поле...

Вначале Владыку германские власти не трогали, но потом он стал жаловаться, что его осаждают какие-то немцы: они именуют себя «докторами» разных наук, приходят с переводчиками, пристают с расспросами о гонениях на Церковь в России, хотят узнать статистические данные, имена, подробности... «Мы вас беспокоим, но это нам нужно для научных работ...» Записывают что-то в своих карманных книжечках и уходят, обещая вскоре возвратиться... Создается впечатление, что за Владыкой следят гестапо.

В это опасное время Владыка осторожно ведет церковный корабль. Началось отсиживание во вражьем стане, которому официальное название — «лояльность», а скрытая сила которого — терпение... В своих проповедях Владыка говорит на общие темы веры и благочестия. В меру сил служит в соборе или ездит на храмовые праздники в церкви Парижа и в его окрестностях.

Июнь 1941 года... День Всех Святых в России просиявших... Война!.. Война с Россией — небывалая в истории по количеству армий и вооружения, Апокалиптический день...

Военные катастрофы у русских на всех фронтах. Отступление до Москвы, Тихвина, Ростова... Реки крови... Горят деревни, леса, стираются с лица земли древние прекрасные города, умыкается население...

Владыка следит за военными действиями в страшной тревоге. Он подавлен, он «сам не свой»...

— «Не сплю ночей... Не нахожу себе места... Варвары!.. Какие варвары!..» — с негодованием восклицает он. Его мучительно волнует все: и военные вести, и слухи о массовой гибели от голода русских военнопленных в Германии, о страданиях депортированного русского населения на принудительных работах... Когда немцы перебросили русских на работы во Францию, слухи превратились в точные сведения: Епархиальному Управлению удалось послать кое-куда в эти «каторги» священников, и многое узналось, о чем догадывались. Беседы с Владыкой оставляют впечатление глубокое: чувствуешь его сострадание русскому горю, горячее, пламенное, и с новой силой пробудившуюся в его душе любовь к своему народу.

Владыка говорит всегда теперь о России, не может не говорить о ней, и, по-видимому, его чувства и переживания глубже и сильнее, чем можно их выразить словами...

Я помню проповедь его в маленькой церкви в Медоне, летом 1942 года. Владыка стоял на амвоне, устало опираясь на жезл, — сколь всем нам знакомый облик нашего архипастыря! — но словно не митрополит в день храмового праздника произносил свое традиционное «слово», а престарелый отец поверял своим взрослым детям заветные и волнующие его думы...

В эти страшные дни сражений, летом 1942 года, Владыка, казалось, был душою не столько «здесь», сколько «там», в России.

Зима 1942 — 1943 гг. решила судьбу России. Немцы докатились до Волги и наткнулись на твердыню Сталинграда; защита его вызвала в стране бурю патриотического восторга. Героический подъем с новой силой охватил всю Россию. Началась борьба насмерть двух народов: удачи и неудачи, временное продвижение, временное отступление, смена надежд и тревоги (особенно летом 1943 г.). Но далее все яснее, все отчетливее и с каждым месяцем все несомненной, что Германией война проиграна и что германское отступление теперь уже окончательное...

Владыка внимательно следит за военными событиями. При встречах радостно говорит о продвижениях русских армий, рассматривает карту. Теперь добрые вести о войне — его утешение, его отрада. На столе «Война и мир». Он перечитывает Толстого

с живейшим интересом. «Сейчас мы вновь переживаем вторую Отечественную войну, тот же всенародный подвиг спасения родины...» — говорит он.

Дальнейшие события патриотическую его радость только усиливают. Не о спасении русского народа от германского нашествия уже теперь речь, а об ошеломляющих военных успехах «победоносного русского воинства», за ними с восхищением следит весь мир... Начало финала — разгром Германии. Русские уже всюду: в Пруссии, Чехословакии, в Венгрии, на Балканах... Остается штурм Берлина... Сказочной отваге осаждающих соответствует баснословная мощь вооружений — и Берлин взят!

В один из этих победно-финальных дней я застала Владыку счастливым, сияющим, вокруг него лежали газеты, в руках был иллюстрированный журнал: он любовался портретами советских маршалов...

— Смотрите, смотрите, подлинные орлы... Вот этот на Кутузова похож, а вот — Багратион, а вот этот — Барклай... Какие молодцы! Какие лица! Благообразные, волевые, умные... — с веселой улыбкой говорил он.

Когда разговор заходит о существующем в России государственном строе, Владыка на мгновение задумывается...

— Да... да... но национальные задачи могут, по произволению Божию, выполняться путями нам неизвестными... — убежденным тоном говорит он. — Пожалуй, и основной славянский вопрос разрешится — вековая задача... вековая задача, завещанная предками... Политика ведется национальная, отвечающая интересам России. Это ново. Это явление надо учесть... с ним надо считаться...

После освобождения Франции в Париж из трудовых и военных лагерей наехало много советских людей. Новые, не похожие на эмигрантов посетители наших храмов. Не боясь ни огласки, ни преследований за веру, они во множестве притекали на церковные службы.

Что-то было простодушное в их отношении к религиозному культу. Неуверенно разбираясь в догматической стороне своей веры, подчас недоумевая, что в церкви говорят, читают и поют, путаясь в простейшем, — они тем не менее с воодушевлением посещали наши церкви, несомненно ожидая для себя от этих посещений чего-то хорошего, отрадного и утешительного.

Эту новую толпу Владыка почувствовал сразу: ее волевою крепость, душевную молодость (стариков между ними почти не было), выносливость, религиозную непосредственность, а через них — и дубовую несокрушимость того ствола, которо-

го они ветки... Это «они» победили лютого врага, это «они» носители русской мощи! Эмиграция, по сравнению с советскими гостями, несмотря на всю свою «интеллигентскую» старую русскую культуру, казалась ему слабым, пересаженным на чужую землю, растением... Не значило ли нас спасти, если нас связать с державным русским центром?

«...Вот русская молодежь, талантливая, образованная... Доколе она будет лить воду на чужие мельницы, крыть чужие дома? Не пора ли идти на строительство своих родных домов? Все эти мысли так остро волнуют меня. Конечно, я не увижу этого нового строительства. Мое здоровье плохо, и я уже потерял надежду на выздоровление и, вероятно, скоро умру. Но перед смертью так хотелось бы что-нибудь сделать для родного народа...» — пишет Владыка (23.XI — 44 г.).

Владыка говорил здесь о своих первых попытках войти в общение с Московской Патриархией при содействии советских дипломатических инстанций, с целью воссоединения с «Матерью Церковью». Мы знаем, что попытки эти бесплодными не были, и зимою 1944 — 1945 гг. у него завязались сношения с митрополитом Алексием (вскоре патриархом Московским), которые впоследствии развились и углубились.

В своем «слове» в день пятидесятилетнего юбилея своего священства, 18 февраля 1945 года, он обращается к пастве с открытым церковно-патриотическим призывом:

«Мать св. Церкви Русская зовет нас к возвращению в лоно свое. Уклонимся ли мы от этого материнского призыва? Довольно настрадалась душа наша в изгнании на чужбине. Пора домой. Высшая власть церковная обещает нам спокойное развитие церковной жизни. Хочется облобызать родную русскую землю. Хочется упокоения в лоне родной Матери Церкви и нам, старикам, чтобы найти последнее упокоение, а молодым и зрелым, чтобы поработать над возрождением Родины, залечить ее зияющие раны. Без страха и сомнения, без смущения пойдем в родную землю: она так хороша, так прекрасна...»

Это «домой», обдуманное и почувствованное зимою 1944 — 45 гг., подготавливает все последующие решения и действия Владыки до его кончины.

Слабый, больной, с головокружениями, жалуясь на глухоту, на одышку, на бессонницу, окруженный бдительным уходом, как тяжело больной-хроник, Владыка торопится осуществить задуманный им план возвращения в юрисдикцию Московской Патриархии...

Отношения с Москвою остаются

неопределенными до сентября 1945 г. — до приезда в Париж полномочного представителя Московской Патриархии. Этот приезд имел серьезные последствия.

Вопрос о запрещении, наложенном на Владыку (и его духовенство) 15 лет тому назад, не обсуждался, был как бы предан забвению, и приехавший Митрополит служил соборне с Митрополитом Евлогием и его духовенством в Александро-Невском храме. Во время пребывания в Париже московский делегат вступил в переговоры с Митрополитом Евлогием о возвращении его в Московскую юрисдикцию — и в результате было подписано официальное ходатайство о воссоединении с Москвою...

В ответ на ходатайство появляется Указ Московского Патриарха от 11 сентября, № 1171, это ходатайство о воссоединении удовлетворяющий, — с постановлением Экзархата западноевропейских церквей сохранить, а Митрополита Евлогия, его возглавляющего, считать Экзархом Патриарха Московского.

В виду того, что на двукратное обращение Владыки в Константинополь с просьбой о разрешении вернуться в юрисдикцию Московского Патриарха ответа не последовало, Владыка до конца жизни оставался в зависимости от Вселенского Престола и именовался Экзархом Патриарха Вселенского; одновременно Московский Патриархат тоже считал его своим Экзархом.

Стремление Владыки вернуться в лоно Русской Матери-Церкви и действия, предпринятые для его осуществления, не исчерпали его патриотических пожеланий. Владыке этого недостаточно, его планы простираются дальше — вернуться на родину, там найти место последнего упокоения. И вернуться не одному, а со всей эмигрантской паствой...

Помню, я застала его в кресле, в подушках. Длинные волосы перехвачены ленточкой. На плечах лиловый вязаный платок. На столе перед ним длинная трубка-телефон, которой должен пользоваться посетитель, если хочет быть услышан. Речь Владыки затруدنная, слегка лепечущая...

Мы говорим на какие-то общие невольные темы, но само собой беседа заканчивается его любимой и теперь единственно ему интересной темой — о России:

— Вот там, в России, подлинное могучее русское дерево, мы здесь все лишь тончайшие его веточки... сорвет нас первая буря... Да... жить родиной, работать для нее, вернуться! Наша Русская Церковь — национальная Церковь была и есть, и я плоти и крови преодолеть не могу. Высшим христианским идеалом я жить не могу... каюсь, не могу... — с глубокой искренностью говорит Владыка.

В. ЛЕБЕДЕВ

УВАЖАЕМЫЙ БАБА-ЯГА!

Упоминание такого одиозного имени, как Баба-Яга, вызывает на исходе второго тысячелетия разве что улыбку. Между тем в прошлом веке к нему относились отнюдь не так легкомысленно. Полтора страница солидной книги «Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете» отвел Бабе-Яге профессор Московского университета А. Потебня. Несколько интересных страниц посвятил ей профессор Киевского университета П. В. Владимиров во «Введении в историю русской словесности». Нашел ей место в своем «Толковом словаре» и Владимир Даль. Словом, эту сказочную даму не обходили вниманием мужики науки. Впрочем, стоп! Почему даму? Ведь в заголовке «Уважаемый Баба-Яга!» Значит, не она, а он! С этого и начнем выяснение личности нашего персонажа.

ВОЗРАСТ. Поскольку речь пойдет о мужчине, то, думаю, уместны самые откровенные признания. Наша гипотеза: возраст — от 30 до 100 тысяч лет. Заглянем в то далекое время: каменный век, палеолит. «Над голубыми горами Алтая поднимается к небу дым костров. В костре шипит и брызгает соком мясо убитого горного козла, а среди горячих углей лежит раскаленный булыжник — материал для каменных орудий. Кругом, наслаждаясь теплом костра, сгрудились наши зверообразные волосатые предки архантропы, чьи широкие приплюснутые ноздри выдыхают запах жареного мяса» (А. Окладников).

Почувствовали себя в том далеком прошлом? Свежий воздух, здоровая пища, постоянно в движении... Но жизнь обрывалась рано (средняя продолжительность жизни мужчин 18 лет). Страшной, непреодолимой силой противостояла человеку природа. И верным союзником в схватке за жизнь служил огонь. Три главные заботы были у нашего далекого предка: добыть пищу, вырастить детей, сохранить огонь. Хранителем огня становился, как правило, избранник охотник.

Рисунок О. Остафьевой

Ночь. Костер. Спят усталые люди. Вокруг мир, наполненный таинственными звуками. Каждый знает: это говорят меж собою страшные силы, коварные духи (демоны сознания первобытного человека). Смотритель костра задремал — верно, и его сморила усталость. Ведь поддерживать огонь — дело не легкое, а днем еще приходится присматривать за детьми... Задремал — и огонь погас. Страшная беда для всех. И самое страшное наказание соплеменников — изгнание.

Уверен, стать изгоем больше шансов было у мужчин. Матриархат брал свое, не случайно среди обитателей леса явно преобладали персонажи мужского пола — леший, кащей... В их компанию и попадал наш изгой. Как ни суровы были к нему люди, но хотелось, однако, чтобы соплеменник выжил, «перевоспитался». Ведь уйдя он уже искупал вину. Как ему там, в одиночестве? Воображение рисовало самые невероятные истории, и героем их был тот самый изгой — предполагаемый прототип сказочной Бабы-Яги. Вот и выходит, что она много старше любого из ветхозаветных героев, ей — десятки тысячелетий.

Возраст Яги свидетельству-

ет о том, что припугивали ею не просто поколения людей — более тысячи поколений! Если попробовать написать точное наименование Яги типа «прапра...бабушка», получится слово длиной в десять метров!

МЕНЮ. Его можно «вычислить» без труда. Это преимущественно плодово-ягодная диета — что еще мог добыть себе одинокий изгнанник! Постепенно изгой дичал, обретая отпугивающие людей черты. По крайней мере, таким становился его образ. Им-то и пугали оставшихся у очага детей, предостерегая от самовольных путешествий в лес, полный опасностей. Так рождались прототипы фильмов ужасов — сказки с ужасно страшным героем Бабой-Ягой. Причем народная фантазия в творческой силе не уступала профессиональным режиссерам.

Доказательством того, что Баба-Яга издревле пугала лишь детей, служит, к примеру, такой факт: поела она (предварительно поджарив — и тут огонь, так трудно давшийся людям) только детей. Случаев поедания взрослых не установлено. Более того, со взрослыми, например с добрым молодцем, Яга может быть даже доброй. Но об этом чуть позже.

ВНЕШНИЙ ВИД И ЛИЦЕ. Прямо скажем, вид малопривлекательный. Особая примета — костяная нога (?). У воина-инвалида нога могла со временем высохнуть. Но почему «костяная»? Кость — излюбленный материал позднего палеолита. Раскопки говорят, что приблизительно 15—30 тысячелетий назад был настоящий костяной век. Верно, тогда-то и нога стала костяной.

Интересно отметить, что поздний палеолит стал эпохой расцвета художественного мышления. В оригинальном искусстве позднепалеолитических племен причудливо сосуществует правда и вымысел, реальность и фантазия, былое и мечты. Стены пещер, этих древнейших картинных галерей, испещрены причудливыми рисунками, открывающими удивительный мир наших пращуров.

Постепенно Яга получает постоянную прописку в особой избушке (конечно же, построенной в воображении человека). Думаю, это случилось в ту пору, когда впервые была решена жилищная проблема — человек «переехал» из пещеры в построенное жилище. Вероятно, ни окон, ни дверей оно еще не имело — нужно же было обезопасить себя от дикого

окружения! Делался лишь узкий лаз, закрывающийся изнутри. Не потому ли и избушка Яги «без окон, без дверей»?

Нет, не все поддается объяснению! Откуда, к примеру, куринные ножки? Что за домыслительные причуды? Болота, топи, наводнения? Или просто затейливая фантазия, шутка?

Сколько же людей и поколений уберегла Баба-Яга от коварств и смертельных опасностей леса, жертвуя собой, принимая на себя груз несовершенных ею преступлений (например, обвинения ее, вегетарианки, в людоедстве), становясь все более ужасающей!

Шли годы. Новые изгои сменяли прежних, менялся и «состав преступлений». Неземным пока оставалось наказание, «высшая мера» первобытнообщинного строя — изгнание. Но она же оставляла и надежду. Вроде бы не мог не погнубить человек в том лесу, а он, глядишь, возвращался. Воскресал из мертвых? Чем не диво! Яга знала «живую» и «мертвую» воду, могла вершить то, что другим не под силу. Она становилась хранительницей секретов жизни.

Люди же, осознавшие, что выжить можно лишь коллективом, понимая всю тяжесть одиночества изгоев, стали скрашивать их жизнь, заселяя сказочный лес все новыми обитателями: лешими, ведьмами, кикиморами, водяными, кщеями. Тут человек демонстрировал диковинную выдумку, завидную смекалку, изумительное лукавство. Созданный фантазией мир обитателей леса стал фольклорным памятником несгибаемому духу людскому.

Развивалось общество людей разумных, а вместе с ним шла по пути прогресса, постукивая костяной ногой, Баба-Яга.

СОЦИАЛЬНОЕ ПРОИСХОЖДЕНИЕ. Новые времена — новые страхи. Каждая эпоха привносила нечто новое и в образ Яги. Неожиданно она стала жадной. Вокруг избушки вдруг появился забор. Зачем он? А забор на воротах, черепа на заборе и прочее?

Человечество вошло в эпоху имущественного неравенства, появилась частная собственность, и перед Бабой-Ягой встали новые проблемы. Большухе над ведьмами (так именовали ее В. Даль) надо бы поберечь свои сокровища. Вот и дорисовывали ей замки. Причем забор на воротах (отметьте!) — из кости. Примитивный. Более символичес-

кий, чем настоящий. Так было, вероятно, и у людей. Сначала такого «указателя», своего рода табу, доставало. Потом появятся слова типа «че укради» и необходимый при том хитрый замок.

Баба-Яга становится главой леса, первой из ведьм, постепенно заняв лесной трон, устанавливает прямо-таки монархические порядки.

Так же и черена на заборе. Их сила не в физическом воздействии. Крепость Яги можно было легко взять, перемахнув через забор. Но забор, украшенный черепами, да еще с огненными глазами, — это может остановить и толпу, удержит силой страха. Вот она, эффективность психологического воздействия.

И еще одна грань образа: Яга — лютый бюрократ. «Я не люблю, — говорит она Василесе Прекрасной, — чтобы у меня сор из избы выносили, и слишком любопытных ем!»

ЯГА-ПУТЕШЕСТВЕННИЦА. Человек начал осваивать новые территории, налаживать связи с себе подобными. Вслед за ним стала путешествовать и Яга. Но как ей путешествовать с костяной ногой? Да еще по опасным чащобам, по болотистым хлябям. Летать, что ли? И она полетела...

Известный исследователь первобытных религий Л. Я. Штернберг подметил, что на шабаш ведьм — «торжественные собрания» обитателей леса — все летали. Русские ведьмы и Баба-Яга, писал он, носятся в небе в железной ступе (котле-туче), погоняя пестом или клюкой, заматавая след помелом. При этом стоит небывалый шум: земля стонет, ветры воют, а духи нечистые издают дикие вопли.

ИМЯНАРЕЧЕНИЕ. Шли чередой века и тысячелетия. Люди уже создали себе богов. Появились Яхве, Будда, Иисус Христос и Аллах. Русь приближалась к своему крещению. Этот факт стал поворотным в биографии Бабы-Яги. До сих пор она не имела имени, столь хорошо знакомого теперь всем (и Ягой, и Бабой мы называли ее условно), существовала под разными именами. Мне рассказывали, например, что в деревне Рябино Калининской области, близ станции Бовражской, малышей пугают местным лешим — Яшкой Шанинским. В других местах были, вероятно, свои лешие с именами и фамилиями.

Однако вот что диковинно. Брокгауз и Ефрон в своей знаменитой энциклопедии обратили внимание на фонети-

чески близкое звучание схожих с Ягой имен персонажей польских, словацких и чешских сказок! Баба-Яга — славянка? Профессор Киевского университета П. В. Владимиров в конце прошлого века так и писал: «Славянское происхождение «Яги» отражается в сказках и поверьях всех славян: чешская, словацкая Ежи-баба...» Еще раньше А. Потебня подметил: созвучны Яге Едза у поляков, Енжи-баба у словаков, Еду-баба у чехов, едзинка, галицко-русское Язя. Значит, славянка? Но вот советский исследователь С. А. Токарев находит персонажей, схожих с Бабой-Ягой в германской и греческой мифологии. Получается, Баба-Яга, как заметил В. Я. Пропп, — явление международное. И причиной тому... христианство, сменившее целые сонмы местных богов, идолов, леших и каменных баб. Да, была и каменная баба — «дикое исчадие древней тьмы» (И. Бунин).

Интернациональную природу Яги помогает понять подсказка А. В. Луначарского, она же помогает определить и пол. Расхожее имя может быть объяснено так: бог Яхве, или сокращенно Ягу. Это одно из наименований бога в Ветхом завете. В русском синодальном переводе имя Яхве заменено на «господь». Древние же получили имя господа из «первоисточника». Они слышали и Яхве, и Ягве, и просто Ягу...

Но почему бог обретает столь странное, прямо скажем, страшное обличье? Может быть, все объясняет процедура внедрения христианства: насилие, разрушение привычных стереотипов жизни, мышления людей? И чем сильнее было насилие, чем сильнее пригибали к земле перед новым, чужим богом, тем больший страх и одновременно протест вырастал в славянской душе. Ягу становился самым опасным врагом язычников, самым страшным из них. Пугать начинали теперь уже им. Детей пугали не просто чудищем, обитавшим в лесу, а строгим богом, почему-то очень похожим на ранее известную Ягу (только ударение на первом слоге).

Так с конца X века затейливо переплетаются в сказаниях и в народном сознании, с одной стороны, привычная байка про страшилище в лесу, а с другой — новый бог, среди многочисленных имен которого явно слышится созвучное Яге — Ягу. Вот и крестили почти что родную Бабу-Ягу, бедное, одичавшее лесное существо. Крестили

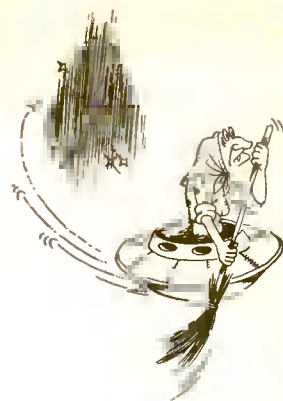

Рисунок В. Семеренко

именем бога, ненавистного старой, языческой Руси. А Баба-Яга осталась как бы символом несломленного язычества.

Теперь вы убедились: Яга — мужчина. Вот уже тысячу лет он скрывается под женскими одеждами.

За такую древность Яги говорят следующие факты. В I-й Новгородской летописи под годом 1200-м упоминается «Ягиница» — прозвище, соответствующее русалке, упырю, водовику и т. п. Названия ега-баба, баба-яга, баба-юга, Ягична Яга-бвна восходят, отмечал профессор П. В. Владимиров, к XII веку.

Что ж, подходит к концу наше историко-детективное «расследование». Порок узан, мы объявляем ему об этом. Прятаться дольше бессмысленно!

Удалось установить не так уж мало. Если бы мы стали заводить на Бабу-Ягу «личный листок по учету кадров», мы заполнили бы в нем много граф: имя, отчество, возраст, пол, род занятий, социальное происхождение, место прописки, наличие родственников за границей, выезды (вылеты) Яги к ним на шабаш, наличие транспортных средств и права на их вождение (ни одной аварии за века!) и т. д. Известно, когда она меняла фамилию... Это значит, что вот-вот мы сможем поднять стопку брусничного морса (любимый ягювый напиток) за тысячелетний юбилей ее имяна-речения.

Рисунок В. Казачека

ОШПРОВЕРЖЕНИЕ

Л. ТАЛЫМОВ,
наш специальный корреспондент

Рисунки И. Вагровой.

ВНОВЬ, уже который раз за зиму, навалился жестокий мороз. На этот раз он застал меня в Ивановской области. Местным котельным не хватало топлива, людям не хватало тепла. Даже шустрые воробьи и те позабывались на чердаки и под крыши. С блеклого, словно обмороженного небосвода подслеповато щурилось тусклое солнце.

Порывистый ветер перехватывал дыхание и обжигал лицо. Старожилы задумчиво перебирали год за годом.

— Последние времена наступают, — поговаривали старушки. — Сказано в священном писании, что будет опутан весь мир проволокой, полетят по небу железные птицы, начнется холод, голод и мор, и вострубит архангел Гавриил, призывая всех на Страшный суд...

Апокалиптические прогнозы старушек беспокоили меня куда меньше, чем прогноз погоды. Мороз забирал все круче, и обговоренная заранее встреча с Леонидом Александровичем Бороздиным, служившим некогда священником в городе Юрьевце, а затем решительно порвавшим и с церковью, и с религией, могла и не состояться. Автобусы здесь, как мне сказали, ходят редко, а идти в такую стужу через половину города пешком решится далеко не каждый.

НАВСТРЕЧУ мне шагнул плотный, среднего роста мужчина лет пятидесяти, со спокойным, пристальным, чуть задумчивым взглядом. Мы поздоровались, поговорили немного о том о сем, исподволь присматриваясь друг к другу, и постепенно перешли к тому, ради чего и встретились. Медленно, словно выверяя каждую мысль, рассказывал Леонид Александрович о пережитом.

— Знаете, я много думаю, почему моя жизнь сложилась так, а не иначе. И главный мой вывод, убеждение мое, выстраданное долгими годами и мирского и церковного опыта, — человек без веры жить не может. Без веры он гибнет, ломается. Я ведь был воспитан на вере. На вере в Сталина, в его ближайших сподвижников, на вере в то, что живу в самом справедливом и разумном государстве, что мудрые его руководители во главе с Иосифом Виссарионовичем всегда принимают единственно верные решения и всем остальным остается только неукоснительно выполнять их предначертания, и все будет прекрасно. Да разве один я во все это свято верил? И разве один я, когда рухнула эта вера, попытался, хотя и трудно это далось, заменить ее другой верой, верой в грядущее через два десятилетия торжество коммунизма?

А когда и эта вера рассыпалась в прах, странно ли, что в поисках новых идеалов, новой веры, обратился я к вере религиозной? В то время и в той обстановке мне казалось, что это единственный выход, единственная точка опоры, способная вернуть мне утраченный смысл жизни.

МЫ ЕЩЕ вернемся к тому сложному пути, который привел Леонида Александровича в церковь. Сейчас же нам важна именно эта его мысль, своего рода ключ к пониманию собственной судьбы: человек без веры жить не может. Тут, правда, есть повод для полемики о разных значениях слова «вера». Конечно же, не хлебом еди-

ным жив человек, и уж тем более не личной машиной, дачей, мебелью и хрусталем (хотя кое-кто и этим вполне обходится), а, главным образом, чем-то святым в своей душе, теми или иными идеалами, которые и составляют цель и смысл его существования. Именно на этом фундаменте, как мне кажется, строится личность, индивидуальность, а нет его — и личности тоже нет.

Все мы разные, и каждый по-своему выкарабкивается из беды, каждый находит свою точку опоры, чтобы выбраться после крушения из-под обломков былых идеалов. Одни яростно борются за свои убеждения, за собственное видение мира, другие махнут на все рукой и начнут «жить для себя», третьи бросаются на поиски иных, более надежных идеалов и ценностей.

Именно в ту пору, когда Леонид Александрович с болью и горечью размышлял над тем, что происходило вокруг него, начали появляться в нашей стране поклонники экзотических восточных и псевдовосточных культов, бросавшие городские квартиры и пытавшие основать в удаленных от городской цивилизации местах собственные колонии. Некоторые научные работники вдруг подавались в сторожа, а инженеры и конструкторы — в грузчики и почтальоны. Думается, именно в ту пору обострился среди части творческой интеллигенции интерес к религии. Сегодня мы многое лучше, точнее знаем о том времени, которое именуем «периодом застоя». Кому-то было в нем «тепло и сыро», кто-то маялся, надеясь найти спасение в личной честности и порядочности, другие же, как мой герой, постепенно отчуждались от той действительности, которую принять они не могли, а изменить — тем более.

Но в том-то и слабость подобной позиции, что, отчуждаясь от действительности, человек меняет-то не ее, а себя, вернее, свои представления о ней, условия и образ собственной жизни, круг друзей и знакомых, способы и методы общения, а реальная действительность остается прежней, и воздействовать на нее могут лишь те, кто, пусть до поры до времени и безуспешно, но все же пытаются ее изменить.

Фасад религии, и в том числе православной, весьма привлекателен. Именно на нем крупным шрифтом начертаны такие замечательные принципы, как не убивай, не кради, возлюби ближнего своего, как самого себя, не лжесвидетельствуй, чти отца своего и мать свою... Именно церковь наиболее активно использует такие понятия, как нравственность, духовность, добро, благо, любовь, справедливость, утешение, милосердие, обращенные непосредственно к страждущей душе человеческой.

И когда начала рушиться прежняя вера Леонида Александровича, именно к этим христианским принципам и обратился он в поисках ответа на горькие и недоуменные свои вопросы.

Верил ли он в бога в ту пору? А он и не задумывался над этим. Другое волновало его: где и в чем основа людской честности, порядочности, справедливости? Ведь если можно говорить одно, а делать другое, если прекрасные сами по себе лозунги и призывы ведут не к возвышению нравов, а к их распаду, значит, нет во всем этом истины и быть не может. Тогда где же она, в чем, у кого? Ведь где-то же она должна быть, ведь если бы ее, истины, не было вообще, то человечество давно бы уже утратило и смысл и цель своего существования!

Конечно, будучи человеком достаточно образованным, мыслящим, Леонид Александрович не мог поначалу поверить в существование такого бога, каким его рисует Библия. Сотворение мира за шесть дней, грехопадение Адама и Евы, всемирный потоп... Все это для него были мифы, древняя аллегория... Но бог как высший идеал, как некое воплощение совершенств и добродетелей, постижение которых дает мощный стимул нравственному самосовершенствованию личности и, через нее, преобразованию всей жизни, — над этим стоило подумать. Но с кем посоветоваться, к кому обратиться за ответом? К коллегам по работе? Те, озабоченные личными делами и взаимоотношениями с начальством, только посмеялись бы над подобной «заумью».

Он обратился к Льву Толстому, к Достоевскому. Ведь и они бились над теми же проблемами, болели той же, что и он, болью. И, видимо, не случайно именно в религии пытались найти ответы на мучившие их вопросы. Может, действительно, есть в идее бога некая ускользающая от него истина?

Но как же тогда быть со всем, чему его столько лет учили? Что природа и общество развиваются по естественным, присущим им законам?

Он взялся за атеистическую литературу, но сомнения свои так и не разрешил. И даже книги А. Осипова, бывшего протоиерея и магистра богословия, которыми он искренне увлекся, ни в чем его не убедили. Впрочем, ничего удивительного в этом нет. Ведь искал он не столько саму истину, сколько подтверждение собственных взглядов и мнений.

Размышляя над прочитанным, он вдруг решил написать богослову Г. П. Миролубову, о котором А. А. Осипов отзывался с искренним уважением. Так Бороздин сделал первый шаг к будущей своей церковной жизни.

Миролубов ответил ему. Завязалась искренняя, хотя и нерегулярная переписка. Да, объяснял он Леониду Александровичу в письмах, этот мир несовершенен, и лишь вера, надежда и любовь способны спасти его, сделать чище, нравственнее, гуманнее. Вера в спасителя Иисуса Христа, отдавшего себя на крестную муку во искупление нашего несовершенства и греховности, надежда на высшую справедливость и воздаяние по делам нашим и любовь к вечным нравственным ценностям и к ближнему своему. Человек себялюбив, слаб перед соблазнами, пороками, искушениями, и только вера способна дать ему твердый и надежный ориентир в жизни, удержать от дурных поступков и направить на добрые дела.

Но более всего подкупали письма Миролубова тем, что тот не идеализировал ни церковь, ни верующих. Разные люди, мол, есть и там и тут: однако один, не устояв, согрешит, но тут же и покается перед богом и перед собой, другой, согрешив, даже не смутится, а то еще и гордиться будет в душе собственным прегрешением. Вы же сами видите, сами нравственно мучаетесь от того морального распада, до какого дошли окружающие вас люди, отринув веру и учение церкви. Именно вера, писал Миролубов, и только она способна разрешить все ваши сомнения.

Но не успел Леонид Александрович воспользоваться ни советами Миролубова, ни его приглашением на дачу. На очередное его послание ответила сотрудница Ленинградской духовной академии Е. Д. Уварова, известив, что Миролубов скончался, но если он, Леонид Александрович, не против, то переписку будет продолжать она.

Наверное, еще и тогда трудно было назвать его убежденно верующим человеком, но, как уже казалось ему, забрезжил перед ним отсвет великой таинственной истины, отсвет подлинного высокого и чистого смысла жизни. И чем больше штудировал он «Журнал Московской патриархии», богословские труды и другую религиозную литературу, которой безотказно снабжала его Уварова, тем быстрее менялись его взгляды и представления. Одна вера замещалась другой, и теперь даже то, с чем он раньше решительно не мог согласиться, что, как говорится, отметал с порога, начинало казаться ему наполненным загадочным дивным смыслом, до которого он пока еще по необразованности и неопытности просто не смог докопаться...

— ПОМНЮ, — вспоминает Бороздин, — в очередной мой визит в Ленинград к Уваровой мы со знакомым священником отправились в монастырь. Принимали нас радушно, искренне, доброжелательно. Но особенно мне запомнилось, как в храме мальчик молился — чистый, опрятный, красивый, восторженный... Смотрел я

на него и думал: он слышит здесь призывы к доброте, сочувствию и помощи ближнему, к высокой нравственной жизни. А что слышат и будут слышать мои дети?

Грязную ругань, издевательства, злобные насмешки друг над другом? Его окружает красота, духовная чистота, а их все то же пьянство, воровство, духовная, нравственная грязь! И если раньше еще были во мне какие-то колебания, то эта мысль напрочь их перечеркнула. Теперь мой путь, понял я, прям и ясен...

В 1978 ГОДУ епископ Ивановский и Кинешемский Амвросий после предварительных бесед в присутствии всего местного духовенства рукоположил Леонида Александровича в Преображенском соборе г. Иванова в диаконы. Церемония была торжественная, и Бороздину казалось, что и в самом деле излилась на него благодать божья. Человек искренний и цельный, разрешив былые свои сомнения и наконец-то обретя, как ему тогда казалось, желанную истину, подлинную цель и смысл жизни, он безоглядно отдался служению новой своей вере.

К тому времени Бороздин освоил догматическое и нравственное богословие, но церковную службу знал плохо. И на первых порах ему пришлось нелегко, но врожденное упорство и сознание высокой своей миссии помогли одолеть и эти трудности. В 1980 году исполнилось заветное его желание — он был рукоположен в священники.

Скромный, неизменно доброжелательный, искренний во всем и со всеми, он, что называется, пришелся ко двору, и когда поднялся вопрос о назначении, соответствующем новому сану, ему предложили остаться в соборе. Однако он, к немалому удивлению новых своих коллег, попросился в сельский приход, объяснив, что здесь, в Иванове, пастырей и без него хватает, а он хотел бы нести слово и правду божью туда, где они звучат еще редко и слабо и где, стало быть, в нем куда больше нужды, чем в областном центре.

Такое желание епархиальное руководство признало весьма похвальным, и отец Леонид был определен вторым священником в старинный русский город Юрьеvec.

Однако для отказа от службы в соборе имелась и вторая причина, о которой он, впрочем, предпочел не упоминать в разговоре с владыкой и его приближенными. Пока он осваивал церковную службу, у него не было ни сил, ни времени, ни желания присматриваться к тому, что происходило вокруг. Когда же жизнь его начала входить в размеренную колею, многое стало вызывать у него недоумение. Он помнил, что в церкви надо верить, а не мудрствовать, и ежели что-то и смущает тебя, то либо по неопытности, либо по малости веры, либо по искушению... Он не раз и не два слышал это от своих коллег и наставников, но ничего поделаться с собой не мог. Конечно, если бы он вырос в этой среде или же вошел в нее еще юнцом, не имеющим жизненного опыта, не выработавшим привычку к самостоятельному анализу происходящего, он бы постепенно претерпелся ко всему, свикся и многое воспринимал бы как само собой разумеющееся.

Но можно уйти от жены, от детей, от «мира», только от самого себя не уйдешь. Вот и маялся отец Леонид, видя, что иереи и протоиереи относятся к алтарю примерно так же, как прежние его сослуживцы к своим служебным кабинетам. Здесь могли за глаза посмеяться над тем, с кем только что любезничали, посмаковать очередную епархиальную сплетню или рассказать скабрезный анекдот. Могли даже сбогохульничать, ничуть не смущаясь тем, что по церковным представлениям в алтаре обитает сам господь бог. Не мог отец Леонид не заметить и того самого чинопочитания, которого он не мог терпеть в мирской жизни, и все тех же «конторских игр», главной целью которых было добиться благорасположения начальства, только теперь — епархиального. Но когда он поделился своими размышлениями с одним из священников, тот удивился:

— Да вы, отец Леонид, оказывается, наивный человек. Послужите с мое, и не такое еще увидите. Священники-то ведь живые люди. Вот и грешат, как все...

— Но ведь при рукоположении, — возразил Бороздин, — на священника нисходит благодать божья, он внутренне перерождается.

— Благодать благодатью, — прервал тот, — а плоть плотью! Един бог безгрешен, а мы, смертные... — Он махнул рукой. — Так-то, отец Леонид! И не майтесь понапрасну...

Отец Леонид старался не маяться. Изнурял себя постом, горячей, истовой молитвой. Постоянно держал в памяти слова Христа о сучке в глазу брата и о бревне в собственном глазу. Внушал себе, что все подобные ситуации — испытания в крепости его веры...

Потом, девять лет спустя, окончательно разочаровавшись и в христианском идеале нравственности, и в самой идее бога, он сказал мне:

— Царство божие действительно не от мира сего. Ибо только отгородившись от реальной жизни, можно убежденно верить в высшую справедливость.

НАСТОЯТЕЛЬ Юрьевецкого храма отец Петр Косянчук встретил нового сослуживца с распростертыми объятиями. Выставил богатый стол, резавший Бороздина своей роскошью. Но, как говорится, со своим уставом в чужой монастырь не суются. Отец Леонид даже упрекнул себя тут же — человек от широты души так размахнулся, а ты же его за это в душе и коришь! Грешно, отец Леонид, грешно...

Потекла повседневная приходская жизнь. Утренняя литургия, вечерняя, проповеди, исповеди, причащения, соборования, отпевания.

Поначалу и тут увлекся отец Леонид своей высокой миссией. Много беседовал с верующими, подолгу сидел над составлением проповедей, читал их проникновенно, проповедуя в основном на свою любимую тему —

о нравственности. Но постепенно стал замечать особые отношения отца Петра с теми, кто контролировал церковную кассу, и его житейскую «ловкость», противоречащую тому, к чему отец Петр призывал с амвона.

Из дневника Л. Бороздина:

«23 октября 1980 года. Был у нас в гостях отец Петр. Жена спросила: «Вы, говорят, в семинарии учитесь?» «Да», — ответил он. «А потом в духовную академию пойдете?» — «Не-ет! Куда мне в академию! Тяжело. Образования не хватает. Даже десяти классов не имею. Да-да! Не имею. Учился в вечерней школе. Я учителю сто грамм поставлю — он мне оценку!»

Мы смотрим на отца Петра удивленно, а он довольно улыбается и говорит: «Уметь надо жить. Если дашь в лапу, всего достигнешь».

Когда отец Петр ушел от нас, вспомнил я нашу совместную поездку на епархиальное совещание в Иваново.

Вышли мы с диаконом Конином из такси в залу, а настоятель наш, отец Петр, с увесистыми узлами на архиерейскую кухню потащился. «С рыбой!» — мотнул головой в его сторону диакон.

А я подумал: неужели рассчитывает судаками да лещами волжскими выстлать себе у архиерея гладкую дорожку к успеху?

27 октября 1980 года. Отец Петр говорит мне: «Что-то, отец Леонид, мне Владыка стал сниться. Может, ему картошки надо?..» А в том году в Иваново ее почти не было. Собрал Петр у верующих целую машину картошки и увез архиерею.

29 октября 1980 года. Накануне дня ангела епископа отец Петр подошел ко мне и открыл деревянный футляр: «Вот что я Владыке хочу подарить!» Из футляра ослепительно блеснул большой золотой крест. Умеет жить, подумал я, глядя на торжествующего Петра. Стоимость такого креста измеряется, наверно, четырехзначной цифрой. Большие деньги! А ведь получает зарплату такую же, как я, — двести сорок рублей. К тому же жена нигде не работает, две дочери в школе учатся. Надо всех напоить, накормить, обути и одеть... На зарплату такие подарки делать нельзя».

Знал, знал отец Леонид, что и в Преображенском соборе, где он два года служил, у многих его коллег были «особые отношения» с церковным активом, особенно с теми, кто контролировал кассу. И то одна внезапно объявившаяся «нужда» кого-либо из иереев, то другая компенсировались из церковной кассы в обход официального учета денежных поступлений. Это не считалось ни зловонным, ни постыдным, об этом между своими говорились практически в открытую.

Знал об этом отец Леонид, но старался быть подальше от подобных дел, убеждая себя, что чего-то он по неопытности своей не понимает, и коли уж владыка этого не пресекает, то, очевидно, все это на самом деле не воровство, а что-то совсем иное. Ведь не может же владыка, архипастырь, поддерживать и поощрять воровство тех, кто ежедневно провозглашает с амвона «не укради».

И хотя представлял в Иваново отец Леонид всю нехитрую механику «изъятия» неучтенных денег из церковной кассы, сам при этом не присутствовал и потому причастным себя не считал.

Здесь же, в Юрьевце, все происходило на его глазах. А у отца Петра одна «нужда» другую догоняла. И потому многие службы и требы не регистрировались, а деньги за них шли прямоком в карман настоятеля. И добро бы шли они на какие-то церковные нужды, на помощь больным, старым и немощным, это еще отец Леонид мог бы понять, по мирской своей жизни помнил, как приходилось иной раз ловчить хозяйственникам абсолютно бескорыстно, исключительно в интересах дела. Так нет же, церковные нужды куда меньше беспокоили настоятеля, чем собственное благополучие.

Вот и маялся отец Леонид, видя беззащитное

воровство и не решаясь откровенно сказать об этом настоятелю, ибо как-то неловко говорить умудренному опытом и облеченному священническим саном человеку, что воровать — нехорошо, грешно!

Но решился все-таки, посчитав, что молчание — то же самое соучастие в воровстве. Поначалу отец Петр решил, что недоволен напарник тем, что сам к церковной кассе не допущен, и стал поучать его, с кем следует договориться, с кем поделиться.

— Мы с вами, отец Леонид, сработаемся, — похлопал он Бороздина по плечу, — я это с самого начала почувствовал...

Когда же выяснилось, что отнюдь не участие в дележе неправедных доходов интересует отца Леонида, а чисто нравственная, этическая сторона дела, настоятель остолбенел от удивления:

Л. А. Бороздин (1980).

— Вы что же, отец Леонид, — ошеломленно спросил он, — хотите церковь на свой лад переделать?

Но в ту пору отец Леонид считал, что не церковные нравы надо переделывать, а повадки отца Петра привести в соответствие с церковными нравами.

С тем и отправился батюшка, жаждущий воплощения в жизнь евангельских заповедей, к епархиальному начальству, и, естественно, получил за свою проповедь достойную отповедь.

— Я ехал в епархию, — вспоминает Леонид Александрович, — уверенный в полной поддержке и понимании. Не забудьте, я искренне считал, что священнослужители — люди совершенно особые, чуть ли не святые, ведь они учат прихожан правилам высшей нравственности, высшей морали, на них благодать божья, и потому сами они — образец христианской жизни, как я ее, разумеется, тогда понимал. И если ни то, с чем я сталкивался во время служения в Преображенском соборе, ни поведение отца Петра не поколебало моей уверенности, то услышанное в управлении епархии подействовало на меня как ушат ледяной воды...

Бывшие сослуживцы по Преображенскому собору в ответ на возмущение отца Леонида лишь лукаво улыбались в бороды и, не поддерживая разговора, быстро отходили в сторону. А настоятель собора и личный секретарь владыки, протоиерей Николай Винокуров, то ли желая утешить его, то ли вразумить, заявил следующее:

— Вы не поняли христианства. Давать и брать взятки — такова церковная специфика. Без этого нам нельзя...

Своеобразно утешил и владыка:

— В церкви всегда было так...

Что мог ответить отец Леонид? Ему ли, приходскому священнику, учить епископа евангельским заветам, тому, во что искренне веруют миллионы простых прихожан, тем светлым и высоким идеалам, ради которых он стал служить богу.

Потом были другие беседы, столь же откровенные, но эта, первая, стала для него точкой отсчета. Именно после этого разговора старательно подавляемая им привычка думать, сопоставлять, размышлять вновь властно заявила о себе. И ничего с ней поделать он уже не мог.

Еще какое-то время он убеждал себя, что верует ведь он не в священнослужителей и даже не в церковь, а в бога, и следовательно, нет и не должно быть ему дела до церковных порядков и до морального облика ее служителей.

Надо сказать, что эта его мысль нашла горячую поддержку у епархиального руководства. «Пусть духовенство живет так, как живет, вам-то что? — вразумлял отца Леонида тот же протоиерей Винокуров. — А вы живите своей жизнью, если уж вы такой честный!»

Да, была у отца Леонида такая идея — отойти от зла, под которым он понимал воровство приходских денег, взяточничество, склоки, сплетни и пьянство в церковной среде, и творить благо, насколько это в его силах. Но даже отойдя от духовенства, мог ли он, оставаясь священником, отойти от верующих?

Из дневника Л. А. Бороздина:

«Сегодня на исповеди женщина рассказала, как она когда-то загубила своего младенца: «Не хотела я, батюшка, ребенка. Одна старушка и посоветовала: ты ноздри-то ему пальцами прижми, он и перестанет дышать... Я так и сделала. Умер, царство ему небесное».

Слушаешь этакое, и ужас берет. Так и хочется закричать на весь храм: «Господи, где же ты, как же ты, всеблаготворитель, допустил подобное!» Женщина-то, конечно, кается, но чувствую, не о ребенке загубленном душа ее болит, а за собственную участь беспокоится... И если бы она одна такая была. Так ведь нет же. Недавно другая призналась: «Напоила я его, дитя свое, холодной водой, чтобы он помер, он и преставился у меня от воспаления легких. Молодой еще была, неразумной. А сейчас каюсь, авось господь простит».

Господи, в чем мне только не каются! Неужели ты все это простишь, господи? А если не простишь, почему не остановил руку их окаянную, ты же ведь всеблаг, господи, зачем обрек их на вечные мучения?..»

Нет, теперь уже отцу Леониду не казалось все таким совершенным и нравственным в божественном устройстве мироздания, как когда-то. Не успевал он найти маломальски удовлетворительный ответ на один недоуменный вопрос, как на смену ему приходило несколько новых.

О к о н ч а н и е с л е д у е т.

ИТОГИ ВСЕСОЮЗНОГО КОНКУРСА

Президиум Правления Всесоюзного общества «Знание» утвердил решение жюри по итогам Всесоюзного конкурса на лучшие произведения научно-популярной литературы, изданные в 1986 году. Среди книг, отмеченных наградами:

Атеистические чтения, вып. 15. М., Политиздат — диплом I степени.

Мезенцев В. А. Каменная сказка М., «Молодая гвардия» — диплом II степени.

Байрамов Э. З. Заброшенные четки. М., Политиздат — поощрительный диплом.

Принято решение о том, что начиная с 1988 года ежегодный Всесоюзный конкурс на лучшие произведения научно-популярной литературы будут проводить

совместно Всесоюзное общество «Знание» и Государственный комитет СССР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. Госкомиздат СССР установил две новые премии за научно-популярные книги для молодежи: автору (или коллективу авторов) — 800 руб.; редактору — 700 руб. С положением о конкурсе можно ознакомиться в правлениях местных организаций общества «Знание».

ДИАЛОГ? ПОКА ТОЛЬКО ЗНАКОМСТВО!

22 января в цикле чтений «Социальная память человечества» проведен «круглый стол», посвященный 1000-летию «крещения Руси». Его организовали Московский историко-архивный институт и Московский фонд культуры. Еще два-три года назад такое трудно было представить — за одним столом сидели ученые и богословы. Думается, это знамение времени, идущей перестройки, демократизации общественной жизни, общественного, в частности научного, сознания, которое стало более открытым для диалога. Однако возникает вопрос, кстати, прозвучавший из зала в форме несколько парадоксальной: «А не отдаем ли мы, атеисты, свое первородство за удовольствие похлебать совместно чечевичной похлебкой?» Иначе говоря: «Не будет ли стоить нам такой диалог отказа от атеистического мировоззрения?»

Что ж! Вопрос не праздный. Но сначала о том, как все это происходило. Зал, вмещавший около 600 человек, был переполнен. В работе «круглого стола» приняли участие Ю. Н. Афанасьев, В. А. Минаев, В. А. Муравьев (Московский историко-архивный институт), Я. Н. Щапов и Л. С. Чечуров (Институт истории СССР АН СССР), М. Ю. Брайчевский (Институт археологии АН УССР), В. Г. Хорос (Институт мировой экономики и международных отношений АН СССР), Д. Е. Фурман (Институт США и Канады АН СССР), В. В. Иванов (Институт славяноведения и балканистики АН СССР), Ю. А. Кизилов, преподаватели Московской духовной академии протоиерей Игорь Экономцев, игумен Макарий (Веретенников), иеромонах Иннокентий (Павлов), игумен Феофилакт (Моисеев), дьякон Валентин Асмус, студент академии священник Борис Даниленко, А. В. Антонов (Старообрядческая епископия).

«Крещение Руси», связанные с правосла-

вием вопросы истории и культуры, современное состояние церковных организаций, их место в общественной жизни — тема обширная. Поэтому некоторые вопросы были раскрыты относительно полно, другие же прозвучали репликой. Многие участники обращались к проблеме «выбора веры», обсуждалась и дата «крещения Руси» (в целом все были согласны, что она достаточно условна), и обстоятельства, сопутствовавшие этому событию. Разнообразные мнения высказывались по поводу времени проникновения христианства на Русь. Назывались разные периоды — от начала нашей эры до VIII—IX веков. Скажем, М. Брайчевский относит первую попытку ввести христианство как государственную идеологию Киевской Руси ко временам Аскольда (конец IX века), другие акцентировали внимание на крещении Ольги.

В целом все были единодушны в оценке высокого уровня развития материальной и духовной жизни Древней Руси накануне ее «крещения», подчеркивали, что государство возникло почти за полтора века до этого и многие его институты сложились на языческой основе. Вокруг вопроса о соотношении языческой и христианской культуры не раз вспыхивали споры.

Конечно же, много внимания уделили истории церкви, ее роли в развитии культуры, современному положению. Заметно было, может, и неосознанное желание представителей церкви приукрасить ее прошлое. Например, только подробный экскурс Я. Н. Щапова в историю экономической жизни православной церкви опроверг версию, будто она никогда не находилась на иждивении эксплуататорского государства и всегда существовала только на народные деньги. Я. Н. Щапов напомнил о «десятинном периоде», зе-

мельном собственничестве и других формах ее экономического бытия.

Привлекла внимание и проблема соотношения нравственности и религии, отмечалось в целом положительное влияние христианства на нравы, мораль Древней Руси.

Предметом обсуждения стал вопрос о церковных ересьях. Богословы характеризовали их как явление нетипичное, как случайный отход человека не только от церкви, но и от родины. Ученые-историки, напротив, обращали внимание на социальные причины этого явления. Здесь же возник и вопрос об отношении современной церкви к экуменизму. Протоиерей Экономцев отметил, что ныне у православия сложились хорошие отношения с католиками, протестантами, старообрядцами, хотя Русская православная церковь ни на йоту не изменяет своим догматам, своему вероучению.

Дьякон Асмус, обратившись к русскому средневековью, полемизировал с оценками этого времени как темного провала в культурной истории. Он настаивал также на том, что Русь через Византию восприняла и античное наследие.

Беседа за «круглым столом» продолжалась четыре часа. Из зала задавали самые разнообразные вопросы представителям церкви. Скажем: «Верите ли вы в коммунизм? Если да, то как это соотносится с вашим мировоззрением?» Ответил игумен Макарий: «Если подходить к этому вопросу с точки зрения мировоззрения, мы стоим на диаметрально противоположных позициях. Решая основной вопрос философии, мы считаем, что первичен Дух, а научный коммунизм считает, что первичная материя. Но вот что интересно. В журнале «Москва» я встретил любопытное высказывание: суть его сводится к тому, что борцу за перестройку гораздо ближе человек, иначе решающий основной вопрос философии, не выступающий за перестройку, чем человек, который выступает против перестройки, но одинаково с ним решает основной вопрос философии. С этой точки зрения у нас много близкого с борцами за перестройку».

Итак, обсуждались многочисленные исторические и культурологические аспекты самых разных периодов отечественной истории. Однако на прямой вопрос — почему же Киевская Русь все же приняла именно православие и был ли иной вариант — в конце концов один из богословов ответил: «Потому что так пожелал Иисус Христос». И это, как поняли все, был ответ, продиктованный уже не наукой, а верой.

Видимо, здесь и проходит водораздел, за которым сотрудничество ученых-марксистов и богословов кончается. Однако на уровне научной конкретики — разговора о происхождении и достоверности исторических известий, сопоставления фактов, толкования специальных понятий — выявились целые области для совместной работы.

Была ли дискуссия? Конечно, была. Был ли мировоззренческий диспут? В том

Информация, хроника

ЦЕРКОВЬ И ПЕРЕСТРОЙКА

Социальное и нравственное обновление, подъем духовной жизни, характерные для современного советского общества, вызывают живой интерес у иерархов Грузинской православной церкви. И это понятно — за ним стремление глубже разобраться в характере происходящих перемен, не отстать от растущей социальной активности, инициативы своих прихожан.

Вот уже два года по просьбе руководства церкви лекторы общества «Знание» систематически выступают перед священниками и учащимися Мцхетской духовной семинарии.

Тематика обоих циклов лекций планируется с учетом пожеланий слушателей. Прежде всего это проблемы перестройки экономики, социальной сферы. Не остаются без внимания и вопросы внешней политики, международных отношений. По просьбе слушателей прочитаны лекции по проблемам НТР, экологии современной демографической ситуации. Понятен повышенный интерес аудитории к истории становления государственности в Грузии, развитию ее национальной культуры. Часто лекции перерастают в диалог, диспут между атеистами и верующими.

Д. ГЕГЕШИДЗЕ, доктор философских наук, профессор, председатель бюро секции пропаганды научного атеизма при Правлении общества «Знание» Грузинской ССР

смысле, который принято вкладывать в это понятие, вспоминая, скажем, диспуты Луначарского и Введенского, — конечно, нет. Безусловно, по некоторым репликам чувствовалось, что в зале ждали мировоззренческого противоборства и, наверное, были разочарованы. Что ж! Все мое время, вступать в спор можно, только познакомившись с оппонентом. Что же касается дискуссии, то общее мнение один из участников «стола» выразил так: «Мы сейчас еще только знакомимся, а после успеем и поспорить, еще и подеремся». Насчет драки — это, конечно, шутка

Подвел итоги Ю. Н. Афанасьев:

«В нашем обществе звучат разные

голоса, их много. Мы сейчас учимся эти голоса различать, слышать, понимать. По теме, которую мы вынесли на обсуждение, имеется огромное количество самых разных точек зрения, которые противостоят друг другу и которые, может быть, никогда не получат однозначного решения. Я думаю, что мы будем спорить. Мы — это ученые: историки, философы, литературоведы. Мы будем встречаться, обсуждать какие-то вопросы, спорить и не находить одинаковых ответов и между собой и с представителями православной церкви, с представителями других вероисповеданий. И я думаю, что это нормально. Мы можем по-разному объяснять причины

«крещения Руси», и вы убедились, насколько разное у нас понимание этих вопросов. Но это не мешает нам всем вместе глубоко осознать, что история религии очень тесно связана с историей культуры».

А теперь вернемся к вопросу: не утратим ли мы атеистическую убежденность в таких дискуссиях? Думается, не только не утратим, а наоборот, укрепим, ибо атеизм должен строиться не на неведении, а на знании, на приверженности истине. К мировоззренческому диалогу нужно готовиться основательно и глубоко.

В. ПАЗИЛОВА,
кандидат философских наук

ПО ЗАКАЗУ МУЗЕЯ ИСТОРИИ РЕЛИГИИ И АТЕИЗМА

Продолжение. Начало на 2-й странице обложки

— Не только. Я не могу приступить к работе, пока не войду в образ, не смогу ощутить эрму, предметно эпоху. Так, я вдоль и поперек исходил днепровские берега, особенно там, где, по преданию, происходило историческое событие. Ознакомился с большим количеством исследований, посвященных этому вопросу, консультировался со специалистами. Пользуясь случаем, хочу поблагодарить академика Б. А. Рыбакова за ценные советы и помощь. Считаю, что в его лице меня «благословила» наша историческая наука.

— Как, по-вашему, может отреагировать на картину православная церковь?

— Учитывая сложность темы, я консультировался не только с учеными. Я показал эскизы одному из высших иерархов православной церкви. Причем сразу же сказал, что картина будет иметь нерелигиозный, светский характер. Владыка оценил мою прямооту. Эскизы ему понравились, и от тоже дал ряд советов.

— Все-таки почему в вашем творчестве доминирует историческая тематика?

— Виной тому, можно сказать, случай. Лет десять назад вместе с друзьями зашел в Исторический музей, заглянул в запасники, где хранилось старое оружие. Хранитель посетовал, что экспонатов много, но сами по

себе они мало что говорят. Я согласился, действительно, все эти прекрасные мечи, щиты, красочное одеяние прекрасно смотрелись бы на картине, и посетитель музея зримо, воочию представил бы себе историю в предметах, людях и событиях. Вот и нарисуйте, в шутку предложил хранитель. Он пошутил, а я вдруг загорелся и через десять дней принес эскиз на тему Куликовской битвы. Хранитель растерялся, не ожидая, что его слово так быстро обернется делом, и повел меня к директору. Директору эскиз понравился и он... рассердился: где же я был раньше? Выяснилось, что картины на эту тему уже заказаны двум художникам. «Пусть я буду третьим», — простодушно ответил я. Директор подумал и согласился, хотя времени на исполнение оставалось мало. Картину я нарисовал к сроку, теперь ее можно увидеть в Историческом музее.

— Где-то я ее видел еще...

— В учебнике по истории СССР для седьмого класса помещена репродукция с картины.

— Однако все это немного напоминает волшебную сказку: пришел, увидел, нарисовал...

— Скоро только сказка сказывается... В детстве я подавал, как говорится, большие надежды, меня без экзаменов приняли в художественную школу. После окончания меня

даже собрались было послать в Италию. Но потом армия, семья и так далее...

В общем, почти двадцать лет к живописи в традиционном смысле этого понятия не приступал. Долго работал в кино, был постановщиком более 70 фильмов, в том числе «Снегурочки», «Экран». После образования творческого объединения «Экран» стал работать в так называемых малых формах: помните кота Леопольда? Впрочем, и крошка енот, мамонтенок, другие персонажи были хорошо приняты детворой. Работа в мультипликации помогла в постижении пластики, движения, ритма, отразилась и на моих картинах, где, мне кажется, заметна некоторая «режиссированность».

Ну, а мое посещение Исторического музея привело к тому, что я стал «музейным» художником. Кроме «Куликовской битвы» там висит мое «Ледовое побоище». В картинной галерее г. Владимира — триптих «Слово о полку Игореве». В Суздалье есть Музей былин — там мой «Боян»... Я вижу свою задачу в том, чтобы оживить экспонаты, приблизить «действующих лиц истории» к нашей жизни, создать окно во времени, помочь зрителю увидеть героические картины прошлого.

— И вот теперь диптих о крещении. В чем заключается его центральная идея?

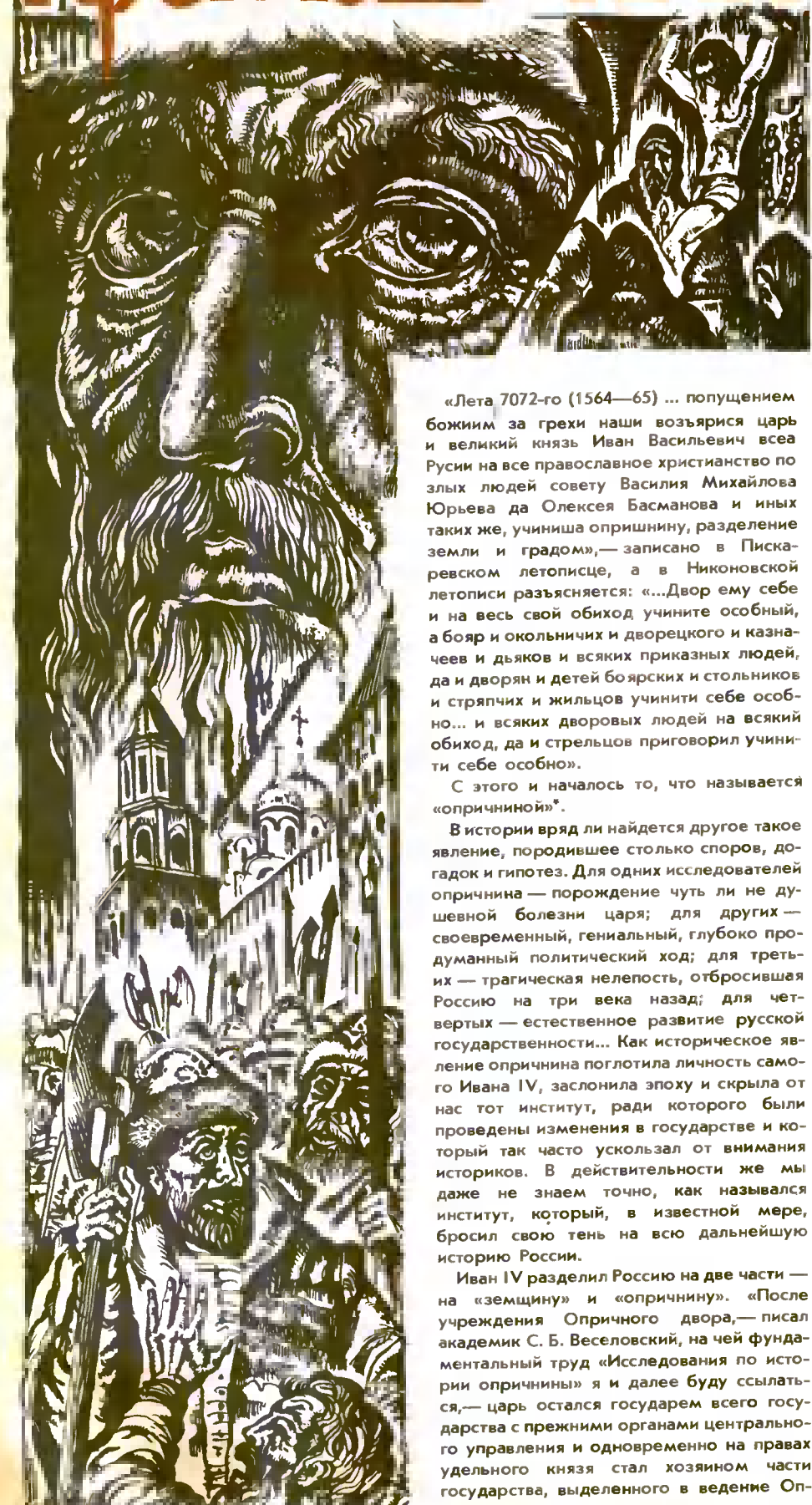
— Мне хотелось раскрыть конфликтную ситуацию: начинается новое время, идет столкновение старого и нового, но не всем понятны неизбежность и, скажем, жесткость новых времен. Отсюда трагедия жрецов — они изображены на второй половине диптиха, там, где дружинники влекут Перуна в воду. Для жрецов рушится старый мир. А для тех, кого Владимир согнал в воду, тоже происходит нечто необычное. Вспыхивают маленькие стычки, одних гонят силой, другие равнодушно следуют указаниям греческих священнослужителей. Родовитых киевлян можно узнать по «оселедцу» на голове — его носили наиболее почитаемые люди княжьего рода. Их отношение к крещению не простое, одни, возможно, вспоминают известные по летописи слова Владимира: «Кто не придет, тот будет враг мне», другие оценивают, говоря современным языком, политические и экономические последствия крещения. К воде они идут раздельными потоками — знать сама по себе, простой люд сам по себе. Между ними — князевы воины. За каждым персонажем я вижу человеческую судьбу. Во время великих исторических поворотов она часто заслоняется важностью и величием момента.

Интервью взял
Э. Геворкян.

КРОМЕШНИКИ

ИЗ ИСТОРИИ ПРАВОСЛАВИЯ

Андрей НИКИТИН

«Лета 7072-го (1564—65) ... попущением божиим за грехи наши возъярися царь и великий князь Иван Васильевич всеа Руси на все православное христианство по злых людей совету Василия Михайлова Юрьева да Олексея Басманова и иных таких же, учиниша опришнину, разделение земли и градом», — записано в Пискаревском летописце, а в Никоновской летописи разъясняется: «...Двор ему себе и на весь свой обиход учините особый, а бояр и окольничих и дворецкого и казначеев и дьяков и всяких приказных людей, да и дворян и детей боярских и стольников и стряпчих и жильцов учинити себе особно... и всяких дворовых людей на всякий обиход, да и стрельцов приговорил учинити себе особно».

С этого и началось то, что называется «опричниной»*.

В истории вряд ли найдется другое такое явление, породившее столько споров, догадок и гипотез. Для одних исследователей опричнина — порождение чуть ли не душевной болезни царя; для других — своевременный, гениальный, глубоко продуманный политический ход; для третьих — трагическая нелепость, отбросившая Россию на три века назад; для четвертых — естественное развитие русской государственности... Как историческое явление опричнина поглотила личность самого Ивана IV, заслонила эпоху и скрыла от нас тот институт, ради которого были проведены изменения в государстве и который так часто ускользал от внимания историков. В действительности же мы даже не знаем точно, как назывался институт, который, в известной мере, бросил свою тень на всю дальнейшую историю России.

Иван IV разделил Россию на две части — на «земщину» и «опричнину». «После учреждения Опричного двора, — писал академик С. Б. Веселовский, на чей фундаментальный труд «Исследования по истории опричнины» я и далее буду ссылаться, — царь остался государем всего государства с прежними органами центрального управления и одновременно на правах удельного князя стал хозяином части государства, выделенного в ведение Оп-

ричного двора». Доходы с опричной территории позволяли Ивану IV содержать двор, составленный и пополнявшийся исключительно по его собственному выбору и указаниям, собственное — опричное — войско, противопоставлявшееся войску земскому и поставленное над ним, но главное — рыцарско-монашеский орден опричников, во главе которого стоял он сам.

Иоганн Таубе и Элерт Крузе, два ливляндских рыцаря, попавших во время Ливонской войны в русский плен, с 1564 по 1571 год находились при Иване IV, исполняя его дипломатические поручения. В 1571 году, когда царь принялся за уничтожение собственных опричников, два друга, предчувствуя, что скоро дело дойдет и до них, бежали в Польшу, где составили подробный отчет о том, чему были свидетелями. Текст его был опубликован на русском языке в восьмой книге «Русского исторического журнала» в 1922 году и там можно найти подробное описание ордена опричников, как они его прямо и называют:

«Опричники (или избранные) должны во время езды иметь известное и заметное отличие, именно следующее: собачьи головы на шее у лошади и метлу на кнутовище. Это означает, что они сперва кусают, как собаки, а затем выметают все лишнее из страны. Пехотинцы все должны ходить в грубых нищенских или монашеских верхних одеяниях на овечьем меху, но нижнюю одежду они должны носить из шитого золотом сукна на собольем или куньем меху. Он, великий князь, образовал из них над всеми храбрыми, справедливыми, непорочными полками свою особую опричнину, особое братство, которое он составил из пятисот молодых людей, большей частью очень низкого происхождения, всех смелых, дерзких, бесчестных и бездушных парней.

Этот орден предназначался для совершения особенных злодеяний.

Прежде всего монастырь, или место, где это братство было основано, был в Александровской слободе... Сам он был игуменом, князь Афанасий Вяземский келарем, Малюта Скуратов пономарем; и они вместе с другими распределяли службы монастырской жизни. В колокола звонил он сам вместе с обоими сыновьями и пономарем. Рано утром в четыре часа должны все братья быть в церкви; все неявившиеся, за исключением тех, кто не явился вследствие телесной слабости, не щадятся, все равно высокого ли они или низкого состояния, и приговариваются к восьми дням епитимьи. В этом собрании поет он сам со своими братьями и подчиненными попами с четырех до семи. Когда проживает восемь

Рисунок Э. Дмитриенко

* По «Толковому словарю» В. И. Даля, опричный — особый, иной, отдельный, сторонний, кромешний, отрешенный от чего-либо. А также — тьма кромешная, ад.

часов, идет он снова в церковь, и каждый должен тотчас же появиться. Там он снова занимается пением, пока не пробьет десять. К этому времени уже бывает готова трапеза, и все братья садятся за стол. Он же, как игумен, сам остается стоять, пока те едят. Каждый брат должен приносить кружки, сосуды и блюда к столу, и каждому подается еда и питье, очень дорогое и состоящее из вина и меда, и что не может съесть и выпить, он должен унести в сосудах и блюдах и раздать нищим, и, как большей частью случилось, это приносилось домой. Когда трапеза закончена, идет сам игумен к столу. После того как он кончает еду, редко пропускает он день, чтобы не пойти в застенки, в котором постоянно находятся много сотен людей; их заставляет он в своем присутствии пытаться или даже мучить до смерти безо всякой причины, вид чего вызывает в нем, согласно его природе, особенную радость и веселость... И после этого каждый из братьев должен явиться в столовую или трапезную, как они называют, на вечернюю молитву, продолжающуюся до девяти часов... Что касается до светских дел, смертоубийств и других тиранств и вообще всего его управления, то отдаст он приказания в церкви...

Все братья и он прежде всего должны носить длинные черные монашеские посохи с острыми наконечниками, которыми можно сбить крестьянина с ног, а также и длинные ножи под верхней одеждой, длиною в один локоть, даже еще длиннее, для того, чтобы когда вздумается убить кого-либо, не нужно было посылать за палачами и мечами, но иметь все приготовленным для мучительства и казней...

Сведения эти полностью подтверждает Альберт Шлихтинг, слуга и переводчик придворного врача Арнольда Лензея, находившийся при Опричном дворе с 1564 года, благодаря чему он оказался невольным свидетелем тех дворцовых тайн, о которых Таубе и Крузе, опричные дипломаты, могли лишь догадываться. Вот что Шлихтинг писал об Иване IV:

«Живя в упомянутом Александровском дворце, словно в каком-нибудь застенке, он обычно надевает куколь, черное и мрачное монашеское одение, какое носят братья базилиане, но оно все же отличается от монашеского куколя тем, что подбито козьими мехами. По примеру тирана также старейшины и все другие принуждены надевать куколя, становиться монахами и выступать в куколях, за исключением убийц из Опричнины, которые исполняют обязанность караульных и стражей. И так великий князь встает каждый день к утренним молитвам и в куколе отправляется в церковь, держа в руке фонарь, ложку и блюдо. Это же самое делают все остальные, а кто не делает, того бьют палками. Всех их они называют братией, также и они называют великого князя не иным именем, как брат. Между тем он соблюдает образ жизни, вполне одинаковый с монахами. Заняв место игумена, он ест один кушанье на блюде, которое постоянно носит с собою; то же делают все. По принятии пищи он удаляется в келью или уединенную комнату. Равным образом каждый из

остальных входит в свою, взяв с собою блюдо, ножик и фонарь; не уносить всего этого считается грехом. Как только он переделает это в течение нескольких дней и, так сказать, воздаст богу долг благочестия, он выходит из обители и, вернувшись к своему нраву, велит привести на площадь толпы людей и одних обезглавить, других повесить, третьих побить палками, иных поручает рассечь на куски, так что не проходит ни одного дня, в который бы не погибло от удивительных и неслыханных мук несколько десятков человек».

С чьей-то легкой руки в литературе распространилось мнение о своеобразном «воинствующем атеизме» Ивана IV, согласно которому орденский ритуал был якобы «пародией» на церковную службу. Ничего подобного не было и быть не могло. Время Ивана IV отмечено самыми частыми и самыми богатыми пожертвованиями монастырям, церквам, черному и белому духовенству — сел, земель, драгоценных вкладов, угодий. Но все же основание для сомнения в «правоверии» Ивана IV есть, причем довольно серьезное.

Какие цели преследовал орден? Какие функции выполняли его члены — не орденское войско, а те «братья», которые собирались на трапезу под присмотром Вяземского, Скуратова-Бельского и самого царя? Против кого был направлен этот загадочный и страшный аппарат, с культивируемым в нем садизмом, с его полной безнаказанностью, тесно сплоченный круговой порукой, обязанный своим существованием и жизнью одному лишь царю? Во время царствования Романовых подобные разыскания находились под негласным, но безусловным запретом, а позднейшие исследователи часто оказывались не свободны от установившихся взглядов. Первые и самые серьезные шаги к пересмотру взгляда на опричнину сделали такие замечательные советские историки, как С. Б. Веселовский. В течение долгих лет разрабатывавший именно личностную историю XVI века, изучая родственные связи и послужные списки ее персонажей, и И. И. Полосин, первым поставивший вопрос об орденском характере опричнины, ее символическом, верховном аппарате и действиях Ивана IV. Они позволяют увидеть в «капризе» русского царя определенную, тщательно продуманную систему, во многом заимствованную с Запада, где в течение всего шестнадцатого века, особенно в его первой половине и середине, возникают рыцарские, монашеские и, в частности, придворные ордена, с присущими им тайной, ритуалами и эмблемами — всем тем, что мы находим и в Александровской слободе.

Принятию в опричное войско, бывшее как бы основанием «пирамиды», над которой возвышался сам орден, предшествовал строгий отбор: исследовался род, из которого происходил кандидат, семейные связи, имена тех, с кем он был знаком или дружен. Прошедший проверку приносил присягу: «Я клянусь быть верным государю и великому князю и его государству, молодым князьям и великой княгине, не молчать обо всем дурном, что я знаю,

слышу или услышу, что замышляется тем или другим против царя, его государства, молодых князей и царицы. Я клянусь не пить и не есть вместе с земщиной и не иметь с ними ничего общего. На этом целую я крест».

После присяги опричник уже не мог общаться ни с кем, кроме опричников. Исключенный из общества остальных людей, именуемых отныне «земщиной», поставленный над ними, он мог их только грабить, убивать, насиловать. Опричника, уличенного в знакомстве или приятельстве с неопричником, убивали без суда, уничтожалась и вся семья того «земца», с кем он был связан.

Для исследователя особенно интересен избранный Иваном IV орденский цвет — черный. Насколько точны в этом плане описания иностранцев, я мог убедиться летом 1970 года, когда академик

● Опричнина в рисунках Сергея Эйзенштейна к фильму «Иван Грозный».

Б. А. Рыбаков вел раскопки в Александровской слободе, к сожалению, вскоре остановленные. Как явствовало крупные керамические «лемехи», по-видимому специально изготовлявшиеся для дворцовых зданий, строения были покрыты черной графитной черепицей, невольно заставляющей связать бытовавшее в народе наименование опричников — «кромешники» — с адской «тьмой кромешной».

Цвет, символика, обряды, пытки позво-

ляют думать, что, в противоположность другим рыцарским и монашеским орденам, этот, по всей видимости, был сатанинским. Его члены в пыточных застенках Александровской слободы, уверенные — в полном соответствии с широко распространенными воззрениями людей того времени в могуществе дьявола, — возможно, приносили ему кровавые жертвы во время «черной мессы». Именно этим можно объяснить описываемый свидетелями непосредственный переход от богослужения к пыткам, имевшим, вероятно, кроме следственного, еще и магическое значение.

Следствие — но против кого? Враги у Ивана IV были, как и у любого правителя. Не больше. Мартиролог его жертв, в десятки раз больший, чем восстанавливаемый по тексту пресловутого синодика, куда заносились только его «личные» жертвы, не дает ответа на вопрос. Вопреки распространенному ранее мнению, опричнина не была направлена против уделов, удельных князей и боярства — она сама была уделом, не изменяла общегосударственную систему, сохранила именно верхушку московского боярства — Шуйских, Мстиславских, Бельских... В числе членов опричного царского двора представители самых знатных родов. Остальные — «младшие ветви» знати, оставшейся в «земщине». Разница ощутима не в окружении царя и в составе земской думы, а лишь в составе двора и самих опричников, «убийц», как их называет А. Шлихтинг.

Более пестрым оказывается контингент жертв Ивана IV. Здесь князья и бояре, их челядь, служилые люди, дьяки, представители высшего и низшего духовенства, «черного» и «белого», ремесленники, торговцы, крестьяне.

Наконец, сами опричники!

Уничтожение опричнины и запрет под страхом тяжелого наказания даже упоминать о ней наиболее загадочны. Что за тайна потребовала уничтожить всех, кто хоть каким-то боком был к ней причастен? Уничтожение это удивительно планомерно, значит, было что скрывать, что прятать. Какие-то секретные дела, вопросы, задававшиеся во время пыток, какие-то тайны, ведомые лишь царю да его самым ближайшим помощникам, от которых потом он поспешил избавиться.

Загадочны и события, предшествовавшие основанию ордена. В первую очередь это касается знаменитого «исхода» Ивана IV с семьей и частью двора из Москвы в Александровскую слободу осенью 1564 года.

3 декабря 1564 года Иван IV уехал из Москвы сначала в Коломенское, из Коломенского в Тайнинское, оттуда в Троице-Сергиев монастырь и, наконец, в Александровскую слободу.

«Подъем же его не таков был, — пишет автор дополнений к Никоновской летописи, — якоже преже того ездивал по монастырям молиться, или на которые свои по́техы в объезды ездил: взял же с собою святость, иконы и кресты, златом и камнем драгим украшенные, и суды золотые и серебряные, и поставцы все всяких судов,

золотое и серебряное, и платие, и деньги, и всю свою казну повеле взять с собою. Которым же боярам и дворянам ближним и приказным людям повеле с собою ехать, и тем многим повеле с собою ехать з женами и з детьми, а дворянам и детям боярским выбором из всех городов, которых прибрал государь быти с ним, велел всем ехать с собою с людьми и с конями, со всем служебным нарядом».

Согласно другим летописным известиям, царь просто пограбил монастыри и церкви Москвы, после чего в первых числах января 1565 года уже из Александровской слободы объявил свой гнев на все государство и публично отрекся от престола в пользу своих малолетних сыновей.

Зачем ему это было нужно? Если отъезд и отречение были всего лишь тактическим ходом, то почему современники согласно отмечают, что за время между отъездом в Слободу и возвращением в Москву Иван IV так постарел и изменился, что его не узнавали собственные приближенные. И. Таубе и Э. Крузе пишут, что «от злобы в течение сорока этих дней у него выпали волосы из головы и борода».

Однако что же было тому причиной? Боязню, что отречение может быть принято всерьез? Но в руках Ивана IV было войско, деньги, отрекался он в пользу сыновей, которых сохранял при себе, да и не было вокруг никого, кто бы мог стать претендентом на трон в то время. Чего же боялся Иван IV?

Животный страх преследовал с тех пор московского царя в течение шести-семи лет, вспыхивая с особой силой перед очередной волной массовых репрессий, что дало повод исследователям находить у Ивана IV обострения психического заболевания. Ни братство «кромешиников», ни кровавые жертвы тайного следствия, ни опричное войско, как видно, не спасали царя от ожидания какой-то катастрофы. Царь уезжал в Вологду, начинал строительство на севере новой столицы, куда переводил не только свою, но и государственную казну; он спешно даровал англичанам совершенно исключительные льготы, которых те тщетно добивались несколько лет, завел через А. Дженкинсона, а потом и Д. Горсея, тайную переписку с английской королевой Елизаветой, прося у нее убежища, «буде придется ему бежать со всей семьей». Одновременно с укреплением Вологды царь делал крупные вклады в Кирилло-Белозерский монастырь, готовя в нем кельи для себя и своих сыновей, тут же строил обширную флотилию, чтобы плыть в Англию. И вдруг — очередной крутой поворот: осенью 1569 года царь бросает строительство Вологды, подготовку к бегству и мчится назад, в свой «орденский замок».

С этого момента открывается одна из самых страшных страниц истории его царствования. Сначала Иван IV вызывает в Александровскую слободу Владимира Старицкого и отправляет его вместе с женой и старшей дочерью — без каких бы то ни было объяснений или допросов. Через три месяца после казни двоюродного

брата Иван IV во главе опричного войска выступает в тайный поход. Куда — никому не известно. Насколько тщательно сохранялась тайна похода свидетельствуют записки двух его участников — немца-опричника Генриха Штадена и уже упомянутого А. Шлихтинга, который должен был сопровождать царя вместе со своим хозяином-лекарем.

Г. Штаден, не упускавший возможности разбойничать именем великого князя, пишет по-солдатски просто и лаконично о том, что видел:

«Затем великий князь отправился из Александровской слободы вместе со всеми опричниками. Все города, большие дороги и монастыри от Слободы до Лифляндии были заняты опричными заставами, как будто бы из-за чумы, так что один город или монастырь ничего не знал о другом. Как только опричники подошли к яму или почтовому двору Черная, так принялись грабить. Где великий князь оставался на ночь, поутру там все поджигалось и спаливалось. И если кто-нибудь из его собственных избранных людей, из князей, бояр или их слуг, приходил из Москвы на заставу и хотел попасть в лагерь, того приводили от заставы связанным и убивали тотчас же. Некоторых приволакивали к великому князю нагими и гоняли по снегу до смерти. То же самое было и с теми, кто хотел уйти из лагеря в Москву и был схвачен стражей».

Подробнее известие А. Шлихтинга:

«Все еще страдая жаждой человеческой крови, он, — пишет Шлихтинг о царе, — особенно сурово заказал, под угрозой кары топором и палками, чтобы из города Москвы никто не смел отправляться по проезжей дороге, которая ведет в Новгород, ни мужчина, ни женщина, напоследок даже ни собака или какая-нибудь скотина. Отправляясь же из Александровского двorca в Новгород, он посылал вперед шестьсот всадников и столько же оставлял на ходу сзади себя; равным образом он рассылал также людей вокруг, с правого и с левого бока, чтобы никто не пришел в Новгород. Если упомянутые всадники наткнулись на кого-либо, будь то даже раб или челядинец тирана, или также он сам на пути заставлял кого-нибудь, то всех убивал, чтобы молва о его прибытии не опередила и он мог тем лучше застичь новгородцев, не ожидавших его и несколько не думавших о нем. Так же поступали те, кто занимал правое и левое крыло; поэтому даже и собака не могла быть предвестницей его приближения... При всякой остановке, или в городе, или в поместье, он обычно выходил и избивал всех людей и скот, сжигал поместья и избы. Так же поступали и все остальные...»

Первый, самый жестокий удар обрушился в конце декабря 1569 года на ничего не подозревавшую Тверь. Обложив город, изолировав его от окружающего мира, царь со своим двором стал в Отроче монастыре, где в заключении содержался московский митрополит Филипп Колычев, требовавший от Ивана IV прекращения опричного разбоя и казней, уничтожения опричнины. Если верить легенде, между царем и бывшим митрополитом состоялся

какой-то разговор, после чего Малюта Скуратов лично задушил Филиппа, объявив, что тот скончался «от угара» в келье. Затем настала очередь города. Спокойно и деловито описывают погром Твери наблюдавшие его Таубе и Крузе:

«Вослед за тем (за убийством Филиппа. — А. Н.) приказал он ограбить дотла тверского епископа, монахов и всех духовных. Граждане и купцы, ремесленники и другие стали надеяться, что грабежи не распространятся дальше. Они были вполне уверены в этом в течение двух дней, когда он прекратил убийства и грабежи, но по прошествии этого срока приказал великий князь врываться в дома и рубить на куски всю домашнюю утварь, сосуды, бочки, дорогие товары, лен, сало, воск, шкуры, всю движимость, свезти все это в кучу и сжечь, и ни одна дверь или окно не должны были остаться целыми; все двери и ворота были отмечены и изрублены. Если кто-либо из грабителей выезжал из дома и не делал всего этого, его наказывали как преступника».

Тверь была лишь началом. Затем наступила очередь Медыни, Торжка, Вышнего Волочка, потом Новгорода и Пскова.

Неизвестный новгородец, автор повести о походе Ивана IV на Новгород в 1570 году, достаточно подробно рассказывает о виденном. Я воспроизведу лишь основные моменты его рассказа, не следуя точной передаче текста.

После разгрома монастырей, убийств монахов и разграбления двора архиепископа Пимена Иван IV приказал приводить из Великого Новгорода на Городище, где он стал станом, «владычных бояр и иных служивых людей, и детей боярских, и гостей, и всяких градских и именитых изрядных людей, и жен их, и детей перед себя, и повеле государь их перед собою горько, люто и бесчеловечно различными муками мучить. А своим государевым детям боярским повелел государь тех мученых и поджаренных людей за руки, за ноги и за волосы различно вязать и привязывать к каждому человеку по камню, тащить их за саями на Волховский мост и метать с моста в реку Волхов. А жен их, младенцев и всякого возраста детей приводить на тот же мост, возводить на башню и оттуда, связав руки и ноги, привязывая младенцев к их матерям, метать в Волхов. А другие государевы люди в это же время в малых судах ездили по Волхову с оружием, копьями, рогатинами, баграми и топорами, и если кто из брошенных всплывает, то этими баграми и топорами и копьями пронзали и смерти предавали мучительной. И так продолжалось больше пяти недель. По окончании же того царь и великий князь Иван Васильевич начал ездить вокруг Великого Новгорода по монастырям, повелев грабить церковную и монастырскую казну, кельи, служебные дома, и всякий хлеб — в житницах, стоящий в скирдах и на полях — повелел сжигать, а скот всякий, и коров, и лошадей, повелел сечь». После же того царь и великий князь Иван Васильевич вернулся в Великий Новгород и повелел по всем торговым рядам, по всем

Продолжение см. с. 50

ЖИТИЕ несостоявшегося ПАТРИАРХА

Александр ШАМАРО

■ НА ПРАВОМ БЕРЕГУ речки Перерытицы, пересекающей Старую Руссу, стоит просторный двухэтажный деревянный дом — всемирно известный музей Федора Михайловича Достоевского. Уездный городок Новгородской губернии писатель облюбовал для отдыха и лечения еще в 1872 году, несколько летних сезонов провел с семьей здесь, вдали от петербургского шума и суеты, а в 1876 году дом на берегу Перерытицы стал его собственностью.

Но и в уездной глуши он не мог скрыться от многочисленных читателей и поклонников. В Старую Руссу часто навещали гости, в большинстве своем люди молодые, жаждавшие поговорить со знаменитым писателем, разрешить тягостные для ума «проклятые вопросы».

Работая в старорусской тиши над романом «Братья Карамазовы», Достоевский познакомился со старшеклассником одной из петербургских гимназий, сыном богатого помещика — отставного генерала, имение которого находилось в Новгородской губернии.

Это был Алексей Храповицкий — будущий митрополит Антоний.

Друг юности Храповицкого, Владимир Александрович Поссе, литератор и известный общественный деятель, оставил воспоминания; несколько строк из них не могут не привлечь к себе внимания:

«Алексея Храповицкого Достоевский укреплял в христианстве, православии, монашестве... Алексей Храповицкий ходил к Достоевскому и подолгу беседовал с ним. Друзья Храповицкого думали, что с него он пишет Алешу Карамазова»¹.

Так думали не только близкие друзья. Известный церковный деятель более позднего времени — обновленческий митрополит Александр Введенский писал об Антонии: «Вперед всех их (речь шла о претендентах на патриарший престол. — А.Ш.),

несомненно, Антоний, стяжавший в молодости славу Алеши Карамазова, но потом сменявший ее на другую славу»².

В. А. Поссе оставил немного словный, но выразительный портрет своего гимназического друга:

«Алексей, внешне блестящий, резкий, самолюбивый и тщеславный, еще на гимназической скамье поставил себе целью сделаться всероссийским патриархом... Окончив гимназию с золотой медалью, он поступил в духовную академию и уже на втором курсе, двадцатилетним юношей, постригся в монахи.

С ним я часто подолгу спорил и ставил в упор вопрос:

— Неужели вы, умный, образованный человек, искренно верите, что Христос вознесся на небо и что просфора и вино превращаются в его плоть и кровь!

— Я не могу сомневаться, — отвечал Антоний, — если бы я усомнился, то мне бы не оставалось ничего другого, как броситься с Литейного моста в Неву вниз головой»³.

Уже этих строк достаточно, чтобы представить себе характер, личность юного Храповицкого. Выходец из родовитой семьи, обладатель громкой дворянской фамилии (правнук статс-секретаря Екатерины II), он от молодых ногтей воспылал вполне естественным в его положении честолюбием, и вскоре этот ненасытный и неугасимый огонь целиком поглотил его душу. Но он избрал далеко не традиционную для своего сословия карьеру церковника. Вполне возможно, что здесь проявился не только и даже не столько карьеристский расчет. Скорее всего, выходец из добропорядочной семьи был, хотя бы в начале своего жизненного пути, человеком искренне религиозным,

¹ Поссе В. А. Пережитое и продуманное, т. 1. Л., 1933, с. 72.

² Введенский А. И. За что лишили сана бывшего патриарха Тихона. М., 1923, с. 34.

³ Поссе В. А. Пережитое и продуманное, с. 50 — 51.

ибо только эта сторона в характере ничем иным не примечательного петербургского гимназиста и могла привлечь внимание автора «Братьев Карамазовых». Но пылкая набожность, если даже она и была, с юных лет сочеталась в душе Алексея-Антония с холодной расчетливостью, непоколебимой целеустремленностью, трезвостью политического борца. В интимных разговорах, в личной переписке он не считал нужным маршировать.

«Мы с завтрашнего дня», — писал он, например, одному из своих близких друзей и единомышленников в июле 1905 года, — будем в продолжении шести дней напутствовать отходящие на Д. Восток 3 наших полка, т.е. 14 000 человек. Сколько можно, буду начинать их патриотизмом и антиреволюционным духом»⁴.

«Начинать!» И это — о «божественной истине», об «архипастырском слове», о которых в официальной обстановке тот же Антоний говорил с привычным благоговением.

Что же могло привлечь в нем внимание Достоевского? Наверное, прежде всего, стремление соединить строгое монашество с деятельным вмешательством в «мирскую жизнь» во имя «торжества царства божия на земле». Антоний не имел ни малейшего желания замыкаться в тиши иноческой кельи. Едва приняв монашеский постриг, он стал выступать с религиозными лекциями перед широкой публикой⁵.

И вполне допустимо, что какие-то черты юного Храповицкого были вплетены создателем «Братьев Карамазовых» в образ Алеши, который, по точному и глубокому замечанию одного из советских литературоведов, должен был объединить мысль, как религиозную веру, с действительным, как выражением этой веры.

Скоропостижная смерть в начале 1881 года оборвала жизнь писателя. А для одного из возможных прообразов младшего Карамазова, Алеши, только еще началось долготнее жизненное плавание...

Честолюбивые мечтания юности сбывались, как в счастливой сказке: Антоний сделал блестящую духовную карьеру. В 24 года — магистр богословия, в 26 — архимандрит, ректор духовных академий — Петербургской, Московской, а пять лет спустя — и Казанской. «Анна на шее» — орден святой Анны II степени. В 34 года — епископ.

Как и всякого православного епископа, преосвященного Антония перемещали с одной архиерейской кафедры на другую высочайшие указы, подписанные российским императором. Был он в Казани, был в Уфе, а с 1902 года занял архиерейский дом в Житомире, центре одной из наиболее крупных епархий — Волынской.

Как и всякий православный епископ, преосвященный Антоний сочинял ре-

лигиозные проповеди и трактаты, которые к 1911 году составили уже три объемистых тома. Сочинения Антония были изданы, автор получил степень доктора богословия.

...Сотни православных монастырей и скитов в то время соперничали между собой в жанре черносотенных проповедей, погромных призывов, верноподданнических клятв. Но Почаевская лавра, ведома волынским архиереем, выделялась даже на таком фоне. В стенах ее подвизались личности поистине знаменитые. Чего стоит, к примеру, иеромонах Илиодор — духовный воспитанник ученого богослова! Тот самый Илиодор, который стал закадычным дружкой, а потом — заклятым врагом Григория Распутина.

Вот отрывок из бесчисленных проповедей Илиодора, публиковавшихся в лаврской газете:

«Нисколько не смущаясь, но призывая во свидетели Бога и Христа моего, громко говорю: разбойников нужно вешать, изменников нужно вешать, газетных еврейских и русских лживых писак нужно вешать... Вешать, вешать и без конца вешать!»⁶

Ну, а как распознать «разбойников», «изменников», «лживых писак» и других врагов веры православной и самодержавного царя-батюшки? Практический совет давал сам волынский владыка. В одном из посланий он рекомендовал такой способ: «Чтобы узнать таких людей, попросите перекреститься, поцеловать св. икону и почитать «Достоинство есть» или просто сказать с благоговением: «Пресвятая Богородице, спаси нас». Не сделают они этого, и спешите показать им на двери и читайте им вслед молитву: «Господи, оружие на диавола крест Твой дал еси нам, трепещет бо и трясется не терпя взирати на силу его»⁷.

Но тайне Антоний тяготился тем, что нельзя развернуться вовсю, что приходится ограничиваться одним лишь «архипастырским словом». Уже после Октябрьской революции была обнаружена переписка Антония с его другом и единомышленником, юристом и литератором Б. Никольским — таким же ярким монархистом и черносотенцем. Вот что писал ему волынский архиерей в разгар Первой русской революции — 21 ноября 1905 года:

«Нет, не союзы русских людей на литературном и т.п. поприщах могут остановить революцию, а диктатура Государя, военное положение везде, закрытие редакций и в случае нужды державный призыв всего населения к вооруженной самозащите и линчированию революционеров. Баня была бы сильная, но зато в один месяц революция была бы сметена с лица земли русской... Иные способы действовали уже запоздали, мне кажется. Как духовное лицо, я не могу, конечно, принимать участие во внутренней войне, не могу поступить в Черную Сотню»⁸.

Даже волынские погромщики кажутся Антонию недостаточно решительными и беспощадными. И он неустанно укрепляет, пестует «чер-

ную сотню». За годы пребывания своего на волынской архиерейской кафедре он создал в этой епархии 107 отделений «Союза русского народа». «Союзники» Волыни избрали его своим почетным членом. Во главе их делегации, со специальным значком на рясе, Антоний ездил в Петербург и был милостиво принят Николаем II¹⁰.

Репутацией самого черносотенного черносотенца Антоний пользовался не только среди революционеров и прогрессивной российской интеллигенции; таковым его считали даже многие церковные деятели. Б. В. Титлинов, доктор церковной истории, профессор столичной духовной академии (ее окончил и Антоний) занимал видное положение в дореволюционном православии; достаточно сказать, что духовная академия избрала его своим делегатом на православный собор 1917—1918 годов. Он называл Антония «неистовым самодержавцем» и «самым рьяным реакционером».

«Под покровом черносотенных архиереев», — писал Б. В. Титлинов в книге, вышедшей уже в советские годы, — свивались черные гнезда монархических организаций и монархической пропаганды, как, например, в Почаевской Лавре у Антония волынского»¹¹.

В. И. Ленин назвал волынского архиерея «владыкой» черносотенных изуверов (Полн. собр. соч., т. 19, с. 55). В декабре 1909 года Владимир Ильич написал статью о только что вышедшем сборнике «Вехи»: «Вехи» — сплошной поток реакционных помоев, вылитых на демократию... Понятно, что Антоний Волынский пришел в восторг от этого произведения вождя либерализма» (т. 19, с. 173).

Надо заметить, что и сам Антоний аттестовал себя откровенным реакционером. Сразу же после опубликования царского манифеста 17 октября 1905 года он писал другу — Киевскому митрополиту Флавиану: «Сегодня я перед панихидой за Александра III говорил ультра-реакционную проповедь...»¹²

⁴ «Былое», 1923, № 21, с. 158.

⁵ По словам В. А. Поссе, Илья Ефимович Репин, прослушав одну из таких лекций, недоуменно пожал плечами: «Не понимаю, почему восторгаются Антонием Храповицким. Чиновник в рясе и больше ничего» (Поссе В. А. Пережитое и продуманное, с. 51).

⁶ Цит. по: Современные вопросы, сб. 1. М., 1907, с. 15.

⁷ Цит. по: Народно-социалистическое обозрение, сб. IX, СПб., 1906, с. 59—60.

⁸ Линчевание (суд Линча) — расправа без суда и следствия, которую в США учиняли над неграми; названа по имени американского расиста Ч. Линча.

⁹ «Былое», 1923, № 21, с. 167—168.

¹⁰ См.: Дмитриев А. Церковь и идея самодержавия в России. М., 1930, с. 220.

¹¹ Титлинов Б. В. Православие на службе самодержавия в русском государстве. Л., 1924, с. 186, 205.

¹² «Красный архив», том 6 (31). М.-Л., 1928, с. 207.

Каждым своим архипастырским словом преосвященный Антоний самым наглядным образом подтверждал правоту марксистских взглядов на классовую сущность религии и церкви. Взять хотя бы такие его призывы:

«Братия, не слушайте безумцев и лжецов, которые уверяют вас, будто возможно устроить на земле такие порядки, когда не будет бедных... Грешен перед богом бедняк, исполненный зависти и ненависти к богатым и ропота на бога... Нас Бог не для счастья послал на землю... Тех, кто не верует в бога, не слушайте и гоните от своих жилищ, чтобы они не развратили ваших ближних и детей ваших... Бог в 10 заповедях не велел пожелать себе дома ближнего, ни села его, ни вола его... а они научают жечь и грабить чужое достояние»¹³.

Наступил 1917 год. Архиепископ Антоний, уже почти три года занимавший харьковскую кафедру, активно включился в подготовку церковного собора, который должен был восстановить патриаршество и избрать патриарха¹⁴. Разумеется, в этом сане Антоний и представить себе не мог кого-то другого, кроме самого себя. Мечта всей жизни вдруг реально обозначилась на жизненном горизонте.

Обстоятельства складывались и события развивались, казалось, самым благоприятным образом. 53-летний Антоний дружно избран в «товарищи председателя», популярность его несомненна; более того, как божий день ясно, что он — самая популярная фигура, беспорный фаворит, не имеющий серьезных соперников в состязании за патриарший престол.

Но — на беду высокопреосвященного Антония — соборные мужи надумали избрать патриарха по жребию из трех наиболее влиятельных претендентов. Антоний, конечно, самый реальный претендент в этой тройке, но... жребий есть жребий.

И жизнь подтвердила самые худшие опасения, оправдала самые мрачные предчувствия Антония: рука монаха-затворника, выдвинутого церковным собором на роль «руки всевышнего», вытащила из опечатанного ковчежца записку с именем московского митрополита Тихона.

Все рухнуло у столбового дворянина Алексея Храповицкого в один миг! Вся жизнь пошла прахом! И слабым утешением был сан митрополита, дарованный ему вскоре после этого новоизбранным патриархом.

А даруй «рука всевышнего» иной жребий — можно представить, куда завел бы церковный корабль такой кормчий...

Надо отдать должное митрополиту Антонию: как бы круто ни поворачивал поток исторических событий, он всегда сохранял за собой своеобразное первенство, не изменяя при этом

самому себе. Был главным реакционером и черносотенцем среди православного епископата в дореволюционное время, стал главным церковным контрреволюционером в семнадцатом году и в годы гражданской войны и, наконец, — главным вдохновителем белоэмигрантов в их ненависти и в их борьбе против советского государства.

Ради сокрушения большевиков митрополит Антоний с готовностью «забыл» свою русификаторскую, великодержавную политику на дореволюционной Украине и протянул руку (для союза и лобызания) пресловутому гетману Скоропадскому, утвердившемуся на кайзеровских оккупационных штыках. Опереточный гетман не замедлил ответить на приветственное послание Антония:

«Ваше Высокопреосвященство, владыка Антоний... Приняв во внимание Вашу преданность нынешнему государственному строю на Украине, засвидетельствованную в письме Вашем ко мне, уведомляю Вас, что с 25 сего июня как глава государства украинского, признаю Вас митрополитом Киевским и Галицким»¹⁵.

Когда этот гетман политической судьбой оправдал вскоре свою фамилию, владыка Антоний стал искать более сильных союзников в борьбе с рабоче-крестьянской властью. Генерал Деникин вернул ему харьковскую архиепископскую кафедру и благословил на «временное патриаршество»: Антоний возглавил «Временное высшее церковное управление».

Однако разбит Деникин, вышвырнут за Черное море преемник его Врангель — и Антонию пришлось перебраться в Сербию, в нахлебники к тамошнему патриарху.

Но он не складывает оружия. Ровно через год после разгрома врангелевских армий в Крыму он созывает в Сербии «всезаграничный русский церковный собор».

К северо-западу от Белграда, на правом дунайском берегу, у подножья невысоких гор приютились Сремски-Карловци — резиденция сербского православного патриарха. Сюда съехались, как писала эсеровская газета «Общее дело» 11 ноября 1921 года, «откровенные члены блаженной памяти «Союза русского народа» и царедворцы не у дел». Съехались со всех сторон: из Берлина и Праги, Стамбула и Парижа, Софии и Женевы. Верховодил митрополит Антоний.

Карловацкий собор обратился к «чадам русской православной церкви, в России и в изгнании сущим» с воззванием, составленным, конечно, при самом непосредственном участии митрополита.

«Карающая десница Господня простерта над нами. И ныне пусть неусыпно пламенеет молитва наша ко Господу, да осенит Он сердце народное, да вернет на Всероссийский престол Помазанника, сильного

любовию народа, законного Православного Царя из Дома Романовых».

Даже многие белоэмигранты, которые и во сне видели крушение советской власти, были покороблены такими откровенно монархическими призывами. Например, упомянутая уже газета «Общее дело» вынуждена была горестно признать:

«Крик боли и скорби невольно вырывается из души при чтении этого послания... церковь без тени сомнения, без признака колебания, без страха соблазна сделали орудием политической борьбы!»¹⁶.

Минуло десять лет... Весной 1931 года Горький в статье «Ответ интеллигенту» писал о митрополите Антонии, который к тому времени уже почти целое десятилетие возглавлял «Временный священный архиерейский синод»:

«Если вы желаете иметь точное представление о том, до какой степени озверела русская эмиграция, прочитайте воззвание о сборе пожертвований для борьбы против народа Союза Советов, напечатанное в парижском органе эмигрантов-монархистов «Возрождение».

Возглавляет эту подлейшую затею «его блаженство митрополит Антоний, председатель архиерейского Синода православной церкви за границей России». Вот подлинные слова этого изувера:

Властью, данной мне от Бога, благословляю всякое оружие, против красной сатанинской власти подымаемое, и отпускаю грехи всем, кто в рядах повстанческих дружин или одиночником народным мстителем сложит голову за русское и Христово дело. Первее же всего благословляю всякое оружие и боевую работу Всенародного братства русской правды, которое уже немало лет словом и делом ведет упорную борьбу против красного сатаны во имя Бога и России. Милость господня да почует над каждым, кто вступит в братские ряды либо придет на помощь братству.

Митрополит Антоний совершенно ясно, что митрополит, вождь христианской церкви, благословляет насилие над волею народа и террористические акты. Не кажется ли вам, что такие воззвания, такое благословение убийств церковником, очевидно, обозначением до идиотизма, не совсем уместны в столице «культурного государства»¹⁷.

«Правда» и «Известия» с горьковской статьёй вышли 21-го и 22-го мая 1931 года. Митрополиту Антонию оставалось еще пять лет жизни. За это время и на его родине, и в Европе, и во всем мире свершилось немало событий. Но Антоний не менялся. Он оставался тем же фанатичным контрреволюционером и монархистом. Таким и сошел в могилу, не дожив года до 20-летия Октябрьской революции.

¹³ Цит. по: Кандидов Б. Церковь и 1905 г. М., 1926, с. 30 — 31.

¹⁴ Всероссийскому церковному собору 1917 — 1918 годов посвящена в нашем журнале статья А. Шамаро «На переломе» (1987, № 11, 12). (П р и м. р е д.)

¹⁵ Цит. по: «Безвирник», 1932, № 5 — 6, с. 15.

¹⁶ Цит. по газете «Общее дело» (Париж), 11 декабря 1921 г.

¹⁷ Горький А. М. Собр. соч. в 30-ти томах, т. 26. М., 1953, с. 31 — 32.

ХРИСТИАНСТВО— ВЕК ТРИНАДЦАТЫЙ

С. АВЕРИНЦЕВ,
член-корреспондент АН СССР

XIII веку принадлежит особое место в церковном конфликте Востока и Запада.

Конечно, еще в июле 1054 года папские легаты во главе с кардиналом Гумбертом и константинопольский патриарх Михаил Кирулярий взаимно предали друг друга анафеме. Но тогда было еще не совсем ясно, что это и есть «разделение церквей», как эта дата значится в наших хронологических таблицах. Событие не было беспрецедентным. Так уже бывало — например, когда в 60-е годы IX века Рим объявил константинопольского патриарха низложенным, а поместный собор византийской церкви анафематствовал папу Николая I, — а потом восстанавливались прежние отношения. На этот раз дела пошли иначе.

Подъем христианской культуры, характерный для XI века, идет на Востоке и на Западе путями дифференциации. Для Византии это время виднейших мистиков Симеона Нового Богослова и Никиты Стифата, подготавливавших расцвет исихазма*; новую характерность и выразительность приобретает фигура «старца» в православном смысле, известная читателю по образу Зосимы из «Братьев Карамазовых» Достоевского. Для Запада это время властного реорганизатора католической церкви Григория VII, время первых успехов схоластической философии и романской архитектуры; это век «Песни о Роланде» и 1-го Крестового похода. Православие становится более православным, католицизм — более католическим: пути расходятся.

Не всюду, не на каждом шагу спор двух епископских кафедр — Рима и «Нового Рима» — Константинополя — воспринимается как расхождение двух вер. В продолжение домонгольской эпохи русские князья входят в круг христианских государей Европы; династические браки с западными царствующими домами обычны.

Но весной 1204 года произошли события, на долгие века изменившие весь стиль отношений между восточным и западным христианством. Рыцари 4-го Крестового похода, в роковой час призванные на помощь одним из претендентов на византийский престол и подталкиваемые венецианской дипломатией, штурмом взяли неприступный до того Константинополь и безжалостно разграбили его, не уважая никаких святынь, а затем сделали столицей своего собственного государства, которое сами они называли Романией, а мы называем Латинской империей. В соборе святой Софии, одном из самых святых мест вселенского христианства, тоже ставшем жертвой бесчинств, венецианцы поспешили затем поставить одного из своих клириков «латинским», то есть католическим, патриархом Константинополя.

В том, что папа Иннокентий III резко порицал рыцарей за совершенные ими жестокости и кощунства, не стоит видеть лицемерие: он был слишком хорошим политиком, чтобы не понимать, какой вред нанесен на всем православном Востоке репутации Запада, а косвенно — Рима. Он кое-что сделал, чтобы смягчить отношение новопоставленного «латинского» патриарха к греческому духовенству, к православному богослужению. И все же он не мог не приветствовать того, что Константинополь, главный очаг духовного сопротивления Риму, так неожиданно пал к его ногам, не мог не видеть в этом приговор небес.

То, что казалось в Риме воссоединением греческой церкви с римской, было унижением греков — и унижением временным. Латинская империя просуществовала недолго, но оставила долговечную психологическую травму, последствия которой, в сущности, действуют до сих пор. То, что было фактом богословской дискуссии, фактом церковной политики, стало фактом народного сознания. И когда в 1274 году, уже после изгнания завоевателей из Константинополя, на соборе в Лионе было принято официальное решение о соединении церквей, за которое был император, народ его не принял. Вся история Византии до самых последних месяцев ее существования наполнена спором между императорами, стоявшими за унию, ибо они искали на Западе союзников в борьбе с исламом, и простыми людьми, для которых латиняне были и оставались оскорбителями их веры — насильниками времен Романии, времен 1204 года.

Другим, еще более важным событием XIII века стало монгольское нашествие. Оставляя за собой сожженные русские города, орды движутся дальше на запад, сокрушая за венгерским ополчением немецко-польское, при Легнице. Потом они вернулись; для Руси монгольское иго надолго оставалось реальностью, для Запада — не более чем отдаленной опасностью. Дело осложнялось тем, что монголы были язычниками, которым предстояло принять какую-то из религий высшего типа; вопрос — какую именно! Одно время они склонялись к христианству, которое узнали прежде всего в несторианской форме. Поэтому для католиков они были объектом миссионерских усилий, и даже для православных русских — жестокими поработителями, но не гонителями веры. Прошло время, пока они избрали ислам, но и тогда не стали фанатиками. А в это время чаши весов колебались. Не станут ли монголы, крестившись, желанными союзниками крестоносцев! С другой стороны, пока они идут на христианские земли как враги, Риму представляется возможность призвать эти земли к единству перед лицом монгольской опасности и под своим покровительством.

Все эти обстоятельство побуждают пап вновь и вновь обращать свои взгляды на Русь. Теперь, когда Константинополь склонился перед Римом, почему же русская церковь, сравнительно молодая («вы, выйдя в путь позже товарищей ваших», — говорит Иннокентий III) и духовно зависимая от Византии, не сливается с католическим единством! «Разве не кажется вам бессмысленным, когда часть не связана со своим целым, и отдельное не согласовано с общим!» Это написано в 1207 году — через 3 года после константинопольских событий. А в середине века важнейшим фактором политических перспектив и комбинаций становится монгольская угроза. Таков широкий контекст, в который входят приводимые ниже документы.

Тексты папских посланий, так или иначе связанные с историей Руси, публикуются на русском языке впервые. Историю лучше всего изучать по документам; они говорят сами за себя. Умение вслушиваться в их язык — необходимая часть гуманитарной культуры.

* Исихазм (от греческого «исихия» — покой, безмолвие, отрешенность) — возникшее в Византии этико-аскетическое учение о единении человека с богом.

КАТОЛИЧЕСТВО И РУСЬ

Папские послания русским князьям и духовенству Прибалтики в XIII веке

Для Руси начало XIII века — особенно трудное время. Постоянно приходится отстаивать свои владения от южных, западных и северных соседей — половцев, поляков, шведов, которые помимо открытых набегов часто включаются в княжеские усобицы и пытаются возвести своих ставленников на княжеский престол. С Востока угрожают монголо-татары, в Прибалтике также изменилось соотношение сил. Немецкие крестоносцы при поддержке папы Иннокентия III и под предводительством бременского каноника Альберта Буксгевдена захватили устье Двины, где основали в 1201 году город Ригу. Альберт (с 1199 г. епископ пивонский) учредил в 1202 году Орден рыцарей-меченосцев. К 1207 году, по свидетельству Генриха Латвийского, вся Ливония была крещена и папа уже закрепил официальное разделение, по которому третья часть земель доставалась рыцарям-меченосцам. Феодалы-завоеватели строили замки на покоренных землях, подчиняя себе местное население, возводили города, которые постепенно взяли в свои руки посредническую торговлю. Немецкий историк Э. Винтер пишет об этом: «Подобно тому как Латинская империя преградила Руси путь на юге, на севере, на балтийском берегу, блокировался также жизненно важный для Руси путь, артерия Руси — «путь из варяг в греки». Таким образом Русь оказалась и с севера и с юга вдалеке

простирающихся клещях, и подъем ее задержался на длительное время».

Только с начала XIII века переписка пап с правителями русских княжеств и прибалтийских земель становится регулярной. Трудно сказать, что в большей степени способствовало установлению дипломатических отношений: падение ли Византийской империи, после которого Русь стала оплотом православия и основной христианской силой, противостоящей Западу, или же утверждение крестоносцев в Прибалтике, в результате чего ряд областей там оказался непосредственно подчиненным папскому престолу. Впоследствии же важнейшим поводом, вызвавшим поток папских энциклик, стала агрессия монголо-татар.

Как содержание, так и форма папских посланий требуют некоторых пояснений. Прежде всего, неверно было бы видеть в них пичную переписку папы с тем или иным русским князем или духовным лицом. Все публикуемые энциклики — это подписанные папой документы его канцелярии. Кстати, слово «энциклика» образовано от корня со значением «круг», как и у современного слова циркуляр, и достаточно близко к нему стилистически. Составлялись эти бумаги кардинапами, сотрудниками папской канцелярии, поэтому язык каждого послания отражает не столько черты индивидуального стиля, сколько языковые нормы канцелярии в XIII веке.

Нередко все папские документы называют буллами, на самом же деле послания пап в зависимости от их значимости подразделяются на буллы и бреве (от лат. breve — краткое). Перые запечатывались специальной свинцовой печатью — буплой, от которой и получили свое название.

Настоящая публикация включает папские послания из сборника «Акты исторические, относящиеся к России, извлеченные из иностранных архивов и библиотек А. И. Тургеневым», т. 1. СПб., 1841.

Первый из публикуемых документов (мы дали его в сокращении, как и некоторые последующие) свидетельствует о попытках курии заключить унию с восточной церковью. Текст обращения не содержит и начинается словами «Послание папы Иннокентия III». В своих переговорах с русскими в дальнейшем папы обращались к конкретным лицам, и отсутствие адресата в данном случае может рассматриваться как указание на то, что никакой предыстории у этого документа нет. Никто на Руси папскую политику не проводил и не поддерживал. Попытка курии установить свое влияние, даже сопровождавшаяся посыпкой специального папского упоминенного — легата, видимо, не увенчалась успехом, иначе не пришлось бы спустя двадцать лет отправлять подобное послание «всем русским правителям».

Послание папы Иннокентия III

Хоть до сих пор вы были удалены от груди матери вашей, словно чужие дети, мы, кто богом, пусть незаслуженно, поставлены пастырем, чтобы дать знание народу своему, не можем избыть отцовскую любовь и не постараться здоровыми побуждениями и наставлениями привести вас как члены под главу, чтобы Ефрем возвратился в Иудею и Самария в Иерусалим. О, если бы вы пожелали понять, быть разумными и предвидеть будущее, то есть, отвратив мрак от своего разума, вернулись на стезю (истинную) с бездорожья, вы, выйдя много позже товарищей ваших, упорно уклонялись от руководства того, кого спаситель наш сделал главой вселенской церкви...

Итак, коль скоро единство церкви подтверждается бесчисленными свидетельствами писания, не знать которые вам и не приличествует и не приносит пользы, поскольку мы, пусть незаслуженно, являемся преемниками того, кому Господь приказал пасти овец своих, не удивительно, что мы пытаемся заблудших овец вернуть в овчарню, чтобы как один пастух, так и одни были ясли, что всеми силами стараемся не допустить расчленения тела

церкви, если бы удалось какой-либо части от него отделиться.

Чтобы не говорить о прочем сейчас, когда греческая империя и церковь почти целиком возвратились к подчинению апостолу престола и смиренно выполняют его поручения и повинуются приказам, разве не кажется вам бессмысленным, когда часть не связана со своим целым и отдельное не согласовано с общим? Кроме того, нельзя знать, не будешь ли ты за свою строптивость и непокорность отдан на разграбление и опустошение, чтобы страдания наконец придали тебе разума и ты познал в несчастье того, кого отверг в благополучии. А посему, дражайшие братья и сыны, если мы хотим достойно исполнять возложенный на нас пастырский долг, насколько позволяет человеческая слабость, то должны привести вас к тому, что даст вам избежать временного ущерба и вечного проклятия: в области ваши считаем нужным назначить возлюбленного сына нашего Г. в звании Sfi Vitalis кардинала-пресвитера, человека благородного происхождения, наделенного знанием наук, мужа прославленного и мудрого, и благодаря его выдающимся заслугам нам и братьям нашим дорогого и угодного, чтобы он привел дочку к матери и члены к главе, поскольку ему дана будет власть искоренять и разрушать, строить

и насаждать то, что найдет нужным в ваших областях искоренить и разрушить, возвестить и насадить.

Посему настойчиво призываем все сообщество ваше и побуждаем во Господе, предупреждая и поручая апостолу посланием, чтобы вышеуказанного кардинала вы приняли почтительно и преданно как легата апостолу престола, занимающего значительное место в церкви божьей и даже человека, в чьем лице вы принимаете нас. Прислушайтесь, склонив разум, к его спасительным наставлениям и советам и то, что он сочтет нужным среди вас установить, как преданные сыны примите неукоснительно и соблюдайте... Дано в Витербо, в ноны октября, X год (нашего) понтификата (17 октября 1207 г.).

Преемник Иннокентия III папа Гonorий III (1216—1227) продолжал его линию политического давления на русских. Он отправил судьям в Ливонии предписание заставлять русских соблюдать латинские обряды, то есть обращать их в католичество. При этом православие рассматривается как «древнее зло» и «соблазн для неопитов». Примечательно в этом послании свидетельство об исконных связях Руси с народами Прибалтики, а также влияние православной церкви в этих землях еще до и в начальный период утверждения там католичества.

Гонорий III судьям в Ливонии

От достопочтенного брата нашего епископа ливонской церкви стало нам известно, что некоторые русские переселяются в Ливонию и, следуя греческим обрядам, проклинают латинское крещение как некую скверну, праздники и установленные посты не соблюдают, расторгают браки между неопитами. Итак — если не будет обуздана оных дерзость, дабы не разжигался раскол греческий и не показалось, что мы взращиваем древнее зло, скрывая его, поручаем (вам) обуздать апостольской властью такую непокорность русских, делая это во избежание соблазна для неопитов, чтобы вышеуказанные русские обязывались соблюдать латинские (обряды), ибо ясно, что они отделяются от главы, то есть от римской церкви, пользуясь греческими обрядами. 8 февраля 1222 г.

Встревоженный восстаниями покоренного населения и набегами соседних народов, папа в 1224 году назначает легатом в Ливонию и Пруссию одного из виднейших дипломатов курии — Вильгельма Моденского. Он, очевидно, вел переговоры и с русскими, поскольку в 1228 году подписан мирный договор Пскова с Ригой, в 1229-м — договор Смоленского князя Мстислава Давидовича с Ригой и Готвальдом. В 1226 году активизируется деятельность курии в Ливонии и Эстонии, в том же году Венгрия, союзник курии, претендует на Галич. А на юге завязываются отношения с половцами, которые привели к установлению в 1229—1241 годах половецкого епископства, подчиненного непосредственно апостольскому престолу. В таких условиях Гонорий III усиливает дипломатический нажим на русских князей, отправляя им послание, полное как неопределенных, так и вполне конкретных угроз. В тексте упоминаются какие-то послы, отправленные русскими к папскому легату. Другие источники сведений об этом не дают, но можно предположить, что князья действительно пытались завязать мирные переговоры с Ригой, поскольку в последующие годы подписано два договора. Однако в папском послании они предстают как просьба об унии и готовность перейти в католичество. С такой интерпретацией дипломатической акции русских князей грудно согласиться, учитывая предыдущий и последующие безуспешные призывы курии к тому, чтобы Русь признала главенство апостольского престола.

Всем королям Руси — приветствие и знак всяческого расположения (шлет) Гонорий III епископ, раб рабов божьих.

Мы радуемся во Господе тому, что, как мы узнали, ваши послы, отправленные к достопочтенному брату нашему епископу Моденскому, легату апостольского престола из наших приближенных, просили его смиренно лично посетить ваши края, ибо стремящиеся получить наставления в здравом учении, вы готовы всецело отречься от всех заблуждений, в которые впади, как говорят, из-за недостатка поведников и за которые во гнев Господь

позволил до сей поры всячески терзать вас, обреченных еще большим тяготам, если с бездорожья заблуждений вы не поспешите на стезю истины. Ибо чем дальше будете вы коснеть в заблуждении, тем более тяжких бедствий можете опасаться, против же тех, кто презрит обращение¹, Господь, пусть по прошествии времени, обратит все же наконец меч возмездия.

Таким образом, желая при вашем посредстве удостовериться, хотите ли вы иметь легата римской церкви, чтобы просвещенные его спасительными наставлениями вы объяли истину католической веры, без которой никто не может спастись, мы просим, увещеваем и настоятельно побуждаем вас всех, чтобы вы сообщили нам свою волю письмом через верных послов.

Тем временем, сохраняя с христианами Ливонии и Эстонии прочный мир, не препятствуйте распространению веры христианской, дабы не навлечь на себя немилость божью и апостольского престола, который легко сможет, когда пожелает, покарать вас; но лучше в щедрости божьей непритворным повиновением и следованием благой набожности заслужите благорасположение и покровительство обоих. 17 января 1227 г.

В апреле 1227 года папа Гонорий III умер, его сменил Григорий IX, одержимый идеей мирового господства. Он сразу же обратил внимание на Прибалтику и занял открыто враждебную позицию по отношению к русским. Под его руководством была организована в 1229 году торговая блокада Новгорода. Он разослал пять булл в Линчепинг, Готланд, Ригу, Дюнамюнде и Любек, под угрозой церковного наказания запретив продавать русским железо или оружие. Такие же меры предпринимались против арабов Передней Азии во время крестовых походов.

В 1230 году в Прибалтику прибыл вице-легат курии Балдуин Альнский, в 1232 году он получил полномочия легата вместо епископа Моденского. Балдуин был назначен епископом Земгальским. Ему предписывалось не допускать перемирия с русскими.

Епископу Земгальскому, легату апостольского престола Григорий IX епископ, раб рабов божьих.

Властью присутствующих поручаем тебе как брату, чтобы ты поспешил строго удерживать всех верных Христу, находящихся в пределах твоего легатства, от заключения мира или перемирия с язычниками или русскими при уплате некоторого чинша во время твоего легатства без твоего согласия. Нарушителей же, находящихся в пределах твоего легатства, обуздай, если будет нужно, церковным наказанием, с правом отложить апелляцию. 3 февраля 1232 г.

Наряду с этими действиями папа Григорий IX предпринимает очередную попытку унии с Русью и для этого завязывает переговоры с великим князем владимирским Юрием Всеволодовичем. Этот князь играл важную роль как во внешней, так и во внутренней политике Древней

Руси. Заручиться его поддержкой было бы очень выгодно для курии. И вот в июле 1231 года папа обращается к «Георгию, сиятельному королю Руси» с увещеваниями. Тон послания значительно мягче, чем в предшествующих предложениях унии, никаких угроз — только «благие пожелания». Однако никакими иными источниками не подтверждается, что русский князь действительно хотел «прийти к преданности и повиновению» римской курии.

Георгию, сиятельному королю Руси, Григорий епископ, раб рабов божьих.

Поскольку мы утверждены наместником бога, хоть и не достойны того наши заслуги, преданных ему мы окружаем искренней милостью (и) по праву желаем, чтобы ты, следуя (твоим) предшественникам в благодарности к Спасителю, коего познав, почитаешь и любишь честно и искренне (мы на это воистину полагаемся), также неизменно стремился быть привержен к нему и верно и усердно соблюдать его непророчный закон, обращающий души.

...Отторженным от стада Господнего и чуждым ему является тот, кто презрел подчинение и смиренное повиновение наместнику Христа, преемнику блаженного Петра, который облечен полнотой власти... ибо заслуженно считаются заблудшими те, кто придерживаются о нем противоположного мнения и строптиво пытаются уклониться от повиновения ему.

Посему, когда от достопочтенного брата нашего епископа прусского мы узнали, что ты правитель-христианин, но соблюдая греческие и русские обряды и обычаи, заставляешь и других в твоём королевстве (их) соблюдать; вдохновленный однако же божественным благоволением, хочешь прийти к преданности и повиновению апостольскому престолу и нам, мы, с глубоким сочувствием желая спасения твоей души, твоего успеха, благоденствия и почета, увещеваем и побуждаем твою светлость во Господе, чтобы не отказался почитательно воспринять спасительное учение, благочестиво исполняя и соблюдал бы обряды и обычаи христиан латинских, себя и царство свое во имя любви к Христу подчинив сладостному правлению римской церкви, матери всех верных, которая намеревается считать тебя большим правителем в церкви господней и возлюбить как сына особо.

Более щедрым почувствуешь ты тогда благорасположение к себе апостольского престола и наше, если, покинув путь заблуждений, вступишь на указанную тебе стезю истины, мы же тебе и царству твоему создадим действенную защиту благосклонной милости. 18 июля 1231 г.

Соглашения посредством этого дипломатического шага достигнуто не было, и отношения папства с Русью оставались враждебными.

Приведенные выше документы еще не отражают влияния монгольской угрозы на европейскую политику в XIII веке. Битва на

¹ В истинную веру.

Калке не отозвалась никакими решительными действиями папы. Лишь в 1238 году Григорий IX отказался от попыток мирным путем установить католичество на Руси и оформил немецко-датскую коалицию для нападения на северо-запад русских земель. Вначале туда направил свой удар шведский король Эрик Эрикссон. При войске находились и епископы-католики. В июле 1240 года оно было разбито на Неве новгородским князем Александром Ярославичем, с этих пор Невским. А в апреле 1242 года наступление союзников — ордена и Дании — на Псков и Новгород потерпело сокрушительное поражение на льду Чудского озера.

Осознав неприступность Руси для крестоносцев и оценив опасность монголо-

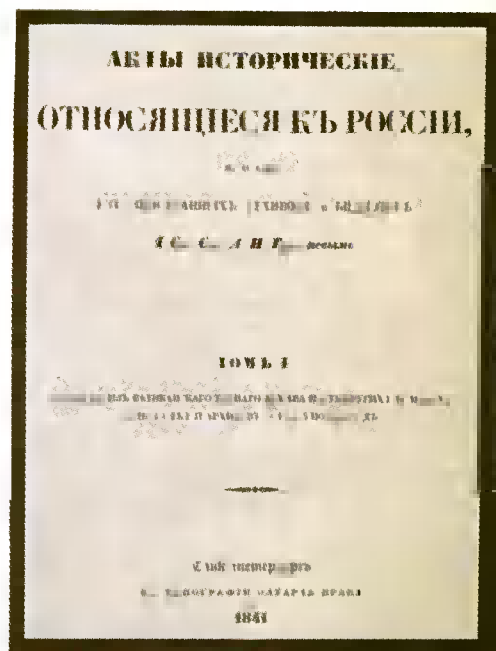
советов папского легата, Даниил решил извлечь иную пользу из унии с католичеством: обезопасить свои западные границы. Галицко-волинский князь преуспел в своих намерениях: папа «возвратил» ему его владения, захваченные другими королями, то есть разрешил их отвоевывать, и запретил крестоносцам и другим духовным лицам приобретать имения в его областях. А в 1256 году Даниил уже нарушил клятвы апостолу престола, на что и отозвался новый папа Александр IV посланием, полным упреков. Так бесславно завершились попытки уста-

твоей души, оскорбление самое веры, презрение к оной церкви и поношение Иисусу Христу. По коему поводу мы тем более печалимся, чем пламеннее всеми силами своей души жаждем, чтобы соблюдение католической веры постоянно распространялось далее и шире по всему миру и с божьей помощью возрастало.

Таким образом мы стремимся апостольскими увещаниями побудить тебя к этому и отеческими наставлениями призвать тебя к истине, каковая есть Христос. Надеемся, что ты поймешь, как тяжко согрешил против бога и его церкви, соответственно раскаешься и сам приложишь усилия, чтобы исправить ошибку.

● Сборник документов, подготовленный А. И. Тургеневым. Титульные листы и экслибрисы графа Шереметева.

татарского нашествия, новый папа Иннокентий IV меняет тактическую линию и настойчиво завязывает отношения с русскими правителями. Он видит в них возможных союзников против монголо-татар. Отправив послания с предложением унии и союза против монголо-татар Даниилу Галицкому, Васильку Владимировичу и Александру Невскому, папа извещает об этом братьев тевтонского ордена и рассчитывает на то, что русские помогут им по крайней мере тем, что известят об опасности.

Магистру и братьям обители тевтонов, находящимся в Пруссии. Иннокентий епископ, раб рабов божьих.

Так как мы направили свои послания Даниилу, прославленному королю Руси и... его брату, а также благородному мужу Александру князю суздальскому, дабы, если им станет известно, что татарское войско двинулось против христиан, поспешили бы вас об этом известить, чтобы когда это через вас дойдет до нашего сведения, мы могли скорее обдумать, как с божьей помощью оным татарам мужественно противостоять, и поскольку опасностей легче избежать, если оградиться от них щитом предусмотрительности, поручаем вам: лишь только сие вам станет известно, от них или от кого-либо из тех же², постарайтесь нас известить как можно скорее. 24 января 1248 г.

Александр, в то время князь суздальский, вообще не откликнулся на призыв папы. Даниил согласился принять корону от апостолу престола только после обещания помощи против монголо-татар. Однако получив эту помощь лишь в виде

новить власть католической церкви на Руси в XIII веке.

Даниилу, королю Руси, любовь и трепет перед именем бога (шлет) Александр (IV) епископ, раб рабов божьих.

...Ты клятвенно обещал, вдохновленный богом, возвратиться к подчинению римской церкви, повиноваться ей как верный сын и соблюдать веру католическую, как другие правоверные князья мира.

Посему она церковь, желая укрепить себя в преданности к ней соответствующими благодеяниями и облагодетельствовать должными пожалованиями, вознесла тебя на вершину королевского достоинства помазанием священным елеем харизмы и возложением на твою голову королевской короны.

Однако дошла до нашего слуха весть, смутившая сердце, что ты забыл как духовные, так и мирские благодеяния церкви, на такое расположение ответил глубокой неблагодарностью, презрев священную силу принесенной клятвы, не озабочился соблюсти впоследствии то, что обещал касательно подчинения оной церкви и соблюдения вышесказанной (католической) веры, что есть опасность для

мы же считаем необходимым усердно увещевать и побуждать твое величество, доколе не вызовешь в своей памяти (вспоминание) о том, сколь упорно и действительно заботился апостолу престола о твоём возвышении, и полагаем, что не церковь даже, а себя самого ты обманываешь, пагубно нарушая свое обещание в этом отношении. Не замедли отречься от пути погибели, по которому ступаешь, и то, что ты клятвенно обещал касательно соблюдения веры и подчинения оной церкви, позаботься неукоснительно соблюсти так, чтобы мы, ощутив благоухание твоих достойных похвалы деяний, преисполнились вследствие этого великой радости и с большей любовью простерли тебе за твои выдающиеся заслуги сладостные соцы оной церкви, от которых ты прежде изобильно вкусил, принимая множество благодеяний.

В противном случае достопочтенных братьев наших ольмюцкого и вроцлавского епископов посланием нашим обяжем принудить тебя к этому церковным покаянием с запретом апелляции... 13 февраля 1257 г.

Перевод с латинского и комментарии кандидата исторических наук Н. Дараган.

² Русских.

ОСТАЛСЯ НЕРАСКАЯННЫМ...

О. БРУШЛИНСКАЯ

— Как сложилась судьба митрополита Введенского? — спрашивали нас в письмах и по телефону читатели, заинтересовавшиеся публикацией о его диспутах с Луначарским в ноябрьском номере журнала за прошлый год. — Где можно об этом узнать?

В самом деле, где? В Советском энциклопедическом словаре о нем две строки: «Введенский Александр Иванович (1888 — 1946) — идеолог и митрополит русской обновленческой церкви».

По заданию редакции ищу материалы об этом человеке, который прославился в 20-е годы как страстный защитник христианской доктрины, искусный полемист, обладавший редкостным ораторским даром. Диспуты о религии с его участием собирали тысячи аудитории. Тому есть немало свидетельств. И мне казалось, что имя такого человека должно быть популярным в религиозной среде. Но когда я обратилась с вопросом о митрополите Введенском к православному священнику, он ответил с явной неприязнью:

— Православная церковь такого митрополита не знает. Его рукоположение в епископский сан произошло неканонично. Был протоиерей Введенский, он совершил тяжкий грех перед церковью и умер нераскаянным, упорствуя в своем заблуждении.

— В чем же его грех? Он и среди атеистов известен тем, что словом своим немало колеблющихся удерживал в «церковной оgrade».

— Да ведь он — обновленец, разве вам это неизвестно?

Это мне, конечно, известно. Но вот такая непримиримость была для меня неожиданной. В устах моего собеседника «обновленец» звучало примерно как «антихрист».

Чтобы ответить на вопрос, как сложилась жизнь митрополита, надо было обратиться к обновленчеству

в русской православной церкви, ибо судьба А. И. Введенского определилась главным образом судьбами этого церковного движения. Он был одним из его идеологов и организаторов.

Что привело А. И. Введенского на религиозное поприще, за недостатком сведений о том периоде его жизни, когда совершался выбор пути, судить трудно. Он воспитывался в светской семье. Отец его был директором Витебской гимназии, мать — высокообразованная русская аристократка. Введенский прошел курс Петербургского университета по философии, получил музыкальное образование в столичной консерватории. Но делом жизни избрал церковное служение. Окончил Петербургскую духовную академию.

Октябрьская революция застала его протоиереем, настоятелем церкви Захарии и Елисаветы в Петрограде. Рушились все прежние системы в стране, резко обозначился и кризис православной церкви. Главным для нее стал вопрос об отношении к новой власти. Ситуация, прямо скажем, оказалась сложнейшая. Официальная церковь в России была нераздельна с монархическим государством и верно служила ему, получая взамен немалую плату: и огромные права, и материальные блага.

Могла ли она сразу же признать новую власть, объявившую об отделении церкви от государства, школы — от церкви и тем лишившую православную церковь всех ее привилегий? Возможно, и могла. Но это лишь предположение. А реальная жизнь пошла так, что большинство иерархов церкви объявило войну Советам и фактически оказалось в одном лагере с контрреволюцией.

Выступление против власти, установленной революционным народом, выражающей его чаяния, оказалось, как известно, губительным прежде всего для самой церкви. Говоря об этом, Введенский подчеркивал: «Как будто мы начинаем присутствовать при исполнении жуткого пророчества,

которое знаменитый Эрнест Ренан сказал своему племяннику Гюйо: «Мир идет к неверию, и с каждым десятилетием это неверие будет расти». Когда-то весь мир склонился перед Христом, ибо жаждал обещанной жизни. Теперь мир предъявил христианству счет по фактическому объяснению церковью ее обещаний».

В такой вот драматической для церкви ситуации и заявило о себе обновленчество, выступившее с широкой программой внутрицерковных реформ, а главное — с открытой поддержкой советской власти.

Каковы были мотивы поведения идеологов обновленчества: борьба за лидерство на церковной ниве, личные амбиции, неверное (или верное) понимание исторического момента — судить об этом не наша задача. Исследователи признают, что в ту пору активность лидеров обновленчества, их призывы к рядовым священникам, к пастве отвергнуть патриаршую анафему советской власти, их разъяснения отношения этой власти к религии, несомненно, ослабили церковную контрреволюцию. Но они вели к расколу церкви и потому, в оценке официального православия, стали тяжким грехом. Для Введенского, видимо, тем более тяжким, что он был одним из самых ярких и последовательных вождей обновленчества. Он часто был первым в «неканонических» действиях, другие шли за ним.

Он первый выступил против послания патриарха Тихона (от 28 февраля 1922 года), запрещавшего изъятие церковных ценностей для помощи голодающим. Патриарх предупреждал, что это — акт святотатства, дело неканоническое, тяжкий грех, за учас-

тие в нем «миряне, по канонам церкви, подлежат отлучению от церкви, а священнослужители — извержению от сана». Протоиерей Введенский, собрав прихожан своей церкви, объявляет им о передаче драгоценных предметов из их храма в помощь голодающим, объясняет, сколько хлеба благодаря этому получают умирающие дети... Не без душевного содрогания совершает он то, что Тихон назвал «разорением храма». Но разве церковь может спокойно взирать, как гибнут ее «овцы», как «разоряются жизни христиан»? Введенский совершает «самочинное» действие, первое свое серьезное послушание. Мало того, он разворачивает широкую пропаганду против патриаршего послания, призывает в печати своих «коллег» последовать его примеру. Вскоре 12 крупных петроградских священников делают в газете заявление о своем несогласии с Тихоновским запретом. Число сторонников обновленчества быстро растет.

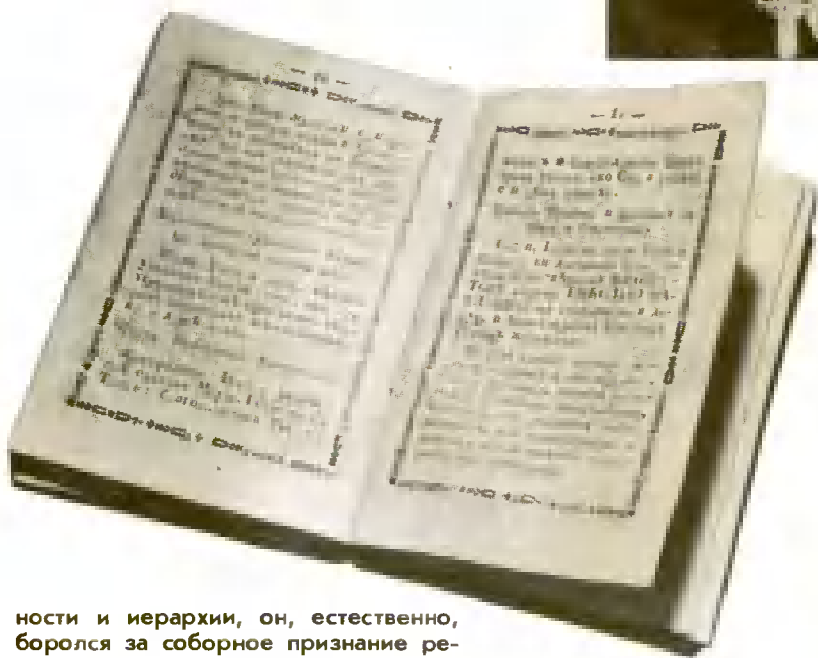
В 1922 году движение оформляется организационно: создается их союз «Живая церковь», избравший свое Высшее церковное управление. Фактически произошел новый церковный раскол. В числе обновленческих лидеров уже 37 православных епископов, среди них — и видный религиозный деятель митрополит Сергей, которому предстояло пройти путь «обновленческого греха», потом принести патриарху покаяние и спустя годы самому стать патриархом всея Руси. Но это — в будущем. А тогда обновленцы добились того, что Тихон устранился от руководства церковью, и готовили поместный собор, второй по их счету.

Протоиерей Введенский трудится дено и ночью — выступает с речами, агитирует, ездит по епархиям. Не во всем согласны между собой руководители «Живой церкви», она вскоре распадается на ряд групп и союзов. Но не о том сейчас речь. Главное для всех обновленцев было тогда — созвать собор. Он открылся 29 апреля 1923 года и продолжался до 9 мая. Введенский — одна из самых заметных на нем фигур. В произнесенной на соборе речи он объяснял, что заставило «Живую церковь» пойти на раскол и просил рассудить, правы ли обновленцы. Он призывает всех подумать и о том — можно ли, следуя патриаршим призывам, объявлять антихристами людей, которые одни на всей земле, полагаясь только на свои силы, пошли против мира капитала, против мира сытых и богатых...

Рассуждая о причинах выступления православных иерархов против советской власти, Введенский напоминает о многолетнем подбострастном и верном служении церкви царизму. «Переверните ваши кресты — восьмиконечные и четырехконечные — и вы прочтете имена императоров Пав-

ла I и Николая II... Возьмите наши богослужебные книги — я не кощунствую, я оскорблен за святую, — и вы увидите в литургии имя Христово и Св. Троицы написаны простым шрифтом, а как только доходит до благочестивейшего, самодержавнейшего, — буквы в священном трепете как-то вдруг расширяются. (Заглянув в «Служебники», «Требники», «Каноники» тех времен, я понял, что имел в виду Введенский: имена царя и членов его семьи, поминаемые в молитвах, выделены в них особо — шрифтом покрупнее и вразрядку.)

Собор был поистине «звездным часом» в жизни А. И. Введенского. Православный священник, воспитанный в понятиях церковной закон-

ности и иерархии, он, естественно, боролся за соборное признание реформаторской программы.

Писатель Э. Л. Миндлин, который в 20-е годы был репортером московских газет и освещал главные события столичной жизни, рассказывает: «Я посещал заседания Второго поместного собора в Москве и диву давался, с каким ораторским, нет, больше того — актерским искусством Введенский отбивал яростные нападки тихоновцев. Противники обвиняли его в карьеризме, в самовольном присвоении высоких санов, в отступничестве. Введенский не оставлял без ответа ни одного из сыплющихся на него обвинений. И какого ответа! Уж не знаю, имела ли русская православная церковь со времен Аввакума подобного мастера русской речи! Ораторское искусство сочеталось в нем с очевидным искусством актера и хитроумного диалектика в споре. От уничтожающих ответов противникам он переходил к демонстрации собственного христианского смирения, от гнева и разоблачения к смирному покаянию»¹.

Второй Всероссийский церковный собор узаконил «белый епископат» — то есть право высших иерархов

церкви обзаводиться семьей; второе брачное духовенства (ортодоксальное православие не позволяет вдовцам священникам вступать во второй брак); разрешил священникам жениться на вдовах и разведенных; принял постановление о ликвидации монастырей. И главное — отменил церковную анафему советской власти, заявил о готовности поддержать ее мероприятия по переустройству жизни.

Эти решения привлекли к обновленцам массы верующих. В 1923 году 70 процентов приходов России приняли объявленную собором программу. Вскоре православная церковь устами своего патриарха назовет этот собор «разбойничьим», «лжесобором». И тем не менее бывший глава «Живой церкви» протопресвитер В. Красницкий свидетельствовал, что в беседе с ним в марте 1924 года Тихон сказал, что политические решения обновленческого собора принимает полностью².

¹ Миндлин Э. Л. Необыкновенные собеседники. М., 1979, с. 252.

² См.: Пляксин Р. Ю. Тихоновщина и ее крах. Л., 1987, с. 200.

Во время работы собора Введенский был посвящен в епископский сан. То, что он был женат, не послужило препятствием к хиротонии, ибо собор уже принял решение о «белом епископате». Документ о посвящении подписан видным православным епископом Николаем Соловьевым.

После собора Введенский, теперь уже митрополит, продолжает активную общественную работу. Он стремится, чтобы церковь «вписалась» в современную жизнь страны, в новые политические структуры: «Пастырю нужно приобщение к современному духу жизни. Нужно приспособляться к общечеловеческой культурности»³. Если дело пойдет иначе, церковь ждет не веселое будущее...

Он хлопочет о создании профсоюза священников, об организации для них касс взаимопомощи, о расширении участия священнослужителей в общественных делах. Планы эти так и остались планами, возможно потому, что намного опережали свое время. Даже от нововведений в богослужении, рассчитанных на привлечение молодежи, пришлось потом отказаться.

1924-й, 25-й, 26-й... Обновленчество достигло своего зенита. Открываются высшие и средние учебные заведения (среди них Московская духовная академия, ректором которой становится Введенский, Ленинградский богословский институт, где он профессорствует, академия в Киеве, семинарии в ряде городов), увеличивается число периодических изданий, успешно управляет все еще многочисленными своими епархиями обновленческий синод. Переживает подъем и митрополит Введенский. Именно в ту пору приобретают широкую популярность его диспуты. Отстаивая свое понимание христианства, он спорит с толстовцами, с тихоновцами, с убежденными атеистами. По большим праздникам он ведет богослужение в кафедральном соборе обновленцев — храме Христа Спасителя; в Ленинграде его проповеди собирают немало народу, в основном это его любимая «публика», которая с пониманием слушает речи о современной науке, «открывающей новые горизонты христианству», для которой не пустой звук имена Пастера, Паскаля, Лессинга, Древиса... Обновленцы вынашивают экуменические планы, расширяются их связи с католиками.

Но с середины 20-х годов начинается и спад влияния обновленчества. В 1924 году возвращается к руководству православной церковью Тихон, заявивший о лояльности церкви к советской власти. Хотя в стране сохраняется церковное «двоевластие» — действуют и патриархия и обновленческий синод, основная масса верующих постепенно возвращается

к традиционному православию. Начали приносить покаяние патриарху и многие обновленческие епископы и священники (среди них — бывший глава «Живой церкви» В. Красницкий).

Процесс отхода духовенства и верующих от обновленчества проходил особенно быстро с начала 30-х годов. Прекращается издание обновленческих журналов, закрываются учебные заведения. К 1935 году резко сократилось число обновленческих приходов и был упразднен синод, замененный скромным управлением епархий.

После того как не стало храма Христа Спасителя, кафедральным собором обновленчества сделалась Долгоруковская церковь в Нововоротниковском переулке вблизи Каляевской улицы. Здесь теперь главным образом и служит митрополит Введенский.

Как складывалась внутренняя жизнь Введенского в период упадка обновленчества? Куда направлялась его незаурядная энергия, когда практически сошло на нет его общественное поприще? Ведь он прожил еще 12 лет.

Среди моих знакомых старшего поколения нашлись такие, кто в 1945 — 1946 годах бывал в Долгоруковской церкви и слушал проповеди некогда знаменитого митрополита. По их отзывам, оратором Введенский оставался великолепным, чувствовался его интерес к современной жизни, его знание — он, например, ссылался на новейшие сведения из американского журнала «Нэйчер» («Природа»). Но народу здесь собиралось куда меньше, чем в других московских храмах. Еще отмечали такую по тем временам необычную деталь: на паперти этой церкви не было нищих. Митрополит ездил в автомобиле иностранной марки, рядом с ним часто видели красивую, хорошо одетую даму.

В общем, сведения о последнем периоде жизни Введенского оставались довольно скудными, и на этом этапе моих поисков материала для ответа читателям в редакции раздался неожиданный звонок.

Дочь А. И. Введенского Ольга Александровна благодарила нас за публикацию в № 11 1987 года и спрашивала, не располагаем ли мы какими-либо документами о ее отце. Дело в том, что архива митрополита в семье нет. После смерти Введенского, бывшего с 1941 года первоиерархом обновленческой церкви, все его бумаги, обширная переписка, многие тома записанных и переплетенных собраний его проповедей, рукописи неопубликованных книг, статей были изъяты. Помнит ли что-то сама Ольга Александровна? Нет, когда отец скончался, ей не было еще и трех лет. А вот ее мать, вдова А. И. Введенского Анна Павловна, прекрасно помнит многое.

Мы беседуем с Анной Павловной в ее небольшой квартире на окраине Москвы. Дом в Сокольниках, где она 12 лет — по ее словам, счастливейших, — прожила с Александром Ивановичем, а потом еще 28 — без него, снесли в 1975 году, ее и троих уже взрослых детей расселили по Москве.

Их встреча с А. И. Введенским произошла весной 1935 года. Ей было 22. В канцелярии Аэрофлота, где она служила, Ано называли прелестной блондинкой. 46-летний митрополит, отец трех сыновей, к тому времени был в разводе с первой супругой. Через несколько дней знакомства с Анной Павловной и их прогулок по Москве он нанес визит ее родителям. Анна Павловна вспоминает, как он пришел к ним с огромным букетом белых роз и богатыми подарками, элегантный, гладко выбритый; как странно было видеть его в их маленькой, скромно обставленной комнате, где жила семья московского полиграфиста. По всем правилам просил ее руки. Выйдя за него замуж, Анна Павловна попала в совершенно неведомый ей мир.

Ее рассказ об этой жизни как бы выводит образ А. И. Введенского за рамки церковной его деятельности.

Дом Введенских, где он жил со своей матерью, был, что называется, открытым. К хлебосольному столу, а главное, к бесконечным разговорам на вечные темы собирались музыканты, литераторы, певцы, художники, актеры. Частым гостем был знаменитый Василий Иванович Качалов, приходили балерина Екатерина Гельцер, режиссер Юрий Завадский, известный диктор Юрий Левитан. Когда вернулся из эмиграции, стал регулярно у них бывать Александр Вертинский, приезжала и его жена, актриса и художница. «У нас бывала вся Москва», — говорит Анна Павловна, — разговоры были исключительно об искусстве, живописи, театре, о концертах, где были накануне, о спектаклях — мы редко пропускали премьеру. О политике не помню чтобы говорили...»

В гостиной стоял большой концертный рояль «Блютнер». Александр Иванович играл профессионально — консерваторию он окончил по классу фортепиано. Приходившие в дом музыканты вслушивались в его интерпретацию Листа, Стравинского, Бетховена — техникой игры многие превосходили его, но в его исполнении была глубокая философская мысль...

С профессором консерватории Григорием Романовичем Гинзбургом они играли в четыре руки, чаще по нотам, старинную музыку, но любили и импровизации, особенно из Листа. Введенский и эту игру превращал

³ «Церковное обновление», 1925, № 11, с. 86.

в спор, состязание, увлекая партнера к новым высотам. Иногда, в редкие вечера, когда народу в доме было мало, в основном обычные гости — два-три бедствующих художника или актера, не имевших своего угла и забывавших обогреться в домашнем уюте, Александр Иванович устраивал сольные концерты. Растворялись окна в сад. Заслышав музыку, собиралась в сад вся округа, люди приносили с собой табуретки, стулья.

Замерла жизнь в доме, когда пришла война. Семья готовилась к эвакуации. Вынимали картины из рам, запаковывали книги. Александр Иванович особенно много писал, чаще произносил проповеди.

В 1942 году он передал в фонд обороны две бывшие его личной собственностью панагии — миниатюрные иконы божьей матери, украшенные золотом и драгоценными камнями. Каждую Госбанк оценил в 500 тысяч золотых рублей. В ответ Введенский получил благодарственное письмо Верховного Главнокомандующего.

В 1943 году патриарх Сергей сформулировал окончательную оценку обновленчества Русской православной церковью: «Основной грех обновленчества состоит не в том, что не все его представители оказались безупречными в жизни, а в том, что обновленчество, как корпорация, или, выражаясь языком канонов, как самочинное сборище, откололось от св. Церкви и «иный алтарь водрузило...» Но и всячески воевало против св. Церкви, стараясь отторгнуть за собой церковных овец. Это — грех, который не омывается, по учению святых отцов, даже мученического кровию⁴. Кровию — не омывается, но покаянием — отпускается. Был составлен особый «чин покаяния» для обновленцев. Тех, кто понял свое заблуждение, отрекся от прежних ошибок, церковь охотно принимала в свою «ограду». Церемония покаяния проходила с большой торжественностью, в переполненных храмах.

По свидетельству бывшего ленинградского митрополита Н. Ф. Платонова, в 1943 — 1944 годах искал сближения с патриаршей церковью и А. И. Введенский. Но ни та, ни другая сторона, видимо, не нашли для этого необходимых условий. Ведь и от Введенского требовалось полное раскаяние, в том числе и отречение от Второго Всероссийского собора, который, согласно «чину покаяния», следовало признать «лжесобором», «разбойничьим сборищем».

Анна Павловна рассказала, что разговоры о покаянии в доме тогда действительно шли. Александр Иванович шутил: «Вот, надо раскаться. А в чем? В «белом епископате»,

Эта фотография взята из книги американской журналистки Маргарет Бурк-Уайт «Снимая русскую войну» (Shooting the Russian War, New York, 1945), которая, будучи в Москве в 1941—1942 гг., навестила А. И. Введенского. Она рассказывает об этом визите: «Его преосвященство с радостью приветствует всякого из внешнего мира, и мы долго беседуем по-французски. Он говорит о своих детях, о коллекции картин... Митрополит украсил свой дом картинами, как филателист размещает марки в своем альбоме. На столиках статуэтки, художественные ножи для разрезания книг, веера из слоновой кости. Порт-

рет митрополита в гражданском платье висит над диваном. Наш хозяин остроумен, разговаривает, любезен.

Когда я навестила его в церкви, он был в центре большой группы женщин, которые умоляли его побережь себя, уверяя, что они постоянно молятся за него. Они сопровождали его домой.

Пока мы пили чай, пока я его фотографировала, в дом приходили люди, приносили пироги, ягоды, вина и т. д. Кто-то просил совета по личным делам — когда продать коров, когда жениться... Он всем отвечал.

например. Тогда надо признать грехом нашу семью, детей». Она пугалась: а вдруг он и вправду раскается. Но он успокаивал жену: «Апостол Петр — первый женатый иерарх христианской церкви. Его образ вдохновил нас на создание «белого епископата». Он говорил: «Совесть моя перед церковью чиста. В чем каяться? Что стремился приблизить церковь к жизни? Ведь Тихон поначалу хотел увести ее от новой власти».

И через 20 лет после того собора Введенский был убежден, что и высшие иерархи не только могут, но и должны иметь семью — только тог-

да они по-настоящему поймут настоящие заботы своей паствы. Ну, возможно, следует богослужение строже ограничить каноническими рамками, вернуть в него церковнославянский — он, конечно, торжественнее. Да и с традициями, правы оппоненты, надо быть бережнее, осторожнее. Тогда, в 20-е годы, многое разрушалось, возможно, и бездумно... Но в том, что происходило в его жизни в 1922-м, в 1923-м, он не раскается никогда.

Незадолго до его кончины Анна Павловна вдруг увидела Александра

Ивановича необычно оживленным. Он сообщил ей, что начинает писать книгу о Ватикане. Когда-то его упрекали в том, что он — тайный поклонник католицизма. Может быть, это пошло с легкой руки Луначарского, который как-то сказал, что митрополит своей высокой образованностью, ораторским блеском, умением широко и современно мыслить более похож на католического священника, чем на православного. К нему тяготели люди из католической среды. Как бы то ни было, известно и другое: Введенский резко осуждал Ватикан за воинствующее неприятие социализма, за объявленный католическим Римом «крестовый поход» против Советской России.

Над книгой он работал недолго; но самозабвенно, напряженно. «В эти дни он был как-то по-особому счастлив», — говорит Анна Павловна. Но когда работа была окончена, быстро выяснилось, что опубликовать книгу не удастся. «Все оказалось

⁴ Журнал Московской патриархии. 1943, № 3, с. 7

ненужным», — повторял Введенский. Он сразу как-то постарел, потемнел, сделался молчаливым. Через несколько дней у него случился удар, как тогда говорили. Пользовавшийся его многие годы профессор О. И. Сокольников не обнадеживал Анну Павловну.

...Отпевали митрополита в Долгоруковской церкви. И в доме его в те дни побывало много народу — из клира, мирян, нецерковной публики. Плакали в саду, в разных комнатах незнакомые ей люди, много женщин — он к ним всегда был добр, жалел их и проникновенные проповеди посвящал женщине — матери, жене, сестре... Похоронили А. И. Введенского на Калитниковском кладбище.

Анна Павловна осталась с тремя детьми: Александру было 10 лет, Олегу — 4, Оле — 2 года. Нелегкое для нее наступило время. Теперь все изменилось в доме. Исчезла притягательная сила яркой личности, замолк рояль, казалось, даже потускнели краски любимых ею картин. Вскоре многие из них — Коровин, Брюллов, Полenov — перекочевали в другие дома, к другим ценителям в обмен на необходимые средства существования. «Блютнер» был продан филармонии. Из прежних посетителей теперь мало кто заглядывал к ним в Сокольники.

Ее дети не пошли по стопам отца. Дочь работает библиографом в научно-исследовательском институте, сыновья — инженеры...

Со смертью первоиерарха русская обновленческая церковь прекратила свое существование. Когда Анна Павловна через полгода пошла в Калитниковскую церковь, бывшую ранее обновленческим приходом, чтобы отслужить панихиду по мужу, тамошний священник категорически ей в этом отказал: «Нельзя. Он отлучен. Он умер нераскаянным. Запрещено». В полном смятении позвонила она митрополиту Крутицкому и Коломенскому, архиепископу Москвы. Он принял ее в своей резиденции на Бауманской, выслушал, успокоил. Сказал, что будет панихида. И впредь «если надобность какая или, не дай бог, беда», просил обращаться.

Да, жесткая, непримирима церковь к ересям, к инакомыслию в собственной среде. Не прощен ею «нераскаянный» митрополит Введенский, чья судьба связана с драматическими страницами ее истории.

А судьбу обновленческой церкви еще в начале ее деятельности предсказал А. В. Луначарский: она родилась как реформаторская, но почва для реформистско-обновленческого движения церкви в России неблагоприятна: верующие либо в своей массе останутся при ортодоксии, либо будут начисто отпадать от церкви.

ПРАВОСЛАВИЕ СЕГОДНЯ

В. ХАРАЗОВ,
наш специальный корреспондент

Уси бачуть, а мы нэ бачымо?

...Две пожилые женщины в темной, не по сезону одежде с трудом протискиваются сквозь толпу, ведя под руки девушку лет семнадцати. Светлые ее волосы забраны в длинную, до пояса, косу, припухлые, с детским еще изгибом губы, ямочки на щеках, в синих глазах страдание, и неистовая надежда, и горькая обида на несправедливость судьбы. Повисая на руках спутниц, девушка мучительно переставляет словно ватные ноги, пытается прямо держать голову, вынытает и вновь бессильно падающую набок. Во всем ее облике, в острой, выгнутой груди, в выражении лица такая устремленность вперед, к часовой, что кажется, отпусти ее спутницы — и птицей полетела бы над толпой...

Пробившись в первый ряд, женщины бережно опускают ее на колени. Я вижу, как располагаются они рядом, слева и справа, не давая ей упасть. Движения их привычны, выверены.

Одна из женщин достает три свечи, зажигает их и, покапав горячим стеарином на землю, укрепляет перед собой и спутницами. Они крестятся, сгибаясь в поклонах. Видно, как девушка с трудом заносит руку, теряя равновесие при каждом движении.

Все трое чуть слышно молятся. Между тем голос одной из женщин начинает крепнуть. Она крестится все быстрее, чаще, ниже бьет поклоны и вдруг, в очередной раз глянув на часовню, вскрикивает:

— Явилась, господи, явилась!..

— Где, мамо, где? — Девушка лихорадочно переводит глаза с часовни на мать и снова на часовню.

— Да вон же, вон, в окне, — восторженно кричит мать, и все трое начинают неистово креститься, кланяться:

— Пресвятая дева Мария, мать божия, владычица небесная, заступница наша...

...Женщина лет шестидесяти, высокая и худая, теребит за рукав полного меланхолического вида мужчину примерно тех же лет:

— Та що ж цэ дыеться! Уси бачуть, а мы нэ бачымо! Хіба ж мы хуже людзей? Тарас, а Тарас, та не стый ты, як колода... Ты що-нэбудь бачышь?

— Та бачу, бачу, — отмахивается от нее Тарас, равнодушно уставившись на часовню.

— Тарас, а чому ж я не бачу, а Тарас? — в голосе ее закипает раздражение.

— Так вона тільки праведным являється...

— Так що ж — ты праведный, а я ні? — угрожающе вкрадчиво спрашивает она, вцепившись взглядом уже не в часовню, а в мужа.

— Правильно мужчина говорит, правильно, — неожиданно вклинивается в разговор соседка. — Кто много грешил, тому мать божья ни за что не явится. Или вот еще — кто бога либо веру хулил. А истинно верующим, людям праведной жизни сразу открывается.

— Слухай, слухай, Ганна, що розумни людэ кажуть, — ухмыляется Тарас.

— Так що ж, вин, кобелына клятый, — праведнык, а я, що всю свою красу на него загубила, — гришныця?

— А ты ж як думала? — добивает ее Тарас.

— Так не бывать тому, не бывать, — захлебывается от ярости Ганна и вдруг вскрикивает: — Вижу мать божью, вижу!..

...Возгласы «вижу, вижу» раздаются все чаще с разных сторон. Группа старушек мечется, но куда надо смотреть и откуда, никак толком не поймут.

— Господи, — жалуется одна, — ноги уже не держат, а заступница-матушка так и не явилась...

Окончание. Начало в № 5.

— Надо же, день убили, а все без толку,— вздыхает другая.

— День-то ладно,— досадливо отмахивается еще одна,— что людям-то на селе скажем. Засмеют-ить, все грехи смертные приклеют, коли не допустила нас божья мать до лика своего...

Этот разговор явно заинтересовал молодого дородного парня с казацкими, подковой, усами. С минуту в его глазах ясно читается титаническая работа мысли, после чего он поворачивается к пригорюнившимся старушкам и уточняет:

— Значит, не сподобились пресвятой лик увидеть?

— Не сподобились, сынку, ох не сподобились,— горестно откликаются те.

— Тут, главное, место надо знать, откуда смотреть, тогда обязательно увидишь,— поясняет он.

— А ты, сынку, видел?

— А то нет! Да я на нее несколько раз на дню смотрю... Захочу, встану на то место — и вот она тут, смотри, сколько влезет...

— Ох, сыночку, миленький,— перебивают друг друга старушки,— покажь нам то место, а, сыночку?

— Это дело трояк будет стоить! — деловито отвечает парень.

Быстро переглянувшись, старушки дружно благодарят благодетеля, достают, каждая из своего потайного места кто кошелек, кто тряпицу и, ставши в кружок, перешептываются, передавая из рук в руки по горстке монет. На лице парня проступает досада:

— Эй, бабки, вы чего там медяками гремите, народ звоном пугаете?

— Так троячок, сынку, собираем,— заискивающе поясняет одна.

— Пожалейте моих малых детей, я ж зараз помру от смеха!

— Так ты же сам, сынку, сказал, что трояк,— возражают старушки.

— Трояк с носа,— отрезает парень. Те ошеломленно переглядываются.

— Так ведь нет у нас, сынку, столько грошей с собой.

— Нету грошей, нету и богородицы. Задарма, бабки, в рай не введешь.

Старушки, тяжело вздыхая, опять достают кошельки и тряпицы.

— Оце дило,— довольно говорит парень. — Смотрите на крышу точно над балконом, ближе к шпилью. Долго смотрите. Сначала будете видеть одну ржавчину, а потом за терпение ваше и мать божья явится.

Он прячет деньги в карман и растворяется в толпе. Старушки стоят, как на параде, благоговейно вперив взгляды в проржавевшую жесть. Проходит пять, десять минут, и вдруг одна ахает:

— Господи, мать божья... Вижу, девоньки, вижу...

...Приземистый мужчина лет семи-десяти, с изможденным лицом, с

острым, нагло-боязливым взглядом, медленно, умело, словно нож сквозь масло, движется в толпе, окружающей часовню. Путь его извилист и подчинен строгой закономерности — избегая групп молодежи, он проходит через скопления пожилых людей. В одной руке шапка, другая все время поправляет рукав, то и дело обнажающий покрытую седыми волосами руку с наколками.

— Пожертвуйте, люди добрые, на открытие храма божьего,— воплолосо безостановочно приговаривает он,— господь сторицей воздаст вам за щедрость вашу и мать божья, заступница наша...

В шапку падают монеты, рубли, трешки...

Со стороны медленное движение мужчины в толпе почти незаметно. Но вскоре столь же умело с двух сторон начали пробиваться к нему двое молодых, крепких ребят. Но и мужчины оказался не простаком. Еще не видя, но словно почувствовав их приближение, он вдруг рванулся сквозь толпу — и попал прямо в объятия милиционера.

— Ты що, начальник,— зачистил он,— ты що, я ж ничего нз зробыв...

Следом вырвались из толпы и те двое. Один стал вытаскивать из-за пазухи мужчины пригоршни скомканных денег, другой внимательно листал паспорт и какие-то вложенные в него бумажки...

— Рятуйте, люди добрые,— закричал вдруг высоким голосом старик,— рятуйте, громадяне, я же за вас да за веру святую двадцать рокив по тюрмам пропадал, рятуйте во имя матери божьей, заступницы нашей...

— Не блажи,— спокойно сказал тот, который листал паспорт. — Не двадцать лет ты сидел, а восемь, и не за веру, а за Бандеру... Не стыдно гроши старушечьи да сиротские красть?..

С того самого двора, откуда Мариинка Кизин впервые «увидела» деву Марию, внимательно вглядываемся в балкончик на старой часовне. Его ограду украшают четыре деревянных столбика — два по углам и два около стены. Если выбрать удачную позицию, с которой и смотрела девочка, то один из почерневших от времени столбиков вполне можно принять за голову скрытого оградой человека. Именно он и показался ей «богородицей в черном».

Завидев меня и моих спутников, к нам тотчас присоединяются две женщины. С минуту понаблюдав за нами и не заметив на наших лицах ни восторга, ни благоговения, они приходят нам на помощь.

— Ось, бачытэ, бачытэ, на балконе в углу, мать божья в черном...

— Сейчас побачимо,— говорю я и беру у своего спутника бинокль. Балкончик сразу приближается на

расстояние вытянутой руки, все видно отчетливо, в том числе и черный столбик в углу.

— Вот посмотрите,— протягиваю женщине бинокль,— что видите?

Она с любопытством прикладывает бинокль к глазам, на несколько секунд замирает и разочарованно опускает руки.

— Ну что?

— Не, в биноклю мать божья не кажется...

— Может, просто нет там никакой божьей матери?

— Та как же? Он же вона, уся в чорному...

Спускаюсь вниз, к часовне, пристально вглядываюсь в бурые узоры на крыше. Действительно, если долго и напряженно смотреть, они начинают двоиться, плыть перед глазами, и тогда в их очертаниях можно домыслить все что угодно. Я, например, запрограммировал себя на Змея-Горыныча, каким рисуют его в детских книжках, и, постояв минут десять, уловил его смутные очертания. Закрыв глаза, представил мысленно Бабу-Ягу в ступе и вновь устоялся на разводья ржавчины. Нет, Бабу-Ягу я не увидел, сгинул и Змей-Горыныч. Смотрю дальше, не отрывая глаз и убеждая себя, что должна здесь быть Баба-Яга, что не может она здесь не оказаться, и через какое-то время обнаруживаю и ступу, и метлу, а затем и хищно изогнутую фигуру сказочной злодейки.

Для меня лично тут загадки нет. Еще в детстве, загорая на черноморском пляже, в юности во время коротких привалов в тайге и тундре я любил, глядя на плывущие облака, мысленно конструировать из них сказочные персонажи. И до того натренировался в этом нехитром искусстве, что иной раз с трудом отделялся от наваждения, пока вновь не видел обычные, похожие лишь на самих себя облака...

Обхожу часовню, внимательно изучаю окна. И обнаруживаю еще два «секрета».

На некоторых стеклах — радужные, как бы нефтяные пятна. Может, заводской брак, а может, следы давней мойки керосином или бензином и плохой протирки, но пятна эти можно «использовать» так же, как и разводья ржавчины или облака.

Второй «секрет» и проще, и сложнее. Я нахожу несколько точек, с которых богородица «является» в окнах даже с чистыми стеклами. Вот, изгибаясь в неровном стекле, отражается черный ствол стоящего неподалеку дерева. При сильном желании его вполне можно принять за женскую фигуру в черном, а отражение ветвей — за распущенные волосы.

Если смотреть с другой точки, то в окнах столь же причудливо отражается скульптура мадонны с младен-

цем в руках. Отсюда и разноречивой в рассказах очевидцев: одним божья мать являлась в черных одеждах, другим — в белых...

И словно мухи тут и там...

Каждое религиозное чудо стоит на слухах. Слухами же оно и питается, и стоит им утихнуть, начинается засыхать на корню. Однако так же, как апокрифические книги Нового завета разрушают стройную легенду канонических евангелий своими не-

храмах, пока не начнут в них снова славить имя божье. И вот ведь странное дело — пророческим отчасти оказался этот слух. Действительно, во всех трех областях Украины богородица являлась верующим чаще всего именно в окнах и на крышах бывших культовых зданий.

Чем дальше от Грушева, тем более фантастические слухи ходили о Марийке Кизин. Говорили мне, что праведница она редкостная; что грешница закоренелая (это в десять лет!); что исцелила ее богородица от множества ужасных болезней; что

встретить их хлебом-солью, а директор школы — срочно освободить ее для монахов под временную обитель. Много, много было слухов диковинных и разных, несшихся впереди волн чудесных явлений девы Марии и готовивших для них почву.

Но были и другие слухи. Поговаривали, что мать Марийки, работающая в кафе Трускавца, хорошо знакома с неким выпускником духовной семинарии, пребывающим не у дел и мечтающим заполучить хороший приход.

Тут следует учесть (это уже не слухи, а факты), что перед явлением богородицы в Грушеве зарубежные радиостанции на русском и украинском языках неоднократно оповещали о том, что римский папа в своей энциклике «Редemptoris Mater»^{*} объявил о начале года девы Марии, которая наконец-то объединит два направления христианства — православие и католицизм. Более того, он высказал предположение о возможности явления девы Марии на пустующих храмах для благословения верующих и вразумления безбожников. Немало транслировалось на Украину и чисто религиозных радиопередач, в которых церковные иерархи на разные лады толковали высказывание папы.

В атмосфере таких постоянных разговоров Марийка все больше проникалась ожиданием чуда, пока однажды, уже страстно желая его, не глянула на балкон часовни. Понятно, усмехались мои собеседники, кому нужны слухи о том, что дева Мария требует открыть церковь. Приходы у нас тут богатые, земля щедрая, климат благодатный — бабочки сюда, как пчелы на мед, летят. Вон сколько их из района в район кочует. И ведь почти никто не уезжает. Куда там! В других местах приходы бросают. Значит, на прокорм хватает, да и еще кое на что остается. Иначе бы нипочем за штатом сидеть не стали. А уж открытие церквей для них — именины сердца...

Но, возражаю я, папа объявил начало года девы Марии с 7 июня... Ну и что, отвечают мне, ребенок и есть ребенок, очень уж хотелось чудо увидеть, вот и вышла неувязка...

Не возьмусь судить, что тут истина, а что — вымысел, только версия событий на удивление стройна. Да, была пропаганда из-за рубежа, да, были люди, заинтересованные в том, чтобы чудо случилось, да, шли разговоры в присутствии Марийки Кизин о возможности и вероятности чуда. Но дальше все, как говорится, пошло вразнос. Чудо приключилось досрочно. Богородица, вместо того чтобы степенно «явиться», начала мелькать то здесь, то там, передвигаясь с балкона на окна, с окон на крышу.

нужными, с точки зрения христиан, деталями и подробностями, так и некоторые слухи тоже явно не на пользу самому чуду.

Немало различных слухов породило и грушевское чудо. Так, например, с первых дней пошли разговоры (вспомним канон — дева Мария либо сама должна объяснить смысл и цель своего явления, либо должен найтись толкователь), что, дескать, божья мать не случайно явилась на закрытой часовне — это она требует вновь открыть ее. Дальше — больше. Пошел слух, что, мол, по всей Украине будет она являться на действующих

на праздник вознесения возьмет ее богородица с собой на небо, в царствие небесное. Мне даже доводилось беседовать с людьми, которые непременно собирались поехать в Грушев, чтобы своими глазами увидеть это чудо. А во время следующей моей поездки по Украине некоторые верующие уверяли меня, будто им доподлинно известно, что уже вознеслась Марийка Кизин в райские кущи!

А еще говорили паломники, будто из Почаевской лавры идут в Грушев 200 монахов с хоругвями и чудотворными иконами и будто председатель колхоза получил указание лично

^{*} См.: Овсиенко Ф. Год девы Марии. «Наука и религия», 1988, № 3.

Дальше — больше. Кому-то вместо девы Марии стал являться Иисус Христос, другим — тайная вечеря... Какие уж тут каноны!

«Церковь сегодня в чудесах не нуждается...»

Чем дальше от Грушева удаляюсь я вслед за явлениями девы Марии, тем диковиннее ведет себя чудо.

— Хорошо им, в Грушеве-то, — вздыхает одна из моих собеседниц, — а у нас в городе и церкви нету, даже закрытой.

— Так что же, у вас, значит, и явлений не было?

— Почему не было? — обижается она. — Что мы, хуже людей? В стекле автобусной станции показалось, да еще в окне промтоварного магазина.

— Ну а там-то зачем? На закрытых церквях — понятно: чтобы их открыли, а на автостанции или в магазине?..

Она с минуту озабоченно размышляет и, видно так и не найдя разумного объяснения, роняет:

— А мы что же, грешнее других, что ли?

Да, являлась дева Мария в разных селах и городах бывшей Галичины и на окнах магазинов, школ, банка, отделения связи и даже... в окнах мужского туалета! В последнем случае верующие, правда, не знали, что именно находится за этим окном, на которое они возбужденно молились. Зато потом конфуз был отменный.

Гордились тем, что именно им явилась дева Мария, те, кто считает себя праведниками, но с тем же успехом могли гордиться и грешники, ибо являлась богородица как-то всем без разбора. В городе Червонограде прошел слух о явлении в окне книжного магазина. Быстро собралась толпа, но девы Марии не было, пока с криком: «Матушку нашу вижу, заступницу!» — не рухнул на колени грузный мужчина. Тут и еще кое-кому явилось. Вот только мужчина тот на ноги так и не сумел подняться без помощи спецмедслужбы, а попросту — без работников вытрезвителя.

Везде, где я побывал, старался встретиться со священнослужителями, узнать их отношение к чуду. Приведу лишь два наиболее типичных ответа.

Владислав Антонович Кфницкий, настоятель львовского католического Вознесенского собора:

— Мы не отбрасываем возможность вмешательства высших сил в мирскую жизнь. Но подходить к таким случаям надо очень осторожно. Признать его подлинность может только епископ, собор или папа. По моему суждению, в нашествии событий ничего божьего нет — либо шарлатанство, либо массовый психоз.

Сазонт Иванович Чебич, кандидат богословия, благочинный Городокского благочиния Львовской епархии:

— Чудо может произойти по разным поводам — радости, скорби, благовестия, а это — не чудо, это все придумано для раскола народа. Мой коллега, Перемышлянский благочинный, считает, что цель этого — оторвать народ от православных храмов, доказать, что униатская церковь и жива и чудотворна. Но если это дело божие, оно должно проявиться в чудесных исцелениях или в чем-либо другом, ясном для всех и однозначном. Кроме того, человек, который видел чудо, должен преобразиться — покажите мне такого человека... Чуда не было, поскольку истинное чудо — лишь подтвержденное церковью, а церковь сегодня в чудесах не нуждается...

Закон есть закон

Много факторов переплелось в феномене грушевского чуда. И зарубежная пропаганда, и давние традиции устраивать в мае «маевки» — богородичные праздники, и присутствие алчущих собственного прихода заштатных священнослужителей, и народная память, хранящая впечатления от прежних «явлений», и приверженцы давнего униатства с его культом девы Марии, и Чернобыльская катастрофа, всего год назад ошеломившая людей неведомой до той поры опасностью, и многое, многое другое.

Не последнюю роль, на мой взгляд, сыграли и недавние времена жесткого администрирования, и в том числе в отношении верующих. Не одно и не два заявления поступили из украинских областей в Совет по делам религий при Совете Министров СССР с просьбой об открытии церквей. А сколько их до столицы просто-напросто не добралось, безнадежно застряв в многочисленных инстанциях? Однако, судя по беседам с местными товарищами, в вопросах регистрации религиозных объединений здесь по-прежнему ориентируются пока не столько на неукоснительное соблюдение закона, сколько на собственные соображения о целесообразности или нецелесообразности его соблюдения.

Взявшись за перестройку, одна из главных составляющих которой — полное уважение к закону, к правам и личности человека, нельзя отступать от провозглашенных принципов. И если мы, неважно по каким именно соображениям, отказываем в удовлетворении законных просьб верующих, то они вправе сказать, что по-прежнему в речах одно, а в реальной жизни — совсем другое, что закон, мол, как дышло — куда чиновник повернул, туда и вышло. А это уже дискредитация перестройки, подрыв ее.

ИЗ ЧЬИХ РУК ПРИНЯЛА «КРЕЩЕНИЕ» РУСЬ?

Отвечаем читателям

Почему в связи с «крещением Руси» упоминают византийского императора Василия II, говоря, что это через него Русь приобщилась к христианству? Разве не уместнее было бы называть константинопольского патриарха — дело-то ведь церковное? И еще: мне доводилось читать, что у этого императора было прозвище — кажется, «Болгароубийца». Почему его так называли?

А. С. БУКИНА
г. Саратов

На первый вопрос ответим кратко. В Византии император был не только правителем страны, но и фактическим главой церкви, поэтому и считается, что Русь приняла «крещение» из рук Василия II. Что же касается прозвища, которым современники наградили Василия II — «Болгаробойца», то придется вспомнить события, предшествовавшие «крещению Руси».

Тысячу лет назад Византия переживала тяжелые времена, некогда могучая империя стояла на грани развала и гибели. Феодалная знать подняла мятеж против императора. По его просьбе киевский князь Владимир послал в помощь Василию II шеститысячный отряд отборных войск, которые и подавили восстание. Император пообещал выдать за Владимира свою сестру Анну, но, укрепившись на троне, обещание выполнять не торопился. Тогда Владимир сумел доказать свое право силой: осадил греческий город Корсунь в Крыму. Василий отдал сестру ему в жены. Началась христианизация Руси. Так представлены события в «Повести временных лет».

Восприняв духом после разгрома мятежников, Василий II принимается за «наведение порядка» в обширной империи, искореняя остатки крамолы, завоевывающая новые страны. Благо, киевский отряд остался с ним, превратившись фактически в императорскую гвардию.

Пожалуй, главным врагом византийского императора были болгары — свободолюбивый, мужественный народ, война с которым продолжалась 42 года (с перерывами) в течение почти всего его долгого царствования (976—1018). В решающей битве 29 июля 1014 года болгарское войско терпит жестокое поражение.

Благочестивый византийский император повелевает ослепить 15 тысяч пленных, таких же, как он, христиан (Болгария приняла «крещение» от той же Византии в 865 г.) и отправить их в родные края в сопровождении поводырей, которым выкололи лишь один глаз. По сто слепцов на одного поводыря...

После этого за Василием II и закрепилось прозвище «Болгаробойца». И в течение последующих четырех лет император продолжал ослеплять пленных болгарских воинов — до окончательного завоевания Болгарского царства и превращения его в провинцию Византии.

Заметим: к тому времени христианство в Болгарии существовало полтора столетия, в Византии семь веков, а на Руси делало первые шаги...

«СМОТРИ ОПАСНО!»

Поморы, осваивая дальние пути под парусом, «насеяли» северные моря неофициальными святыми и «анти-святыми». Таков, например, Ванька Нордкапский — злой дух, мешающий огибать мыс Нордкап, северную оконечность Скандинавского полуострова.

Мореходы сочинили Ваньке и пристойное житие. Украл он поморскую жену, та — как и положено, сметливая, самостоятельная — возьми да и сбеги обманом. Осерчал Ванька на весь приморский люд. Сторожит на мысу. Увидит коч — норовит потопить. И чтобы пройти вокруг Нордкапа, следовало улучшить момент, когда «сатан морской», утомившись, спит. Ну а уж если «пылит полуношник», писалось в поморских лодиях, то есть лютеет норд-ост, — берегись, «смотри опасно!»

НОВОЕ СЛОВО

Как бы вы думали, кто в начале прошлого века боролся с распространением Библии в России? Видные иерархи церкви! Ортодоксальная православная партия выступала против «Библейского общества», которое печатало священное писание в переводе на русский и еще сорок языков Российской империи. Консерваторам не только не нравилось то, что древние тексты зазвучали на неканоничных языках, это бы еще полбеда. Но «библеисты» стремились к новшествам в религиозном обиходе, интересовались западноевропейскими мистическими учениями, обсуждали богословские проблемы со светскими людьми.

В 1824 году сторонники вероисповедной старины взяли верх. Князь А. Н. Голицын перестал быть президентом «Библейского общества», перестал быть и министром духовных дел и народного просвещения, и само министерство расформировали — синопод вернул себе прежнюю относительную автономию. Вскоре и «Библейское об-

щество» приказало долго жить.

Ликование консерваторов было так велико, что один из них, архимандрит Фотий, в послании единомышленнику сам написал нечто прежде небывалое о Спасителе. «Порадуйся, старче преподобный! — восклицал он. — Нечестие пресекалось, армия богохульная диавола паде... министр наш один господь Иисус Христос...» И напомнил другу-архимандриту в постскрипту: «Молись о А. А. Аракчееве...»

ПОМОГИ, БЛАЖЕННЫЙ...

Считалось, что Василий Блаженный является терпящим бедствие на море и указывает путь к спасению. Однако в старой Москве святому приходилось поддерживать и священнослужителей, тонувших в море житейском. Красная площадь была тогда местом оживленного торга, и по базарным дням собирались за храмом Василия Блаженного священники, оказавшиеся без работы.

Здесь действовала неофициальная биржа: московские богачи, владельцы домовых церквей, приходили сюда выбрать себе попа.

ТОСКА ПО ЧАДРЕ

День святых бессребреников Космы и Дамиана — в просторечии «кузьминки» — праздновали 1 ноября по старому стилю. Крестьяне носили в церковь кур — «под свято», варили каши. «Трудно сказать, каким образом Косма и Дамиан, известные по церковным преданиям как врачи бессребреники, даром лечившие людей, — превратились... в «курятников» и «кашников», — удивлялся писатель-этнограф прошлого века С. В. Максимов. Легендарные врачи считались в народе и покровителями супружества, поэтому «кузьминки» истово почитались девушками.

«Бесчинствует в этот день молодежь, особенно девушки, — сокрушался священник Иоани Скворцов. — ...Предаются всякому невоздержанию: наряжаются разными

«Кромешники»

Начало см. с. 32

улицам, у городских торговых людей и в лавках всякий товар грабить, а торговые амбары и лавки рассекать и рассыпать. «И потом государь благоверный царь и великий князь со всеми своими людьми и со всеми воинскими полками начал ездить по всему Новуграду и по всем посадом, и повеле государю у всех градских жителей во всех домах их имения грабить, а самих людей и жен их, беспощадно, без останков, всех грабить, и дворы их, и хоромы ломать, а окна и ворота вскоре повеле без милости высекать...»

Разгром был так сокрушителен, что почти два десятилетия спустя при очеред-

ной переписи города, от которой в копиях сохранились писцовые книги, переписчики постоянно отмечают: «двор пуст», «место пусто».

Причины кровавого «новгородского дела» оказались тайной даже для его участников и современников. Трудно всецело принять версию об измене новгородцев. И не только потому, что Литва, равно как Ливонский орден и Швеция, всегда являлись для Новгорода большими врагами, чем Москва: варварский погром собственного государства, учиненный Иваном IV зимой 1569—1570 годов, практически ничего не изменил в управлении городом и землями новгородскими. Уже через два года царь жалуется новгородскому архиепископу Леониду грамоту, в которой подтверждает прежние его права. Как и прежде, город управляется «пятиконец-

кими» старостами (Новгород делился на пять «концов»). За городом сохраняется чеканка собственной монеты. Новгородское наместничество по-прежнему самостоятельно в дипломатических сношениях с Ливонией и Швецией...

Другая версия — о заговоре в пользу князя Старицкого. Может быть, царь избивал в Новгороде его сторонников? Не похоже. За три месяца до начала похода вести о казни должны были достичь Новгорода. Зная характер Ивана IV и если бы ведали за собой вину, новгородцы могли подготовиться к отпору... или к покаянию.

Кроме того, царь, расправлявшийся с каждым, кто во времена oprичнины осмеливался давить в монастыри и церкви вклады на помин души казненных, здесь, в самом Новгороде, перед возвращением

ХЕРУВИМЫ

Евгений ЗАМЯТИН

Всякому известно, какие они, херувимы: головка да крылышки, вот и все существо ихнее. Так и во всех церквах написаны.

И приснился бабушке сон: херувимы у ней в комнате летают. И летают, и летают, крыльями полощут по-ласточьи, под потолком трепыхаются. Вот теперь — пониже, вот штorkу задели, об лампу стукнулись, опять — к потолку. Прочитала им бабушка херувимскую, и всякую молитву про херувимов вспомнила — прочитала, а они все летают.

Уж так стало жалко бабушке херувимов — терпенья нет. И говорит она — какому поближе:

— Да ты бы, батюшка, присел бы, отдохнул. Уморился, поди, летать-то.

А херувим сверху ей, жа-алостно:

— И рад бы, бабушка, посидеть, да нечем.

И верно: головка да крылышки — все существо ихнее. Ничего не поделаешь.

1917.

** Из книги Евгения Замятина «Нечестивые рассказы», выпущенной московским издательством «Круг» в 1927 году.*

«Вопрос о жизни на Марсе». Автор беспощадно повергает сочинения о марсианях логикой и физикой. Вот, например, высказывания Глаголева о трудах американского астронома Персиваля Лоуэла, сторонника теории обитаемого Марса. «Лоуэль верует (нельзя назвать это знанием), что солнечная система произошла вследствие катастрофы... По Лоуэлю, на планетах должна являться жизнь, как только явится возможность жизни. Он, очевидно, думает, что раз существует квартира, должен существовать и жилец... Но что на самом деле, если на Марсе нет не только каналов, но и воды для каналов? По поводу неясных фотографических изображений Марса Лоуэль говорит, что в этих неясностях только посвященные усматривают каналы. Не напоминает ли это знаменитой сказки Андерсена, по которой одежду на короле видели только умные?»

Интересно, что Глаголев был профессором Московской духовной академии. Он отнесся к тем просвещенным богословам начала века, что исповедовали принцип: богу — богово, науке — научное. За современной наукой они следили, недурно в ней разбирались и, как видим, даже, случалось, становились на защиту знания от мистики.

чучелами, с звоном в косы, ведра и заслоны ходят по улице, пляшут и поют нехорошие песни». Придя в полный ужас от молодежных ночных пиров с куриной лапшой, отец Иоанн в отчаянии обратился к опыту другой религии. «Посмотрите на девиц нехристианских, например на магометанок, они не только не затевают подобных забав и игр, но даже до известного времени стыдятся показаться другим и не снимают с себя фаты или покрывала».

Кузьминское «Поучение» Иоанна Скворцова не раз публиковалось в дореволюционной церковной печати как образец проповеди.

«ЭТО СЛЕЗНИЦА...»

В «Богословском вестнике» Московской духовной академии (1913, № 1) появилась статья, критикующая церковную администрацию.

«Почти в каждой губернии, — писал автор, скрывшийся за инициалами Н. П., — существует собрание церковных древностей, представляющее или отдел городского древнехранилища, или же самостоятельное учреждение... Кто хотя немного знаком с подобными собраниями, тот знает, насколько безобразно, жалко существование большинства из них... Обыкновенно отводятся какие-нибудь ненужные, — подчеркивал Н. П., — помещения: темная тесная комната, лишний коридор, угол при ризнице, не стесняются и сырым подвалом под церковь...»

Среди прочих примеров автор описывает и убогое, неосвещенное «помещение за

перегородкой», где находится музей Московской духовной академии. «Такая случайность... соответствует и вообще условию существования церковно-археологических собраний», — объясняет Н. П. Усилия отдельных любителей старины, горько итожит он, встречают непонимание епархиального руководства: «Известны случаи, когда епархии лишают драгоценные коллекции закупаемых ими жалких пометений, и сокровища искусства, церковного творчества гибнут в сырых подвалах и погребках... Это слезница...»

ЗА ОДИН ПОЦЕЛУЙ — ВОСЕМЬ СУТОК АРЕСТА

Однажды митрополит Сегафим испросил аудиенцию у Николая I, чтобы прочесть ему стихи:

И если б богом был —
селеньями святыми
Клянусь — я отдал бы
прохладу райских струй
И соимы ангелов с их
песнями живыми,
Гармонию миров и власть
мою над ними
За твой единый поцелуй.

Митрополит заклиная царя защитить православную церковь от подобных поруганий в печати. В результате цензор А. В. Никитенко, решивший публикацию этих строк Виктора Гюго в журнале «Библиотека для чтения», был отправлен на гауптвахту.

МАРСИАНЕ ПО АНДЕРСЕНУ

В 1913 году профессор С. С. Глаголев издал довольно обстоятельное сочинение

в Москву выдает Кирилло-Белозерскому монастырю грамоту на «село Ветлинское, Дмитровского уезда» для поминовения души князя Старицкого.

Развитие последующих событий напоминает фильм, по ошибке механика пущенный в обратную сторону.

25 июля 1570 года на Москве прошли последние казни по «новгородскому делу».

По словам И. Таубе и Э. Крузе, Иван IV «приказал построить на рыночной площади отгороженное место, а сам вместе со старшим сыном и опричниками в количестве нескольких тысяч вооруженных отправился на площадь и приказал привести обреченных... Среди них был его казначей Никита Фуников и главный канцлер Иван Висковатый, которого он любил, как самого себя. Он приказал

сперва привязать казначея к столбу, развести огонь и топить под ним котел с горячей водой до тех пор, пока тот не испустил дух. Канцлера приказал он привязать к доске и растерзать и изрезать его, начав с нижних конечностей и кончая головой, так что от него ничего не осталось».

Из трехсот осужденных сто восемьдесят четыре человека были отпущены здесь же на свободу — «высокая милость» перемешалась с нечеловеческой жестокостью, но на этом с новгородцами и земщиной как будто было покончено, казни пошли на убыль. Одновременно меняется отношение царя к англичанам: Иван IV накладывает арест на некоторые товары, отбирает недавно дарованные привилегии, готов чуть ли не полностью разорвать дипломатические отношения: похоже, что

острая нужда в «высокой дружбе» английской королевы миновала...

Однако приходится признать, что по каким-то непонятным причинам у царя миновала нужда и в опричнине, потому что уже на следующий год он наносит жестокий удар по своему детищу: в измене обвинен теперь сам орден «кромешников». Опять на московских площадях падают головы, льется кровь, кипит вода в котлах при тайном и явном злорадстве москвичей, терпевших опричный гнет почти семь лет. А следом за казнями опричников издается специальный указ, согласно которому само упоминание об опричнине влечет за собой нещадное наказание. Нет ее — и не было никогда! Не нужен царю его изуверский орден...

Но что вообще ему было нужно?

Окончание следует

В. ПИГАЛЕВ,
кандидат исторических наук

НАШ ВЗОР ПЛЕНЯЕТ САМОБЫТНОСТЬ

● Царицыно. Рисунок В. Баженова.

250 лет со дня
рождения
В. Баженова

Несостоявшаяся карьера

Бросить насиженное место и с младенцем на руках, которому от роду всего три месяца, отправиться в дорогу — дело рискованное. Но уж очень долго Иван Баженов, служитель в небольшой церкви в селе Дольском Малоярославского уезда Калужской губернии, ждал случая, чтобы переселиться в Москву. Наконец такой случай представился. Его пригласили псаломщиком в Кремлевскую церковь, что у Иоанна Предтечи за Золотой решеткой. Здесь же, в Кремле, предстояло жить всей семье.

Но неслась встретила первопрестольная — пожаром. Огонь перекидывался на терема и дворцы, казенные дома и избы, торговые палаты и храмы — до самого Лефортова гудело разбушевавшееся пламя, с грохотом падали обгоревшие бревна. Под порывами ветра огненные языки, минув рвы и каменные стены, расползлись по Тверской и Сретенке, Никитской и Покровке, Мясницкой и Арбату, захватили Китай-город. Горел Сибирский приказ и его богатые пушные склады... Клубы дыма заволочили Казанский, Заиконоспасский и Покровский соборы. Тревожно звонили колокола. Пожар то затихал, то вспыхивал с новой силой. Казалось, ему не будет конца.

Иван Баженов подолгу смотрел на целевшие купола и молился.

— Господи, — шептал он, — чем провинился пред тобой сей град первопрестольный?.. За что немилость твоя?.. Спаси, господи, души бренные, убереги раба своего.

Жена ни в чем его не упрекала, лишь изредка всхлипывала, прижимая к груди младенца. Так началось детство

будущего великого архитектора России Василия Баженова.

На его глазах Москва постепенно избавлялась от последствий пожара. Ремонтировались и заново строились церкви, особняки, казенные помещения. Большие работы велись в Кремле...

...Любящий отец прилагал немало усилий, чтобы обеспечить сыну церковную карьеру. Он определил мальчика в Страстную монастырь близ Тверских ворот и ревностно следил, чтобы тот аккуратно посещал все службы пел в хоре, исправно изучал Библию. Но на все это у Василия не хватало терпения. Во время службы он часто озирался по сторонам, разглядывал своды храма, священнослужителей, прихожан и... фантазировал. Много лет спустя Баженов напишет в автобиографии: «Я всех святых из церкви переносил мыслями под переходы на стены и делал их своею композицией, за чем меня заставляли и секли часто».

Однажды со слезами на глазах, но с упорством в голосе Василий заявил:

— Не буду ходить в Страстную. Не хочу быть попом! — и дрожа от волнения добавил: — Батя, миленький, определи меня в каменный приказ...

Нет, он не рассчитывал на согласие, напротив — был почти уверен, что за этим последует страшный скандал. Но молчать доле тоже не мог.

Впрочем, скандала не произошло. Слова повисли в воздухе, наступила гнетущая тишина.

Иван Федорович был в растерянности. Скорее сердцем, чем умом, почувствовал, что это не каприз, даже не просьба, а требование. И отступил. Церковная карьера Василия Баженова закончилась.

На подступах к мечте

Позади — архитектурная школа, возглавляемая талантливым русским зодчим Д. В. Ухтомским, занятия в Московском университете, в Российской императорской академии художеств, учеба и практика под руководством С. И. Чевакинского, А. Ф. Кокоринова, Бартоломео Растрелли, поездка в Париж, постижение зодческих секретов под руководством королевского архитектора Шарля де Вальи, архитектурский диплом, скрепленный подписями профессоров парижской академии Леруа, Моро, Суфло, Габриэля, личное приглашение Людовика XV остаться во Франции и стать архитектором двора...

Это, казалось, безрассудное решение — ответить королю Франции категорическим отказом — Василий Иванович Баженов пояснит своим наследникам накануне кончины:

— Моделями Лувра и храма Весты, проектом Инвалидного дома и другими работами я не токмо порадовал учителей своих, но и доказал, что русские в сложных науках зодчества тоже весьма преуспеть могут. Но не поняли некоторые из просвещенных европейцев, мастерство и знания — это токмо азбука художества. Не технику художества прельщают творения русских, кои землю российскую украшают. Наш взор более пленяет самобытность. Творения без самобытности — это все равно что человек, лишенный души и сердца. Однако же глупо вкусы, привычки и нравы своей нации чуждому племени навязывать. Можно, конечно, и техникою ограничиться, не думая о душе творения. Но сие неизбежно влечет за

собой и перестройку душевную, но токмо уже в самом себе, в архитектуре человеческой. Потому и не стал я архитектором французским или итальянским.

В Россию Баженов вернулся в мае 1765 года. Петербург встретил его не очень приветливо: в Академии художеств заставили пройти повторные и дополнительные экзамены, вернуть долги, участвовать в разработке проектов, к которым не лежала душа. Но он не отчаивался, верил, что это лишь подступ к осуществлению мечты — проектировать не отдельные дома, а целые ансамбли, где каждое строение было бы частью целого.

В 1767 году такая возможность наконец-то представилась. Императрица Екатерина поручила разработать проект реконструкции Кремля, реставрации древних строений и сделать макет будущего грандиозного Кремлевского дворца. Почти 8 лет длилась напряженная работа: были исполнены многочисленные эскизы, проекты, произведены математические расчеты, создана уникальная модель. Наконец, прошли и помпезные торжества по случаю «положения первого камня», но... строительство не состоялось.

Жемчужина Подмосковья

Летом 1775 года императрица решила приобрести подмосковное имение Черная Грязь, которое затем переименовали в Царское село — Царицыно. Здесь она и задумала учинить строительство в «мавританском вкусе» с элементами готики.

Разработать проект поручили Баженову. Выполняя задание, вопреки воле заказчицы он избрал для будущих построек не чужеземный готический стиль, а московское барокко. Кроме того, поставил задачу: вернуть к жизни старорусскую национальную архитектуру. Главным строительным материалом избрал красный кирпич и белый камень, уже одним этим желая «протянуть руку» допетровским постройкам, напомнить о старорусской архитектурной культуре.

Проектируя царский дворец и другие постройки, он использовал свои излюбленные формы: чередование прямоугольных, овальных и круглых залов, полуциркульные проемы, белокаменные наличники, чем-то напоминающие ажурные деревянные, какие делали русские умельцы при строительстве барских сельских домов.

Не менее волновало Баженова и другое: как сохранить прелесть первозданной природы, органично вписать в нее создание искусных рук человеческих? Как заставить кирпич и камень звучать согласно с окружающим миром, столь же слаженно, как уживаются кряжистые дубы и стройные белоствольные березы, луга и овраги, пруды и чащобы? Именно любовью к русской природе, почитанием ее неповторимой красоты отличается проект зодчего.

В 1776 году составленный Баженовым план построек был в целом одобрен и в мае началось строительство. Скоро были закончены начатые ранее строения. Спустя год появилась возможность приступить и к строительству главного дворца. Оно велось в течение двух лет. После этого были заложены Большой кавалерский корпус и Управительский дом. Зодчий мечтал завершить весь объем работ за два — три года, но...

В разгар лета 1785 года императрица неожиданно объявила о своем

● Никольская церковь в селе Черкизово-Старки.

желании осмотреть царицынские строения. Осмотр длился всего несколько минут, затем, в присутствии Баженова и придворной знати, последовал приказ:

— Учинить изрядные поломки, снести до основания и представить на обозрение новый проект дворца.

Баженов был потрясен. Чем же объясняется столь неожиданное и безжалостное решение царицы? Многие исследователи считают, что главная причина — изменившиеся вкусы королеванной заказчицы, которая все более стала ориентироваться на входившую в моду классическую архитектуру. Ставить этот аргумент под сомнение нет оснований, но причина, на наш взгляд, не только в этом. Немалую роль сыграли и политические

мотивы. Во-первых, узнав, что Баженов причастен к масонству и члены тайного общества через него держат связь с наследником престола Павлом, Екатерина II решила жестоко проучить «заговорщиков». Во-вторых, она не пожелала ссориться с влиятельными церковниками, которые усмотрели в царицынском ансамбле некоторое «богохульство» зодчего: в качестве композиции Баженов избрал не дворцовый принцип, а монастырский, к тому же несколько нарушил при этом традиционное местоположение тех или иных строений.

Так закончилась еще одна страница в биографии великого зодчего. Да, Баженов мечтал проектировать и строить архитектурные ансамбли. В этом он видел свое призвание, этой масштабности соответствовало его дарование. Но судьба распорядилась иначе. Именно это направление в его творчестве воплотилось не столько в камне, сколько в макетах, эскизах, проектах. Однако и отдельные баженовские сооружения, сохранившиеся до наших дней, — это собрание архитектурных шедевров.

И, пожалуй, особое место среди них занимают храмовые постройки.

Силуэты России

Скорбященская церковь на Ордынке. Вначале это была каменная церковь Преображения, сооруженная

● Знаменская церковь в селе Ветшиловка.

в 1683 году. Столетие спустя к ней пристроили Скорбященский придел, и храм переименовали. По проекту Баженова в начале 80-х годов XVIII века была перестроена трапезная, сооружена новая колокольня круглой формы, в которой чувствуются и отзвуки барокко, и классические мотивы.

Усадебный храм в селе Влахернском (Кузьминки). Он также строился в первой половине 80-х годов XVIII века. Здесь Баженов применил при-

емы, свойственные светским постройкам.

Церковь усадьбы Пехра-Яковлевское (1779—1786) — одно из лучших творений зодчего. Монументальный фронтон, белоснежные колонны, выложенные из подмосковного известняка... Каждая деталь этого храма исполнена с поразительной тщательностью. Особое внимание архитектор уделил силуэту храма, учтя при этом своеобразие окружающей природы: широкую гладь большого пруда, обрывистые берега, плавные линии холма.

Всю жизнь тяготевший к древнерусской архитектуре Баженов еще в самом начале творческого пути создал проект церкви в **Старках-Черкизове — усадьбе князя Черкасского под Коломной**. Здесь зодчий смело заимствовал приемы старорусской архитектуры. Но не копировал, а творчески видоизменял в соответствии с заданным проектом. Храм в Старках — это архитектура радостного, оптимистического мировосприятия.

С новой силой свою приверженность к традициям старорусской архитектуры Баженов проявил при строительстве церкви в селе **Знаменка** (Тамбовская губерния. Село принадлежало Татищеву. Строительство закончилось в 1784 году). Умело используя традиционные национальные архитектурные формы, смело сочетая красный кирпич и белый камень, зодчий создал здесь поистине сказочный русский дворец. Эта работа была важна и для самого Баженова. Она позволила ему утвердиться в своих архитектурных принципах и еще больше уверовать в жизнеспособность национальных зодческих традиций.

Среди архитектурных жемчужин Подмоскovie — **усадьба Быково**, принадлежавшая начальнику Экспедиции кремлевского строения М. М. Измайлову. Здесь, на холмистом берегу Москвы-реки, на фоне русского приюльа, Баженов спроектировал усадебные дома, беседки, белокаменную церковь — целый ансамбль... К сожалению, судить об этом можно лишь по чертежам и эскизам. Усадебный дом до наших дней не сохранился. Некоторые постройки хоть и уцелели, но давно потеряли первоначальный вид или находятся в полуразвалившемся состоянии. К счастью, сохранилась церковь, выстроенная Баженовым в 1789 году, — строение уникальное. Форма плана быковского храма — овальная — пожалуй, единственная в русской архитектуре. Довольно большая церковь благодаря планировке, умелому использованию строительных материалов выглядит изящной.

Многие советские исследователи считают, что церкви при Ваганьковском, Даниловском, Калитниковском и Пятницком кладбищах строились под наблюдением или даже

при непосредственном участии Баженова. Есть интересный архитектурный памятник и на Преображенском кладбище — **Готическая часовня**. Она построена специально для старообрядческой секты федосеевцев, которые во время чумной эпидемии в 1771 году выхлопотали разрешение устроить около Хапиловского пруда карантинную заставу и при ней моровое кладбище. А затем секте было разрешено построить часовню для приношения молитв по правилам старопечатных книг.

Авторство Баженова относительно этой часовни почти не вызывает сомнений. Здесь необычайное сходство с рядом построек Царицынского ансамбля: стрельчатые окна, ажурная белокаменная отделка, минаретоподобные вышки и т.д.

Готический стиль характерен и для ряда других проектов зодчего. В Музее архитектуры хранятся его чертежи фасада памятника-церкви с планом (чертеж помечен ноябрем 1771 г. и подписан самим Баженовым); фасада церкви; три проекта сеней (шатров) над гробницами московских митрополитов.

Художник

Не каждому известно, что великий русский архитектор был и талантливым художником. Его работы представлялись на академических выставках, а церковники, хоть и недолюбливали Баженова за причастность к масонству и осуждали за привнесение готических мотивов в архитектуру православных церквей, вместе с тем охотно доверяли ему почтенные и сложные работы при внутреннем оформлении храмов. Так, например, в 1782 году В. И. Баженову было поручено разработать сюжет и исполнить эскизы фресок для **собора Донского монастыря**. Под его постоянным наблюдением, согласно контракту, расписывались и стены.

С тех пор роспись в соборе неоднократно подновлялась, переписывалась. Определить, где последующие наслоения, где кисть самого Баженова, теперь почти невозможно. Можно лишь предположить, что баженовский рисунок на историческую тему «Татары у стен Кремля» предназначался именно для росписи Донского монастыря. Тем более что храм был основан в конце XVII века именно в память отражения набега крымского хана.

Другая художническая работа Баженова была предназначена для **церкви Ивана Воина в Замоскворечье**, на Якиманке (ныне улица Димитрова). В дореволюционном издании «Русские достопамятности» (т. IV, с. 29) есть такое свидетельство: «В 1791 году новый иконостас в четыре яруса с позолоченными колоннами и резьбою (на царских вратах резное изображение сошествия во ад) сделан по рисунку знаменитого в свое время

архитектора и первого вице-президента Василия Ивановича Баженова. Одновременно с иконостасом была устроена над престолом деревянная с орнаментами сень на 6 колоннах, составленная, собственно, из двух крестообразно положенных дуг, по карнизу ее малые образы, числом 8, поставлены были в деревянных кругах».

В 1859 году, при обновлении храма, иконостас с баженовскими росписями по распоряжению митрополита Филарета был уничтожен. По его мнению, резьба по дереву лишала иконостас православного характера, придавала ему католический стиль. Кроме того, размеры иконостаса (триумфальные ворота), как не без оснований счел Филарет, не вполне соответствовали масштабам храма.

Вспомним еще одну художническую работу архитектора.

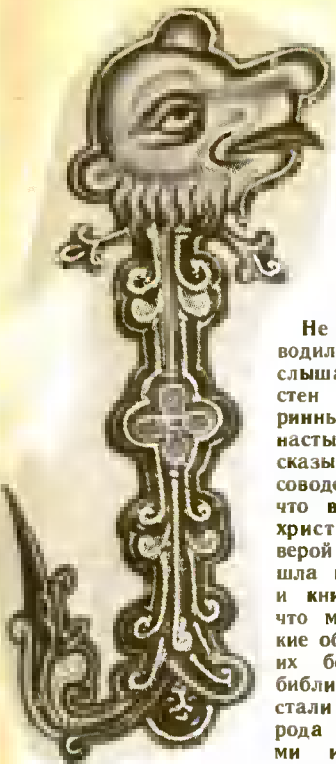
В 1772 году Московская синодальная контора получила разрешение Синода сделать новый иконостас во **Владимирской церкви у Никольских ворот Китай-города**. Эта работа была поручена Баженову. При этом из-за ветхости иконостаса и все иконы (за исключением Владимирской богородицы) предстояло сделать заново.

К сожалению, и эти работы до наших дней не сохранились, кроме образа Спаса Нерукотворного.

Итак, мы рассказывали только об одном периоде творчества Баженова — московском. Этот период, на наш взгляд, наиболее яркий, драматичный и плодотворный. Даже простой перечень работ, созданных архитектором и художником в эти годы, выстраивается в длинный список. Они — вехи в его жизни. Это удачи и поражения, мучительные переживания и радости, находки и разочарования, крупные правительственные заказы и рискованные конфликты с властью.

Василий Иванович Баженов прожил нелегкую жизнь, но на судьбу не сетовал — служил родине, как мог. Почестей не ждал и в завещании написал: «Погребение зделайте мне простое, то есть без всякой лишней церемонии трезвым священником одним в простом виде и где Бог приведет и всема желаю быть положенным в Глазове». Ну, а памятник он создал себе сам. Это — жемчужины архитектуры, одухотворенные русским художником и украсившие землю российской.

Умер В. И. Баженов в 1799 году, 2 августа. Так случилось, что вскоре после смерти могила его затерялась. Лишь совсем недавно, буквально в последние годы, благодаря усилиям общественности и, в частности, краеведов Тульской области место захоронения было установлено, могила найдена, и ныне стоит вопрос о том, чтобы на этом месте воздвигнуть памятник достойный великого мастера.

Велики ли были монастырские библиотеки?

Не раз доводилось мне слышать у стен старинных монастырей рассказы экскурсоводов о том, что вместе с христианской верой пришла на Русь и книжность, что монастыри стали своего рода центрами народно-

го просвещения.

Советская историческая наука немало сделала для того, чтобы внести ясность в этот круг вопросов, отделить истину от легенд. Да, начало распространения книжности на Русь стало следствием принятия христианства. В монастырях переводились, переписывались, накапливались книги. Монахами были и первые писатели земли Древнерусской. Все это так. Но еще задолго до нашего времени стало очевидным и другое.

Полтора столетия назад, в 1820-х годах, видный русский ученый П. М. Строев, объехав ряд крупнейших монастырей, сообщил в докладной записке президенту Академии наук С. С. Уварову: «В библиотеках духовного ведомства Синодальной (в Москве), академических (в Александро-Невской и Троице-Сергиевой лаврах), семинарских, консисторских, монастырских, соборных и прочих лежат тысячи славянских рукописей, хартий и старинных книг. Их было еще больше, но нерадение и невежество в разных видах — постоянно содействуют их уничтожению».

В Иосифо-Волоколамском монастыре, который в 30-е годы прошлого века владел 17 тысячами крепостных крестьян, огромными капиталами, Строев обнаружил кучу книг и рукописных столбцов, покрытых снегом. В Воскресенском Новоиерусалимском монастыре он узнал, что в конце XVIII века его епископ Сильвестр приказал сжечь множество рукописей. О ценностях, которые там хранились, можно судить по тому, что ученый обнаружил в этом монастыре Из-

С. ПЕТРОВ

борник Святослава 1073 года.

Но обратимся к более давней истории. Уже с XI века на Руси появляются первые списки «ложных» и «запрещенных» книг. Такой список содержится, к примеру, в том же Изборнике Святослава. Это перевод списка, составленного в X веке для болгарского царя Симеона, который содержал: 1) перечень истинных, разрешенных всем для чтения книг; 2) перечень «потаенных», «сокровенных», «ложнонаписанных» книг, не содержащих ничего враждебного церкви, но допускавших для чтения только некоторым, особо сведущим читателям; 3) перечень книг «ложных», или «отреченных», чтение которых считалось делом греховным¹.

За чтение «отреченных» книг церковь грозила карами, их сжигали «на головах еретиков»². Имелось своего рода наставление для комплектования монастырских библиотек — «Правило о книгах», позднейший вариант которого был опубликован в 1644 году в «Кирилловой книге».

«Правило» рекомендовало к чтению священное писание, 94 сочинения отцов церкви, нравоучительные сборники, «Космографию» Козьмы Индикоплова и т. д. Из русских книг назывались лишь семь: сочинения Даниила Странника, Григория Цамблака, Четьи-Миней, Киево-печерский патерик, судебник и Стоглав. К «отреченным» книгам отнесены: не только «сонник, волховник, птичье чаровье, чаромерье», но и «острономия... лунное и солнечная, яко тии бывають солнца, зелейник, колядник, громник» и т. д.³

Систематически проводилась «идеологическая проверка» книжных фондов как монастырей и храмов, так и частных собраний. Досмотру подвергались даже богослужебные пособия в небольших церквях. Жестокое кары обрушивались на голову «вор» — безразлично, церковного или светского, осмелившегося допустить на книжную полку «дерзновенные лукавства и прелести, ереси и безбожества»⁴.

За чтение и хранение астрологической литературы в 1628 году, например, был закован в ножные железные и поставлен на год на монастырские работы дьячок Семена Григорьев⁵.

Церковные запреты отсекали от частных и монастырских библиотек произведения античных, средневековых

европейских авторов, «пораженных латинской ересью».

В течение 250 лет церковь вела войну против старообрядческой книжности, погибло много памятников как религиозной, так и светской древнерусской литературы. Только при разгроме Выгорецких старообрядческих скитов в Карелии в 50-е годы XIX века было сожжено около трех тысяч рукописей⁶.

Много рукописей погибло и после закрытия церквей на Рогожском и Преображенском кладбищах в Москве. В свою очередь и ревнители «древлего благочестия» в меру сил расправлялись с неугодным им печатным и рукописным словом. Так, монахи Соловецкого монастыря в 1669 году собрали более 200 «никоновских» книг, изорвали их и потопили в море, другие сожгли⁷.

В монастырях погибло много так называемых певческих рукописей — записей культовых песнопений. Исчезли почти все документы государственного делопроизводства Древней Руси, их были многие сотни. Сейчас известны более 700 скрепявших их печатей. До наших дней в государственных собраниях СССР сохранились всего 190 книг XI — начала XIII веков. Исчезли навсегда известные по упоминаниям «Житие Антония Печерского», «Летописец великий русский», «Владимирский полихрон», повесть «О мужестве Александра Невского»⁸.

Велики ли были монастырские библиотеки? Исследователи считают, что до конца XVII века число книг в самых крупных из них не превышало трех тысяч экземпляров. Самое богатое на Севере книжное собрание Кирилло-Белозерского монастыря состояло к XVII веку из 2874 экземпляров. В Соловецком монастыре насчитывалось около 1500 экземпляров, а обычно в монастырской библиотеке их было 100—350⁹. Число названий было незначительным, в Со-

ловецком, например, — 124.

Специальных библиотечных зданий в монастырях до XVIII века не существовало. Первое построили в Киево-Печерской лавре. Книги из монастырских хранилищ выдавались для служебного пользования — богослужений в соборах, монахам в кельи и для обучения детей закону божьему. Обслуживанием окрестного сельского и городского населения монастырские библиотеки, вопреки расхожим представлениям, не занимались. Монастырское начальство издавало инструкции, запрещавшие выдачу книг за его пределы. Были и совсем закрытые фонды. Там хранилась светская литература, попавшая в монастырь в составе пожертвований.

Монастырская книжность всегда имела отчетливо выраженные религиозные, миссионерские, охранительные черты, служила интересам церкви и княжеской, а позже — царской власти.

¹ Барсуков Н. Жизнь и труды П. М. Строева. СПб., 1878, с. 33, 37, 256. Небезынтересно отметить, что в экспозиции Московского областного краеведческого музея восхваляется библиотека Воскресенского Новоиерусалимского монастыря, а о приведенных Строевым фактах нет и упоминания.

² Васильченко В. Е. Очерк истории библиотечного дела в России XI—XVIII вв. М., 1948, с. 28.

³ Рейсер С. А. Хрестоматия по русской библиографии с XI в. по 1917 г. М., 1956, с. 10.

⁴ Летопись археографической комиссии. вып. I. СПб., 1866, с. 31—32.

⁵ Слуховский М. И. Русская библиотека XVI—XVII веков. М., 1973, с. 60—61.

⁶ Васильченко В. Е. Очерк истории библиотечного дела в России XI—XVIII вв., с. 59.

⁷ Любимов П. П. Выговское общежитие. Саратов, 1924; Майнов В. Мертвый городок. — Исторический вестник, 1880, ноябрь; Филиппов П. История Выговской старообрядческой пустыни. СПб., 1862.

⁸ Кукушкина М. В. Монастырские библиотеки русского Севера. Л., 1977, с. 24.

⁹ Салунов Б. В. Книга в России в XI—XIII веках. М., 1978 с. 28, 34.

¹⁰ Кукушкина М. В. Монастырские библиотеки русского Севера, с. 15—40.

МЫСЛИ БЕЗ НИМБА

♦ Если человек — творение бога, то он не виноват, что у него такая плохая наследственность.

Валерий КОМАРОВ
г. Черновцы

♦ Хороший курьер дойдет, даже если послали к черту.

Анатолий АНИСЕНКО
г. Кузнецк
Пензенской области

ЧТО БЫЛО, ТО БЫЛО...

Подшивки газет, издававшихся 100 лет назад, едва умещаются на библиотечном столе. Пожелтевшие от времени страницы неожиданно громко шуршат в тишине читального зала. В блокаде появляются первые записи о событиях столетней давности: прибытие в Россию германского императора Вильгельма, развод сербской королевы Наталины... А вот сообщение об интересующем меня событии. В рубрике «Хроника» столичной газеты «Новое время» читаю:

«В ознаменование 900-летия крещения Руси Севастопольская дума постановила открыть 15 июля ночлежный приют на 100 человек...

Для усиления киевской полиции на время предстоящего торжества чествования 900-летия крещения Руси испрашивается кредит в 1200 рублей».

Ну что ж, большое событие — большие хлопоты. И для полиции тоже...

Подготовка празднества идет полным ходом. Как отмечать заслуги православного духовенства? «Киевское слово» высказывает свою точку зрения:

«Мы полагаем, что было бы справедливо и целесооб-

разно к этому дню почтить тех, кто в течение 9 веков стоял на страже православия. Нам кажется, что самый простой и целесообразный способ был бы такой, какой запечатлена память севастопольской войны в среде того же духовенства, т. е. раздача наперсных крестов. Кресты эти могут быть медные, высеребранные, с изображением на лицевой стороне св. Владимира, Ольги и апостола Андрея с надписью «988—1888», а на обратной: «Православному русскому духовенству — память 900-летия крещения Руси». Кресты следовало бы раздать всему русскому православному духовенству, не бывшему во время своего священства под судом и следствием, не исключая и заштатных. С каждого пожалованного таким крестом можно было бы истребовать от 1 до 3 рублей на устройство школ в империи или миссионерства. Таким образом, православное духовенство к великому празднику было бы справедливо почтено за свои труды и поощрено на новую борьбу и деятельность, а вместе с тем могла бы быть собрана довольно солидная сумма на великое, просветительное, апостольское дело».

«Церковный вестник» возражает «Киевскому слову»: «Едва ли, нам кажется, будет справедливо такие

многовековые и многотрудные заслуги русского духовенства православной церкви и русскому государству почтить лишь внешним, медным значком, за который еще придется тому же духовенству расплачиваться. Нет, если труды русского духовенства признаются и их желают вознаградить, то следует подумать не о медных крестах-украшениях, а о том, чтобы общество дало будущему поколению этих многовековых тружеников средства получить надлежащее воспитание и образование, и чтобы вдовы и сироты этого многострадального духовенства не обрекались бы после смерти своих мужей-тружеников на полное нищенство».

♦ «Вечно опаздываем...»

Издаваемый при Санкт-Петербургской духовной академии «Церковный вестник» обеспокоен состоянием памятников и ходом строительства двух храмов: киевского собора в честь св. Владимира и храма св. Владимира в Херсонесском монастыре. Закладку последнего собственноручно совершил император Александр II в 1861 году.

«Но посетив монастырь,— пишет корреспондент «Церковного вестника»,— я нашел храм в том же состоянии, в каком видел его пять лет тому назад. Вполне отстроенный и снаружи вполне отделанный, внутри он несколько не готов к богослужению. Весь нижний храм загроможден лесами. Все, с кем приходилось мне говорить по этому предмету, не довольны медленностью работ, тем более, что на окончание этих работ, благодаря ходатайству великого князя Владимира Александровича, президента Академии художеств, ассигнована вполне достаточная сумма — 300 тысяч рублей серебром».

Да, ситуация знакомая — типичный долгострой. И выход из создавшегося положения легко узнаваем: «Предполагается снять леса, устроить временный иконостас и престол, а после праздника возобновить работу».

И киевский собор св. Владимира «не окончен внутренним убранством: здесь еще повсюду леса и материалы для отделки». Храмы еще не готовы. «Вечно опаздываем...» — вздыхает «Церковный вестник».

♦ «Говорите ли вы по-английски?»

Корреспондент «Нового времени», прибывший в Киев накануне торжества, «застал еще споры городских представителей о том, как устроить празднество. А день подходил, не дожидаясь, до чего додумается город. А гости приезжали, не уставаясь встречн со стороны города...»

Подтверждение тому случай, описанный «Церковным вестником»:

«Я снова посетил Киево-Печерскую лавру, прошел по ближним и дальним пещерам... Вместе со мною обозревали пещеру два американца, одинаково интересовавшиеся как пещерами, так и новейшим незатейливым изображением хождений св. Феодоры по мытарствам, представленным в одной из лаврских галерей. К сожалению, проводник их (оказавшийся впоследствии просто буфетчиком одной киевской гостиницы), без которого они не могли обойтись, потому что подобно другим американцам и англичанам не владел никаким языком, кроме английского, не мог удовлетворить их любопытству по своей неподготовленности к делу, за которое взялся».

Как написал бы современный журналист, проблема обеспечения празднества гидами-переводчиками стояла очень остро.

КОНФЕРЕНЦИЯ В БЕРГАМО

В начале этого года в Италии, в университете Бергамо, состоялась международная конференция, посвященная русскому богослову и ученому П. А. Флоренскому (1882—1943). По просьбе нашего корреспондента об этой конференции рассказывает один из ее организаторов — заведующая кафедрой русского языка и литературы Бергамского университета, профессор Нина Каучишвили.

Я заинтересовалась трудами Флоренского лет пять назад. Вскоре пришла к выводу, что Флоренский очень современен. В этом и его сила и, если хотите, его трагедия. Он не был должным образом понятым и оценен при жизни, ибо принадлежал к тем мыслителям, чьи работы опережали свое время. Достаточно упомянуть системные и семиотические методы, разработанные и примененные во многих его трудах.

Важную роль в формировании Флоренского как мыслителя сыграли его занятия математикой. Думается, что мно-

гие исследователи его творчества недооценивают этот фактор. Между тем даже в богословских трудах Флоренского чувствуется присущая математике аналитичность, стремление построить точную систему доказательств.

Часто возникают дискуссии по поводу того, кто же все-таки Флоренский — теолог или ученый? Мне кажется, правильнее сказать так: он был мыслителем, который научил нас видеть потаенные связи явлений, разработал оригинальную методику анализа.

И еще: Флоренский один из первых,

Но все это заботы пред-
праздничные. А что же сам
праздник?

♦ Юбилей

Киевский корреспондент
«Нового времени», писавший
под псевдонимом «Русский
странник», настроен востор-
женно:

«Я видел картину необы-
чайной красоты и величия
несказанного, картину, по-
добную которой вряд ли уви-
дит кто-либо раз, по крайней
мере, ранее ста лет, ибо ни
одно государство в мире не
в силах устроить у себя что-
либо идентичное со вчераш-
ним всероссийским торжест-
вом в Киеве...

Богослужение началось в
9 часов. Совершал его вы-
сокопреосвященный Платон
в сослужении митрополитов
Сербского Михаила и Митро-
фана Черногорского и четыр-
надцати епископов, не считая
иных лиц высшего русского
и иноземного духовенства.
По окончании богослужения
духовенство в светлых золо-
тых и серебряных ризах и
митрах, с митрополитами,
архиепископами и еписко-
пами во главе, в сопровож-
дении хоругвей и древнейших
образов киевских, с Еванге-
лием, горящими свечами и
курящимися кадилами, при
звоне всех киевских колоко-
лов, тронулось крестным хо-
дом к Днепру. За духовен-
ством следовал обер-проку-
рор Святейшего Синода
К. П. Победоносцев, генерал-
адъютант граф Н. П. Игнать-
ев, генералитет, депутации,
славянские гости, абиссинцы,
гурийцы, прибывшие на
празднество православные
японцы, греки, румыны...

Зарубежных гостей собра-
лось немало, «но зато от-
сутствовали», — пишет «Вест-
ник Европы». влиятельный
либеральный журнал того
времени, — наши же сопле-
менники, исчисляемые мил-
лионами, это — староверы и
вообще сектанты.

Столица праздновала 900-

летие крещения Руси с подо-
бающей такому событию
пышностью. Вот как его опи-
сывает самый популярный, су-
дя по тиражу, из «тонких»
журналов той поры — «Ни-
ва»:

«Торжество в Петербурге
происходило отчасти в при-
сутствии Государя Импера-
тора, Государыни Императ-
рицы и всего Августейшего
Семейства. В день праздни-
ков во всех церквях сто-
лицы соборные и торжествен-
но была совершена ранняя
литургия. По окончании ли-
тургии начался крестный ход
из Князь-Владимирского со-
бора... в сопровождении пре-
освященного Гермогена.

В половине второго часа
дня пришла из Петергофа
Императорская яхта «Алек-
сандрия» с Их Величествами
и Августейшими Особами. Их
Величества и Их Император-
ские Высочества в экипажах
проследовали затем к при-
станни, близ которой была
устроена Иордань. Здесь для
Их Величеств была приго-
товлена палатка, украшен-
ная цветами. На самой Неве
стояла Иордань, убранный
красным сукном, посредине
над местом водоосвящения
возвышался белый серебря-
ный балдахин, увенчанный
крестом. К месту Иордани

пришел крестный ход Иса-
акиевского собора, вслед за
ним подошла и большая про-
цессия из Князь-Владимир-
ского собора.

Следом за процессией при-
ехали Их Величества. Госу-
дарь Император поздоровал-
ся с войсками. Все спусти-
лись на Иордань, где было
совершено водоосвящение.
Императорская фамилия ста-
ла справа от духовенства,
слева стали придворные пев-
чие. Знамена, имея во главе
знамя роты дворцовых гре-
надер, окружали Иордань...

Да, был и салют из Петро-
павловской крепости, и тор-
жественное молебствие, и
«Слава Тебе, Богу, благода-
телю нашему во веки веков...»
Празднество достигло апогея.
Но центральной фигурой раз-
вернувшегося действия ока-
зался «Государь Император»:
«По всем церквам понесся
колокольный звон... Прото-
диакон, став пред архиерея-
ми, возгласил целый ряд мно-
голетий и воспоминаний
Первое многолетие — Госу-
дарю Императору, Госуда-
рыне Императрице и всему
Царствующему Дому».

Итак, по свидетельству
«Нового времени» и «Нивы»,
выражавших мнение офици-
альных властей и церкви,
праздник удался. Но вот как
увидел это событие кор-
респондент «Русского дела»,
газеты славянофильского
толка. По его сообщениям,
14 и 15 июля в храмах Москвы
было свободно, а «народ куч-
ками стоял на улицах, вяло,
с недоумением ожидая, что-
то будет... Народ действи-
тельно недоумевал. На на-
рочитые вопросы мои получа-
лись самые невежественные
ответы «Что сегодня за
праздник?» — спрашиваю.

«Владимирской». Или: «День
царской». — «Отчего народ
гуляет?» — обращаюсь в тре-
тью сторону. «Да, как у нас
в деревне: придет становой,
скажет: не работать завтра —
ну и не работаем, а отчего
пошто мы понимаем?» Немно-
гих удалось расспросить, но
перебрать бы всю толпу!»

Журнал «Вестник Европы»
высказывается по этому по-
воду не менее определенно:

«Нет сомнения, что ум-
ственное и нравственное со-
стояние наших народных
масс не таково, чтобы можно
было, судя по ним, заклю-
чить, что нас отделяют уже
девять веков от эпохи вве-
дения христианства»

Народ явно «огорчил» по-
борников христианской мо-
рали. Ну, а что интеллиген-
ция? По мнению того же
«Русского дела», «как-то
конфузливо мы отнеслись к
празднеству, с той именно
конфузливостью, которая
проявляется среди нас всег-
да, когда умом, а не чувст-
вом признаем необходимость
ликовать... Право, если бы
нам позволили праздновать
объединение Италии или
борьбу за независимость
Греции, одушевления было
бы больше»

Как видим, ликование по
официальному повелению
привело к некоторому кон-
фузу. Не будем, уподобляясь
прессе тех лет, искать вино-
ватого: народ ли это, чувства
которого празднество не за-
тонуло, интеллигенция ли,
больше радеющая за свобо-
ду и независимость далеких
от России стран, нежели за
юбилей ее «крещения»... Мы
лишь попытались восстано-
вить события столетней дав-
ности. Что было, то было...

попытался приблизить богословие к на-
стоящему, земным проблемам человека.
Может быть, многие авторитеты со мной
и не согласятся, но мне видится сходство
во взглядах Флоренского и известного
представителя «теологии освобождения»
Леонарда Боффа.

Мы еще только начинаем открывать для
себя Флоренского, и в этом смысле наша
конференция была весьма плодотворной.
Мы ведем переговоры об организации
следующей конференции — в 1989 году.
Местом ее проведения могла бы стать
Оптина пустынь

Размышляя над историей русской церкви, мы закономерно обращаемся не только к трудам ученых и к публицистике, но и к литературному наследию России. Богатые традиции художественного исследования этой темы используются, думается, отнюдь не так широко, как того заслуживают. Речь идет, конечно, не о «всеядности», а о критическом освоении художественно-культурного наследия.

Публикуемый отрывок из повести Андрея Белого «Серебряный голубь» особенно ценен, как нам представляется, точностью психологического рисунка, глубиной проникновения в мир верующих-сектантов. Что касается философской стороны повести, здесь тре-

буются некоторые пояснения.

В повести Белый изображает религиозную секту «голубей», в которую попадает студент Петр Дарьяльский. Написана она была в 1907—1909 годах. Прототипом героя стал поэт-символист, племянник известного религиозного философа Вл. Соловьева Сергей Соловьев. А. Белого, А. Блока и С. Соловьева связывала юношеская дружба. Кумиром всех троих долгое время оставался Вл. Соловьев с его концепцией особого пути России, которая призвана, по его учению, соединить Восток и Запад, дать миру новую духовность. «Загадка» России, угадывание ее пути — все это тесно сопрягалось

с выбором собственной цели в жизни. Вообще же проблема выбора особенно остро встала перед интеллигенцией после поражения первой русской революции. Чувство вины перед народом, стремление понять его, приблизиться к глубинам народной души и в то же время страх перед непонятым, непредсказуемым в ней — выход из этой духовной ситуации часть интеллигенции пыталась найти на путях религиозных исканий. Белый проверяет этот путь на опыте своего героя.

Дарьяльский приезжает в деревню к своей невесте, прекрасной дворянской девушке Кате, но роковое влечение к «духине», «богородице» секты «голубей» решает его судьбу. Он оставляет не-

весту, уходит к сектантам и гибнет, став жертвой темного мистицизма. В то время от церкви «отпадали» многочисленные секты — «духовных христиан», «христововеров» и иных толков. Изображенных А. Белым «голубей» многие приняли за секту хлыстов. Однако вот что говорил об этом сам писатель: «голубей», изображенных мной, как секты не существует, но они возможны со всеми своими безумными уклонами; в этом смысле голуби мои вполне реальны».

Повесть «Серебряный голубь» была опубликована в 1910 году и больше не издавалась. Предлагаем вниманию читателей отрывок, в котором показывается радение «голубей».

ЛИК ГОЛУБИНИН

Андрей БЕЛЫЙ

Андрей Белый (1916).

Аннушка глянула из-за цепи наружу: смотрит она — бесится там дождевая пыль: но в отвесах свечи ослепительным светом ударил в нее серебряный голубь, а над птицей мокрые свои кудри склонил человеческий лик; голос знакомый томным вошел в ее сердце, томным бархатом:

Девицы-красавицы —
Светел теремок!
Душеньки-подруженьки —
Пейте пиво да медок!
Ждите, гостя, ждите:
Гость тот не далек —
Из страны далекой
В терем ваш притек.

Из прихожей двери вели в зал да в Феклы Матвеевнины покои; из залы испуганно глянуло обвислое лицо с а м о й, со свечкою в руке; из противоположной двери выставились две старухи (мещане же шептались за дверями); у всех вытянулись лица: дух Луки Силыча невидимо бился в изорванных свечами лоскутьях тьмы, угрожая бедою; но вот Аннушка открыла дверь, тревожней заверещали старицы в темном провале двери; пуще шукнули за дверьми мещане, будто желтые листья, влекомые

Отрывок
из повести
«Серебряный голубь»

мглою, когда ветер сорвет их и затерзает в воздуха вздохах — там, за дверьми, их умиленные лица истаяли в улыбки; все склонились пред распахнувшейся дверью, когда нищий попрыгал порог, величаво пристукнув тяжелым посохом; прыснули темные кудри его из-под белой поганки; прыснули темные очи его из-под опухлых век; прыснула светом голубь-птица на пороге того дома: благодать снизошла в дом...

И когда Абрам протягивал братьям и сестрам заскорузлую свою, в тьме измокшую руку, радуясь, что покой и мир ожидает его после многих холодных верст, после многих бесплодных пространств, — там, за Абрамом, за птицей там голубем, — там, в безначальной тьме, еще ничего нельзя было разобрать, но уже что-то было: оно топотало на ступеньках крыльца — как безначальная тьма, как безначальный покой; вот и оно показало в прихожей: что-то хворое, жалкое повлеклось за нищим; хмуро вошло оно, будто утаивая принесенную сладость в образе угрюмом, — сам столяр строился из тьмы; он протянул свою хворую руку — бросилось его в упор лицо, но снилось им, что лица тут нет, а все только морщинки да смутные черточки; только из-за лица, как из бессмертных, зазвездных далей, не очи, — а теплый удар света вошел в их сладко вздыхающие груди...

Митрий Мироныч пожаловал в новых своих сапогах (это их-то он, кряхтя, натягивал на ноги: оттого и не сразу вошел вслед за нищим), обратился к ним общим поклоном; и жадно старухи увлекли его прочь ото всех, чтоб не рассеялся он, чтоб с молитвой он до вечера мог собраться, — ревниво вели через сад, через хлюпающие лужи грязи: фонарь слепо мигнул на дворе, потом он мигнул из-за яблонь: огонек постоял вдалеке, в глубине — у бани; и огонек погас: во тьме провалился столяр со старухами. С приходом столяра все разошлись: пора было сосредоточиться; одиноко сперва помолиться молитвой, отмыть свою душу от вседневной суесть. И опять по парадным комнатам прошуршала купчиха, просияла свеча — все померкло, ослепло, оглохло: мир отошел прочь и во мгле рассеялись стены.

И опять зезенькал звоночек; в темных покоях моргала свеча; строились, возникли в свете стены; тень Луки Силыча жалобно билась в углах; в прихожей стояли мещанки, мещане, градские мещаночки; простаивали в прихожей, пропадали, уведенные чьей-то рукой в чей-то покой. А уж с Паншиной улицы к Ганшиной снова подплыли старухи; — и лომились, и стучали зонтиками в ворота...

В отдельном флигельке, недалеко от ворот, где помещалась дворничья, и в самой дворничьей, — кипел

самовар; за самоваром, вымытый уже и распаренный, сидел нищий; он лукаво подмигивал на мглу, потягивая из блюдечка китайскую влагу, — и говорил Ивану-Огню, который угрюмо колупал пред Абрамом большой свой нос и тревожно посапывал:

— Что, братец, будешь и нонече вокруг бани гудеть колотушкой — чертей выгонять да с драконом бороться, когда в бане мы на молитву все встанем, — можно сказать? — добавил он, неизвестно что разумея этим «можно сказать».

А колотушка лежала на лавке; над колотушкой клонился Иван-Огонь своим волчьим, чего-то раз навсегда перепуганным лицом; всего неприятнее в этом лице было вовсе не то, что оно — волчье, но то, что волчье это лицо внизу кончалось до ужаса красным клоком волос и кончалось оно сверху — до ужаса красным вихром; был он в белой рубахе с красной под мышкой заплатой; неизвестно чего, но чего-то раз навсегда испугался Огонь; всего вероятней, его напугал столяр, показавши однажды на мглу и на хохот во мгле злого ветра; с той поры и открылось Огню, что черт — есть; душу свою Иван отдал, чтоб истребить эту пакость, в чем бы она, пакость, ни означалась; аки огонь поедающий, свирепо расхаживал по белу свету Иван, ратоборствуя с геенной; и неспроста, видно, столяр пристроил его ночным сторожем здесь, в этом доме. Злую силу видел Огонь и во мгле; как завидит он что, колотушкой взмахнет, колотушка заляется — колотушки той больно боялись бесы; только недавно что-то сам к Ивану дракон припожаловал, как светать уже стало; бился с драконом, бился Иван — сам не помнит, что было: только едва не подпалил дворничьей; так Огонь чуть-чуть не обратился и дом Еропегина, и усадьбу, и службы в геенское пламя.

В последнее время — шепнул ли кто, сам ли дошел — крепко стал призадумываться сторож над тем, что есть строгий хозяин его, Лука Силыч: не драконово порождение ль? Попризадумался, но молчал и еще более сулился и без этого насупленным он лицом (видно, недаром тот, кто по-сматривает на ужас геенский, сам легкий отсвет геенны на лице своем носит; такой отсвет почил на Иване).

Все в нем возбуждало только страхи или злость; и когда братия молилась, сладкие возгласы когда раздавались из бани, и вздохи, и смех, полный блаженства, и раскидистый рев проносящего столяра, — тогда Иван крепко злостью вскипал на врага рода людского, и, точно на бой ад и мглу вызывая, трещала, плясала, захлебывалась клочкотаньем деревянной трели, и рвался из рук, и бросался на мглу Иванова колотушка, и трещал ногой по кустам, плясал ногами, шепотом захлебывался, и бросался,

и рвался во мглу сам Иван; братия почитала Ивана великим подвижником: иные шушукались, что Ивана поглотит геенское пламя, что провалится в пламя Иван, охраняя сестер и братьев; не пускали Ивана в баню: кто без него разогнал бы шутов и бесов, слетавших в ночь, угрожавших моленью и бденью?

Ныне был Духов день, и уж Иван собирался на бой, и провидел он беса, и точно заранее подбирал он площадную ругань, сплевывая на пол, между тем, как нищий Абрам беспечно распивал чай и никакая сила, казалось, не могла оторвать его от житейского этого дела: одному лишь Абраму разрешалось до полуночной трапезы разговляться чайком, ибо был Абрам человек полевой и вся его стать, прямо сказать, иная была, не братьина.

И Абрам распивал чай, духом возвеселившись, меж тем как Иван, озлившись, одел полушубок, да во мглу и пошел; и во мгле плодового сада, отделявшего баню от служб, кустик похрустывал, веточка наклонялась; что-то угрюмо сопело у пня: это Иван, ночной сторож, бродил, караулил, но не стучал колотушкой; еще только издали шелестела вражья мгла крыльями: бесы еще не спускались на землю: бой еще предстоял впереди, — и какой бой!

В бане была тишина; в бане была прохлада; баню не топили; но вся она, с наглухо закрытыми ставнями изнутри, сияла, светила, плавала в свете; посреди ее стоял стол, покрытый, как небо, бирюзовым атласом с красным нашитым посреди бархатным сердцем, терзаемым бисерным голубем; посреди стола стояла пустая чаша, накрытая платом; на чаше — лжица и копие; фрукты, цветы, профоры украшали тот стол; и березовые зеленые прутья украшали сырые стены; пред столом уж мерцали оловянные светильники; над оловянными светильниками сиял водруженный, тяжелый, серебряный голубь (когда дух осенял сестер и братьев, голубь срывался с древка и летал, ворковал, порхал крылом, играл в помещении банном); в соседней комнате, что поменьше, одиноко стоял аналой, ничем не убранный; на аналое том книга; в белом весь одеяньи, с босыми ногами и с восковой над книгой зажженной свечей теперь, когда еще пусто все было, усердно... нет, не молился! — иступленно падал на землю столяр — падал и вновь с полу взлетал, взлетал и падал — с протянутыми руками, с белоогненным, с до ужаса восхищенным лицом — и разве лицо это было? Нет, не лицо: как бледный, утренний туман, что, как свинец, густо давит окрестность, и потом тонким уже в солнце вьется паром, чтоб совершенно исчезнуть в ослепительном утреннем блеске, так просквозило,

как пар, истончилось и, наконец, исчезло его лицо: так в хворых и жалких чертах просквозило сначала, потом прочертило, влилось и расплывало светом ветхие эти черты иное, живое солнце, иная, живая молитва, иной, еще в мир несшедший, но уже грядущий в мир Лик — Лик Духов А эти глаза? — глаз не было: было что-то, на что невозможно взглянуть, и не поддаться, не ахнуть восторгом, не закричать в ужасе; свет, исходивший из глаз, растопил лик, пролился на белые одежды одинокого молитвенника, который то падал, а то взлетал, простирая свои иступленные руки за братий, за Россию, за то, чтобы тайная радость России сбылась, чтобы так воплощение духа в плоть человека свершилось, как того не мир, а он, столяр, хочет; и стонет, и кличет, и просит он — того, одного: ничего ему больше не надо...

Невыразимо, невыносимо в пустой бане с ослепительным этим виденьем; но немного еще ему одному молиться; уже близ бани, среди яблонь, у дома по грязи хлюпают ноги — и там, где плывет во тьме фонарик, да и там, где нет фонарика, хлюпают к бане ноги: это братья и сестры тянутся теперь на молитву; жутко тукнула в чуткой тьме колотушка: в жуткой и чуткой тьме ночной сторож оповестил: близок враг; и уже спешат — спешат на молитву.

Тихо входят в предбанник то один, то другая: в предбаннике разуваясь, в белые облакаются там одежды. Глядишь — то тот, то другая в самой уже бане: молятся вокруг стола, а в соседнюю комнату, где за аналоем стоит столяр, — ни ногой; да и он уж не тот: не сверкает лик столяра: белое снова на нем лицо, белым облачком обозначилось снова — вот и длинное мочало бороды, и нос вот, и все прочее, столярское, никакое иное, только будто сквозное оно все — лицо; и глаза сомкнуты; стоит, читает молитвы.

Уже ввалилась и старушенция в баню; будто смертеньши, маленькие старицы, гаденькие, сутулые, бородавочные, — а тоже в белом во всем: по стенам стали, бормочут себе молитвы; уже и Какуринский тут, и Сухоруков медник, и иной мещанин и мещаночки, и с а м а, и еще кой-какие: сперва и не разберешь, кто да кто; не узнаешь: так свечи им лицо зажгли, так белые их одежды преобразили: ничего себе, молятся — наполнилась баня; и вот заперта освещенная баня с народом, будто и вовсе от мира она отрезана: здесь — мир новый, и все здесь иное, свое, голубиное; в ярких светильниках высоко поднятый голубь распростер надо всем свои крылья яркого серебра; шелк голубой, дорогой да крученный, под ним расстилается, и отражается, будто в шелку том голубь-птица.

Почитает столяр, почитает, да и по-

вернется, руки прострет над прибранным столом, над атласом, цветами, плодами, просфорами; и над чашей прострет он руки: пустая чаша; она наполнится в тот день, когда родится царь-голубь — дите светлое; а пока святости нет, нет и вина в пустой чаше. И над братьями прострет две свои руки столяр: клонятся люди, падают на пол; в тот день, как придет к ним радость, не упадут они, но ясно раскрытыми очами в ясно открытые очи друг друга воззрят с прекрасной улыбкой. И над березками две свои руки прострет столяр: неподвижны березки; они и не прошелестят, не преклонятся; не так будет в тот день, как слетит с древка своего голубь, на древке распланный: он опустится пером серебряным, гугукнет пером серебряным и сядет на те березки. И белым стенам уже прострает усталые свои руки столяр: исполнится час и белые стены белою станут далью без конца и без края; так раздвинутся в оный день одного града стены; широко и вольготно заживет в новом царстве, в серебряном государстве, под голубыми под воздушными народ. В том же царстве и серебряном том государстве кто да кто воссияет на царство? — Дух. В том же небушке, над голубыми над воздушными кто да кто пролетит? — Гигантская пролетит голубиная птица с клювом; клюнет она алое мира сердце, и пурпуровую кровушкой, что зарей, оно изойдет: сердце. И в потолок уже вовсе бессильно прострает ладони молитвенник — глядите: потолка вовсе нет: будто пошел потолок иконописью: синькою там намазано небо с сусалом проставленными звездами. Почто же оно высоко-высоко: да и вовсе то новое небо, и видит его столяр; только братия не видит; строго-строго заказал им столяр по сторонам озираться, и они не видят уже ни потолка, ни стен — точно и нет никакой бани; уже они кружатся, взявшись за руки, вокруг столяра хороводом; тихо, строго и чинно ходят: не пляшут — им плясать не дозволено; бедствие может великое приключиться от пляса — не пляшут, а ходят, хоровод водят, тихую такую песенку заводят:

Светел, ой светел, воздух холубой,
В воздухе том светел дух дорогой.

Так себе — поют...

А лица? Силы небесные, что за лица! Никто, никогда, нигде таких лиц не видал: не лица, а солнца; еще за час до того безобразные, грязные, скотские у них были лица, но теперь эти лица на все струят чистую, как снег, и как солнце, ясную свою прохладу: а глаза — глаза опущены; воздух же — не воздух, а просто радуга; не молитва, — а переливы радуги воздушной.

Так себе — поют, хоровод водят:

Светел, ой светел, воздух холубой,
В воздухе том светел дух дорогой.

А между ними тихохонько в том, в золотом, в голубом в воздухе поворачивается с чашечкой масла молитвенник: два перста в масло опустит и начертание на лбу у кого-нибудь проведет; тот поднимет — него очи, та исподлобья взглянет — не теплом и не холодом, но силой и светом обольет и того и ту; уже вот тот, и уже та — и это, и это пресветлое уже лицо — за столом; все теперь восседают за столом в радуге семицветной, средь белой, райской земли, среди хвой и зеленого леса и под Фаворскими небесами; некий муж светлый, преломляя, раздает просфоры; и глогают из кубка (не из чаши вовсе) вино красное Каны галилейской; и нет будто вовсе времен и пространств, а вино, кровь, голубой воздух, да сладость; они не слышат, как там, за стенами, колотушка заливается трелью, и как огненный страж защищает дверь от дракона — для них нет того, что не с ними. С ними — блаженное уснутие и вечный покой. Серебряный голубок, оживший на древке, гулькает, ластится к ним, воркует: слетел с древка на стол: цапает коготками атлас и клюет изюминки...

...Измучился в борьбе, борода рас-
трепалась, тукает колотушкой под
дверьми бани Иван, ночной сторож:
страшно ему: «Пустите, ей — невоз-
мугу мне борьба». Колотится в двери.
И ему нет ответа: там, за дверьми,
мертвая тишина; разве не знает Иван,
что уже и никого там нет? Если бы
в сей час взломать дверь, да войти
в баню, — грязные стены увидишь, да
лавки, а еще, пожалуй, услышишь
сверчка: а люди, свечи, цветы и све-
тильники — вот скажи, где все это?
Знать вышли себе из бани каким
потайным ходом, да и гуляют по небу,
райский цвет собирают, беседуют с
ангелом.

Посопел, посопел у бани Иван;
и пошел он от бани прочь: пошел он
спать в дворницкую...

Утром голубое все было, и небо,
и воздух, и роса: как светало, по-
скрипывали ворота еропегинского до-
ма; из ворот выходили зеленые,
хмурые люди, безмолвно, безжизненно
расходясь по домам; еще позднее
алела над Лиховым зорька, отражаясь
в утренних лужах, да на воле забытая
свинья хрюкала и рылась в сыром
бурьяне; да еще воротившийся Хве-
дор, вдрызг пьяный, колотился под
воротами, и потом покорно, спокой-
но, плавно улегся он в грязь.

Русские на горе Афон

В. ЕВГЕНЬЕВ

«Святая гора Афон» — историческое название района на живописном полуострове Халкидики, на северо-востоке Греции. Во времена царствования Константина Погомата (668—685) полуостров был отдан во владение монахам. В последующие века греки, русские, сербы, грузины, болгары основали на Афоне многочисленные монастыри и, как сказано в летописи, «жили в братской любви и согласии».

«Святой Афон» находится в юрисдикции Константинопольской патриархии и согласно конституции Греции обладает правом самоуправления.

Наш рассказ об истории и сегодняшнем дне одного из наиболее известных и старинных афонских монастырей.

● Афонский Пантелеймонов монастырь.

...На зеленых лесистых холмах, неподалеку от глубоководной бухты раскинулись подобно небольшому городку величественные строения русского Пантелеймонова монастыря.

Пантелеймонов монастырь получил самостоятельный статус в 1169 году, после слияния русского монастыря Ксилургу и обители Святого Пантелеймона, или, как ее еще называли, Старого Руссика. В XVIII веке русские насельники переехали в прибрежный монастырь, который стал основой Нового Руссика.

Расцвет русского монастыря на Афоне датируется серединой XIX века. Увеличилось количество приезжающих на поселение монахов, возрос поток пожертвований из России. Бюджет Пантелеймонова монастыря складывался из «добрых дел» даров верующих. Русское правительство разрешило монастырю содержать в России приносившие прибыль часовни и подворья для паломников. В Москве полномочным его представителем считалась известная в свое время Пантелеймонова часовня. По

утверждению современников, она приносила доход до 8 миллионов рублей в год. В этот период русский монастырь на Афоне заново обустраивается, сооружаются новые церкви, большая пристань для торговых кораблей, гостиничное здание. Занимаемая монастырскими постройками площадь намного превышает территорию Ватикана.

В 1871 году российское правительство вызвало представителей монастыря в Петербург и предложило им выбрать на Кавказе место для организации филиала Афонской общины. По решению делегации на побережье Черного моря между городами Гудаута и Сухуми был отведен участок, где в 1875 году возник Новый Афон.

Взамен этого правительство обязывало Пантелеймонов монастырь нести известные повинности, выражающиеся главным образом в заботах о православных русских паломниках, посещающих Иерусалим, Афон и Константинополь. По свидетельству современников, например выдающегося русского писателя Ивана Бунина, Палестинское общество доставляло паломников на Афон и в Константинополь уже после посещения Иерусалима, где они, как правило, растративали все свои деньги. Поэтому на Афоне и в Константинополе их не только приходилось бесплатно кормить, но нередко и одевать и за монастырский счет отправлять на родину.

Российское правительство и Палестинское общество поощряли паломничество, ибо оно помогало Петербургу сохранять свое влияние в Сирии и Палестине, способствовало развитию русского мореплавания в Средиземном море.

По некоторым оценкам российские православные владения на Афоне к 1913 году оценивались в 80 миллионов золотых рублей. Суда РОПИТ (Русское общество пароходства и торговли) каждую неделю прибывали в Афонский порт Дафни. Пантелеймонов монастырь имел два собственных торговых парусных судна, плававших в Константинополь, Одессу, Батуми. Монашеская братия насчитывала около 2 тысяч человек.

В 1913 году было выдвинуто предложение о предоставлении Афону статуса «авто-

номной монашеской республики, находящейся под протекторатом шести православных стран» — Греции, России, Румынии, Болгарии, Сербии и Черногории. Этот проект обсуждался на Лондонской конференции послов в 1913 году, но принят не был. Первая мировая война надолго отвлекла внимание европейских держав от Афона и его дел.

В настоящее время на горе Афон осталось 20 монастырей. Из них 17 греческих, а также русский, болгарский и сербский. Управляет монашеской «федерацией» Священный синод, состоящий из представителей всех монастырей. Устав монастырской жизни весьма суров. Вплоть до сегодняшнего дня строго-настрого запрещено ступить на «святую землю» женщинам. Ослушницам грозит тюремное заключение сроком до 6 лет. Даже губернатора, полицейских и других представителей гражданской администрации назначают только из холостых.

Сейчас Пантелеймонов монастырь имеет три большие церкви и 22 параклиса внутри монастыря, а также ряд церквей вне ограды. Монастырю принадлежат скит Крумица, имеющий две большие и пять малых церквей, и скит Новая Фиваида с шестью церквями. На территории монастыря Пантакратор находится русский Ильинский скит с двумя церквями и четырьмя параклисами, на территории Вартопедского монастыря — Андреевский скит с тринадцатью церквями. На территории монастыря святого Павла — скит Богородицы.

Некогда процветающее хозяйство Пантелеймонова монастыря ныне в запустении, значительная часть земельной собственности сдается в аренду. Великолепные в прошлом постройки нуждаются в восстановлении и реставрации. В плачевном состоянии знаменитая церковь, построенная в XIX веке после Крымской войны. Ее интерьер отделан серебром и золотом. Когда-то по красоте и убранству она считалась второй на Балканах. Разрушается Ильинский скит, другие строения. Остро стоит вопрос о пополнении состава насельников монастыря. Сейчас там проживает 20 русских монахов, большинство преклонного возраста.

та. Весной 1987 года Московская патриархия отправила туда семь монахов, но для оживления монастыря и организации работ по сохранению его достояния этого явно недостаточно. Представители греческого правительства и руководство греческой православной церкви не раз заявляли о своем желании оказать посильное содействие, однако многие вопросы, связанные с Пантелеймоновым монастырем, еще не нашли своего решения.

По мнению представителей Академии наук СССР, монастырский комплекс представляет исключительный интерес для историков, филологов и искусствоведов. Там хранятся десятки тысяч греческих, славянских, русских книг и рукописей, богатейшие архивы. Следует отметить знаменитую икону Александра Невского, обширное собрание византийских и славянских икон, коллекции предметов декоративно-прикладного искусства, старинной церковной утвари. Несомненный интерес вызывают высокохудожественные архитектурные комплексы, фрески. Многие советские ученые считают целесообразным организовать постоянную экспедицию по изучению наследия русского Пантелеймонова монастыря на горе Афон. Расширение сотрудничества между СССР и Грецией, в том числе и в гуманитарной сфере, позволяет надеяться на осуществление этого проекта.

КОММЕНТАРИЙ УЧЕНОГО

Редакция обратилась к научному сотруднику Института славяноведения и балка-

нистики АН СССР кандидату исторических наук А. А. ТУРИЛОВУ с просьбой рассказать об экспедиции, несколько лет назад работавшей в Пантелеймоновом монастыре.

— Предыстория экспедиции такова. В 1982 году известный грузинский режиссер Гурам Пагара, будучи на Афоне, побывав в Иверском и Пантелеймоновом монастырях. Вернувшись, он с горечью и болью рассказал о запустении, царившем в некогда величественных храмах. В «Литературной газете» тогда состоялся даже «круглый стол» по этой проблеме. Многие представители общественности проявили заинтересованность и беспокойство. На этой волне, усилиями Совета по делам религий при Совете Министров СССР и Московской патриархии, удалось организовать экспедицию, в состав которой вошли представители патриархии, Министерства культуры, Академии наук.

Мы провели на Афоне около месяца. Собирали материал для книги-альбома о монастыре, описали славянские рукописи.

— Много ли книг и рукописей в библиотеке монастыря?

— 20 тысяч печатных книг, 1300 греческих рукописей и 160 славянских. Книги и рукописи хранятся также в скитах и кельях. Их много, несмотря на то, что в течение своей многовековой истории монастырь дважды полностью разрушали испанцы и турки.

В 1968 году загорелась монастырская типография. Пожар, к счастью, удалось быстро потушить, однако водой был унич-

тожен карточный каталог книг. Его не восстановили, потому что выполнить эту гигантскую работу некому. Вообще, чтобы поддерживать монастырское хозяйство хотя бы на минимальном уровне, необходимо, чтобы там постоянно работали не менее 50 человек.

— А какова ситуация с Иверским монастырем, бывшим когда-то средоточием грузинской культуры за рубежом?

— Грузинских монахов там практически не осталось. В основном в нем живут греческие монахи. Проблема насельников не проста. Жизнь в монастыре далеко не радужна. Одно дело — бытовые трудности, их немало. Другое — то, что Афон находится в тройном подчинении — Вселенского патриарха, греческой администрации и Священного синода. Это порой создает ряд деликатных моментов. Но думаю, что все стороны заинтересованы в одном: чтобы эта интернациональная «монашеская республика», просуществовавшая более тысячи лет, не прекратила своей жизнедеятельности.

Интересен опыт Югославии. На Афоне, как известно, находится великолепный сербский Хиландарский монастырь. В Югославии создано Хиландарское общество, объединяющее представителей различных слоев общественности. Оно имеет свой печатный орган, фонды и т. д. Почему бы нам не создать свое Афонское общество?

В изучении уникальных исторических памятников Афона должны объединить свои усилия ученые и общественные деятели различных стран и национальностей.

данным, в Японии около 30 тысяч православных.

— Ходит ли в церковь молодежь?

— Молодежь бывает на богослужениях, хотя, к сожалению, люди в этом возрасте мало думают о религии, предпочитая тратить время на удовольствия.

— Много ли в Японии православных храмов?

— 92 по всей стране. Совсем недавно построены два новых — на острове Хоккайдо и в Нагасаки. Глава Японской церкви архиепископ Феодосий проводит их торжественное освящение и по этой причине не приехал на ленинградскую конференцию.

Наш главный храм — собор Воскресения Христова в Токио. Православные японцы называют этот храм «Николай-до» в память основателя своей церкви. Воскресенский собор построен в 1901 году, он по праву считается одним из самых красивых сооружений столицы. Во время торжественных богослужений под его сводами собираются сотни людей.

— Как уживается православие с традиционными японскими религиями синтоизмом и буддизмом?

— Вполне мирно. В различных жизненных ситуациях японцы нередко прибегают к ритуалам, заимствованным из различных религиозных систем. Бывает так: рождение человека сопровождается синтоистским обрядом, бракосочетание — христианским, а смерть — буддийским.

Японцы уважительно относятся ко всем религиям. У нас существует обычай — на Новый год люди ходят из храма в храм, делают подношения и молятся, чтобы высшие силы разных религий ниспослали им удачу, успех, здоровье. В эти дни толпы людей посещают и Николай-до. На многих красота и торжественность православного богослужения производит сильное впечатление, и они начинают посещать храм регулярно.

Под сводами Николай-до

Расскажите о Японской православной церкви, ее основании и сегодняшнем дне
В. СУХАРЕВ
Москва

Ответом на вопрос читателя может служить выступление на Третьей международной научной церковной конференции, посвященной 1000-летию крещения Руси, протоиерея ИУСТИНА (Ямагучи Йошиито), помощника архиепископа Токийского, митрополита всей Японии Феодосия, а также беседа с ним нашего корреспондента.

Основателем Японской православной церкви был архиепископ Николай, один из первых русских исследователей этой страны, человек поистине необычайной судьбы. В 1860 году иеромонах Николай (Касаткин) выехал из Петербурга, чтобы занять пост настоятеля православной церкви в Хакодате при новочужденном русском консульстве. Окажись на месте Николая другой человек, он, наверное, ограничился бы выполнением своих непосредственных скромных обязанностей. Но у молодого настоятеля были иные цели, иной путь.

С великим усердием приступил он к изучению японского языка, местных обычаев и культуры. Долгие годы упорнейшего систематического труда принесли богатые плоды. Настоятель Николай в совершенстве овладел книжным и разговорным японским языком, изучил историю, литера-

туру, фольклор, обычаи страны. Прочел в оригинале и китайских классиков. Интересовали его также местные религии. Русского священника нередко видели в храмах синтоистов и буддистов, где он слушал проповеди, беседовал с людьми. Японские газеты писали о нем как о человеке, знавшем страну лучше, чем многие японцы. С годами росли его известность и авторитет, множилось число учеников и последователей.

В 1870 году архимандрит Николай стал начальником русской духовной миссии в центре в Токио. Миссия содержала семинарию, катехизаторское училище, женские школы. В 1880 году руководитель миссии становится епископом, а 16 лет спустя — архиепископом. Умер архиепископ Николай в 1912 году в возрасте 76 лет.

ОТЕЦ ИУСТИН ответил на вопросы о сегодняшнем дне Японской автономной православной церкви.

— Когда Японской церкви предоставлена автономия?

— Автономия от Московской патриархии она получила в 1970 году. По нашим

Сергиевское подворье в Париже

Много приходилось слышать о Сергиевском подворье и православном Богословском институте во Франции. Под чьим управлением они находятся? Какова их история и современное положение?

М. КИСЕЛЕВ,
г. Загорск

Ответить на эти вопросы мы попросили преподавателя Богословского института в Париже Николая Михайловича ОСОЦКОГО.

Что такое Сергиевское подворье? Это небольшой участок земли на окраине Парижа, где находятся и церковь и Богословский институт. Основано подворье в 1925 году. Как известно, именно в те годы

численность русских людей во Франции резко возросла. А православная церковь на весь Париж была одна-единственная. Тогда и приобрели этот участок, чтобы организовать там приход. Но поскольку участок был со строениями, у митрополита Евлогия* возникла идея создать на территории подворья Богословский институт.

Первоначально здесь обучались русские, болгары, арабы. После войны стали приезжать греки, финны, американцы. Теперь немало и французов, принявших православие.

Должен отметить, что это единственный такого уровня институт в Западной Европе. Находится он в юрисдикции Константинопольской патриархии. Мы поддерживаем отношения с Московской патриархией. Наши представители часто посещают СССР, участвуют в различных симпозиумах и конференциях.

* Начало воспоминаний митрополита Евлогия см. в № 5, а окончание — в этом номере. (Прим. ред.)

М. БЕССОНОВ

Константинопольская и другие

Раздоры в лоне христианской церкви, которые впоследствии привели к ее разделению, начались с возвышения «Нового Рима» — Константинополя, ставшего политическим, культурным и религиозным центром восточных провинций Римской империи. К V столетию между двумя столицами прерывается административная связь. А в 1054 году Константинопольский патриарх и папа римский, предав друг друга анафеме, тем самым как бы санкционировали давно уже обозначившийся раздел христианства на два направления — греко-византийское (православие) и римско-католическое (католицизм).

В 1965 году в Риме и Стамбуле были торжественно разорваны грамоты от 1054 года с текстами проклятий. Эти шаги к примирению, однако, не устранили разделения христианства и давних противоречий католичества и православия по вопросам главенства.

В настоящее время в мире существует 15 автокефальных (самостоятельных) православных церквей.

КОНСТАНТИНОПОЛЬСКАЯ церковь — одна из самых древних православных церквей. Возглавляет ее патриарх, который носит титул: «Святейший архиепископ Константинополя — Нового Рима и вселенский патриарх». Патриаршая резиденция находится в Стамбуле. Число приверженцев в самой Турции невелико — около 30 тысяч. Однако церковь имеет более 20 епархий в странах Западной Европы, Африки, Северной и Южной Америки и Австралии, объединяющих 4 миллиона верующих. В юрисдикции Константинопольской церкви находятся Финляндская автономная православная церковь, полуавтономная Критская православная церковь, монастыри на горе Афон.

АЛЕКСАНДРИЙСКУЮ церковь, получившую название по городу Александрия в Египте (ныне АРЕ), возглавляет «Папа и патриарх Александрийский и всей Африки». В настоящее время эта церковь растеряла былую славу и богатство и находится под сильным влиянием Константинопольской патриархии. Насчитывает 300 тысяч верующих. Имеет 9 епархий в АРЕ, Уганде, Танзании, Кении и других странах Африки. Всемирной известностью пользуется библиотека Александрийского

Иерусалим. Вид с Елеонской горы.

патриархата, основанная более тысячи лет назад. Ее фонды столь богаты, что на базе библиотеки в 1952 году был учрежден Институт по изучению Востока. Церковь имеет подворья в Афинах и Одессе.

Города **АНТИОХИЯ**, чьим именем названа одна из древнейших православных церквей, уже нет на карте. В прошлом Антиохия была столицей Сирии, центром христианского богословия. В Новом завете сказано, что именно в этом городе последователи Христа начали называть себя христианами.

Управляет церковью патриарх с титулом «Блаженнейший и святейший патриарх великого божьего града Антиохии, Сирии, Аравии, Киликии, Иверии, Месопотамии и всего Востока, отец отцов и пастырь пастырей». Резиденция его находится в столице Сирии Дамаске. Антиохийская церковь имеет несколько сот тысяч приверженцев, объединенных в 22 епархии: в Сирии, Ливане, Иране, Турции, Северной и Южной Африке. С 1948 года имеет подворье в Москве.

ИЕРУСАЛИМСКУЮ церковь по традиции нередко называют «матерью церквей», ибо она сформировалась там, где возникло само христианство. Насчитывает более 100 тысяч верующих. Титул патриарха: «Блаженнейший и всесвятый» Кир патриарх святого града Иерусалима и всей

Палестины, Сирии, Аравии, обонпол Иордана, Каны Галилейской и святого Сиона». Иерусалимская патриархия имеет десятки храмов и монастырей. Юрисдикция церкви распространяется на Иорданию и Синайский полуостров, где находится монастырь святой Екатерины. Основанный во второй половине VI века, он считается самым древним из сохранившихся христианских монастырей. Здесь хранится огромное количество старинных рукописей (греческих, сирийских, арабских, грузинских, армянских, эфиопских, халдейских, славянских), изучение которых представляет огромный интерес для науки.

СЕРБСКАЯ православная церковь также относится к старейшим православным церквям. Получила автокефалию в 1219 году. Впоследствии не раз подчинялась Константинопольскому патриарху и вновь обрела автокефалию.

Во время второй мировой войны Сербская православная церковь поддержала народное восстание против фашистской Германии в марте 1941 года. Восстание было жестоко подавлено, тысячи священников убиты, большинство храмов разрушено.

Сербская церковь управляется патриархом, который носит титул «Святейший архиепископ Печский, митрополит Белградско-Карловацкий, патриарх Сербский». В пределах Югославии церковь имеет 21 епархию и около 8 миллионов приверженцев и 7 епархий за рубежом — в США,

Канаде, Европе. В 1966 году из Сербской церкви выделилась Македонская автокефальная православная церковь, однако патриархия не признала эту автокефалию, объявив Македонскую церковь раскольнической организацией.

ЭЛЛАДСКАЯ (греческая) церковь получила автокефалию от Константинопольского патриарха в 1830 году. Управляется архиепископом, который носит титул: «Блаженнейший архиепископ Афинский и всей Эллады». Церковь состоит из 1 архиепископии и 77 митрополий, насчитывающих 8 миллионов человек, что составляет более 80 процентов населения страны.

● Афины. Троицкая церковь.

Автокефалия КИПРСКОЙ церкви была окончательно утверждена в 962 году Константинопольским Вселенским собором.

В соответствии с конституцией Кипра церковь отделена от государства. Тем не менее она занимает сильные позиции в политической, экономической и общественной жизни страны. Они были упрочены в период президентства архиепископа Макариоса (1959—1977). Архиепископ носит титул: «Блаженнейший архиепископ новой Юстинианы и всего Кипра». Приверженцев около 500 тысяч человек.

● Кипр. Монастырь Богородицы.

БОЛГАРСКАЯ православная церковь образовалась в IX веке. В середине XIX века в связи с усилением в стране национального движения остро встал вопрос об отделении от Константинопольской патриархии, проводившей антиболгарскую политику. В 1872 году Болгарская церковь объявила о своей автокефалии. Константинопольский собор ее, однако, не признал, а на саму церковь наложил схизму. Только в 1945 году схизма была снята, и в 1953 году восстановлено патриаршество.

Патриарх носит титул: «Святейший патриарх Болгарский». В пределах Болгарии имеется 11 епархий, около 3200 храмов и более 120 монастырей. За ее пределами — 3 епархии: в США, Канаде, Южной

Америке и Австралии, приходы в Венгрии, Румынии, Австрии. В Москве Болгарская церковь с 1948 года имеет подворье с храмом Успения Богоматери.

РУМЫНСКАЯ православная церковь тоже первоначально входила в юрисдикцию Константинопольской патриархии. В 1885 году стала автокефальной, с 1919 года провозглашена патриархатом. Патриарх носит титул «Блаженнейший патриарх всей Румынии, наместник Кесарии Каппадокийской, митрополит Унгро-Влахийский, архиепископ Бухарестский». В распоряжении церкви 8 тысяч храмов и 133 монастыря. Приверженцев — больше 17 миллионов. В пределах Румынии церковь имеет 13 епархий, которые объединяются в пять митрополий. Имеет архиепископию в США и Канаде, епископию в Венгрии и Югославии, автономную епископию во Франции, а также ряд церковных сооружений в Болгарии и Швейцарии.

АЛБАНСКАЯ православная церковь создана в 20-е годы нашего века. После объявления Албании «безрелигиозной страной» информации о состоянии Албанской церкви из официальных источников не поступает.

ЧЕХОСЛОВАЦКАЯ православная церковь возникла в начале 20-х годов нашего столетия. Находилась в юрисдикции Сербской православной церкви. Во время второй мировой войны была разгромлена фашистами. Поводом для репрессий послужило предоставление убежища в православном храме героям-подпольщикам, совершившим покушение на палача чешского народа обергруппенфюрера СС Рейнгарда Гейдриха*.

После войны с согласия Сербской церкви Чешская обратилась к Московской патриархии за помощью по восстановлению православия в Чехии и Словакии. Был образован экзархат под началом Русской православной церкви, а в 1951 году провозглашена автокефалия. В настоящее

время Чехословацкая православная церковь насчитывает свыше 200 тысяч последователей, 245 приходов, объединенных в 4 епархии. Глава — «Митрополит Пражский и всей Чехословакии».

ПОЛЬСКАЯ православная церковь, автокефальную с 1948 года, возглавляет «Блаженнейший митрополит Варшавский и всей Польши». Около 220 приходов — в основном в восточной части страны и почти миллион последователей.

История становления АМЕРИКАНСКОЙ православной церкви связана с деятельностью на Аляске в конце XVIII века русских православных миссий. С середины XIX века православные миссионеры стали продвигаться из северных территорий в южном направлении к индустриальным центрам США. Синод учредил в Америке отдельную епархию — Алеутскую и Аляскинскую, ее центр был перенесен в Сан-Франциско, а затем в Нью-Йорк. В 1933 году был учрежден экзархат Московской патриархии в Северной и Южной Америке, а в 1970 году Православной церкви Америки была предоставлена автокефалия. Таким образом, она является самой молодой из православных автокефальных церквей. Управляется митрополитом и имеет 8 епархий, объединяющих 440 приходских общин в США, Канаде, Аргентине, Перу, Бразилии, Венесуэле. Число приверженцев — около 3 миллионов.

Большинство зарубежных православных автокефальных церквей являются членами Всемирного совета церквей, Христианской мирной конференции, поддерживают тесные связи с Русской православной церковью.

* См.: Шамаро А. Утрени уже не было. «Наука и религия», 1986, № 6

CONTENTS

Controversy around the Millennium: a 1000 years of Christianity in Russia (p.2—3)

Scientists and Theologists at the „Round Table“: ● „Dialogue? It's Only a Beginning“, by V. Pazilova (p.30)

Russian Orthodox Church Today: ● „The Eighth Day“ — the social doctrine of the Church is analysed by Yu. Zuev (p.14)

● „Theology of Peace“, by A. Krasikov (p.15) ● „Miracles in Grushevo“, by V. Kharazov (p.46)

Monuments of the Past: ● „Story of the Danilov Monastery“, by I. Zavyalova (p.12) ● A rare Novgorod icon was recently presented to the Soviet people by Mrs. Rockefeller — comments by G. Vzdornov, D.Sc. (History of Arts) (p.10) ● An essay on the life and work of famous Russian architect V. Bazhenov (1738—1799), by V. Pigalev (p.52)

Time and People: ● „Metropolitan Khrapovitsky: the Life of a Patriarch who Never Was“, by A. Shamaro (p.35) ● „The Emigrants“ — extracts from the memoirs of Metropolitan Evlogy (1868—1946) (p.18) ● „Metropolitan Vvedensky: He Never Repented“, by O. Brushlinskaya (p. 42)

Opinions: ● New ideas about „oprichnina“ of Ivan the Terrible, by A. Nikitin (p.32) ● „Transformation of the Mythological

Image of Baba-Yaga“, by V. Lebedev (p.26)
History of Christianity in Russia:

● „Christianity in the XIII Century“, by corresponding member of the Academy of Sciences S. Averintsev (p.38) ● „Catholicism and Russ“ — Papal messages to the Russian princes in the XIII Century, translated and commented by N. Daragan, Cand Sc. (History) (p.39) ● „Celebrations of the 900th Anniversary of the Baptism of Russ“, by O. Stepovaya (p.56)

Arts and Literature: ● Extracts from „The Silver Dove“, by outstanding Russian writer Andrey Bely (p.58)

Reflections: ● „Refutation“ — reminiscences of a former priest (p.24)

Orthodoxy Abroad: ● „St. Panteleymon Monastery on Mount Athos“, by V. Evgeniev (p.61) ● „Orthodox Churches around the World“, by M. Bessonov (p.63)

Сдано в набор 21.03.88. Ордена Ленина
Подписано к печати 05.05.88. комбинат печати
А 10915. издательства
60х90/16. «Радянська Україна».
Офсетная печать. 252047, Киев-47,
8 усл. печ. л. проспект Победы, 50.
9,75 кр. отт. Текст набран
12,31 уч.-изд. л. с применением
тираж 480 000 экз. ответственного
Зак. 01550. фотонаборного
комплекса «Каскад».

● Богоматерь Одигитрия

● Старший эксперт А. И. Петрова представляет возвращенное сокровище.

● Троица.

Художественные ценности России, считавшиеся утраченными, возвращаются на Родину. Жемчужиной Советского фонда культуры стала двусторонняя икона конца XV — начала XVI веков из знаменитых святцев Софийского собора в Новгороде. Об этом читайте на с. 10.

УБЕЖИЩЕ

Вырубленная высоко в скале череда церквей, часовен, келии и усыпальниц — Инкерманский монастырь. Пещерную обитель основали изгои. Было это, видимо, так.

В VIII веке на некоторое время официальной идеологией Византии стало иконоборчество. Почитание икон преследовалось как идолопоклонство. Изымалось имущество разбогатевших монастырей. И вот сосланные (или беглые) иконопочитатели оказались в дальних, заморских пределах империи — в Таврии, в «херсонесских климатах». Там, где кончались владения Херсонеса, в конце узкого и длинного, как нож, Инкерманского залива они нашли меловые скалы, изрытые пещерами. Издревле люди пользовались податливостью этих

гор, устраивая в них жилище. Изгнанники высекли в скале обитель на свой лад.

В длинной пещере легко дышится, темные переходы «разряжаются» ярко освещенным пространством храмов. Свет идет из вырубленных на солнечную сторону окон — снаружи они обозначены рельефными фасадами — «фонарями».

На скальных сводах видны остатки древних фресок. Это не утонченно-каноническая, «стильная» живопись поздней Византии, а искусство вызывающе простое, фреска-плакат.

Уже в IX веке основание пещерного монастыря стали приписывать глупой старине — началу новой эры. «Катакомбный» вид обители тому вполне способствовал.

Местное предание перетасовало историю, заменив недавних императоров-иконоборцев римским императором Траяном, гонителем первохристиан. Легенда «определила» именно здесь место ссылки одного из первых римских епископов — папы Климента. Должно быть, херсонесцы, о которых еще недавно церковный автор Епифаний писал, что они «туги на веру, лгуны и поддаются влечению всякого ветра», теперь пожелали иметь собственную христианскую историю.

Около 860 года по легендарным местам Таврии прошел Кирилл — просветитель славян и «обрел» в окрестностях Херсонеса священные останки ссыльного Климента. Находка была для него средством заручиться

поддержкой папы римского.

Но, видимо, Кирилл отвез в Рим только частицу мощей, остальное отдал Херсонесу.

«Корсунская легенда» русских летописей утверждает: князь Владимир, приняв здесь крещение в 988 году, получил в дар от священников Корсуни мощи святого Климента, и они стали главной святыней киевской Десятинной церкви.

В XIV веке Херсонес окончательно разорили набеги Золотой Орды, подорвала конкуренция генуэзских купцов. Но пещерная обитель держалась еще лет сто — под защитой греческого княжества Феодоро. На скальном плато над монастырем выросли крепостные стены и башни. В одной из них сохранился выцарапанный на камне рисунок стоящего в заливе генуэзского корабля...

Обитель святого Климента восстановили в 1852 году, но иноческое бытие прервала Крымская война. В 1867 году монастырь открыли вновь. У подножия скалы построили храмы, напоминающие раннехристианскую и даже античную архитектуру, монастырские службы, гостиницу. Все это разматало артогнем в годы Великой Отечественной войны.

Сегодня у входа в пещеру две таблички: одна представляет памятник древности, другая напоминает, что во время Севастопольской обороны 1941—1942 годов здесь, в монастырской скале, находился штаб 24-й Чапаевской дивизии.

Поднявшись на плато, можно увидеть белые плиты старинного кладбища. За прошедшие века их то брали с могил и заделывали ими прорехи в крепостных стенах, то вынимали из разрушенных, ставших ненужными укреплений и снова несли на погост. Одну из таких выдавших плиты сплошь покрывают вырезанные буквы — надпись 1942 года в память о погибшем политруке. Белыми стихами...